

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 8(29)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 8(29)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Москва
2017

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Посвящается 65-летию кафедры истории
государственных учреждений и общественных организаций

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фольтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС), Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Топола, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: М.А. Андреев, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история: российская государственность

<i>Т.Г. Архипова</i> Современная российская государственность и перспективы ее модернизации	9
<i>К.В. Ерёмкина</i> Закат института генерал-губернаторства в Новороссии во второй половине XIX в.	24
<i>А.Ю. Бахтурина</i> Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908–1910 гг.)	31
<i>А.С. Сенин</i> Транспорт Украинской ССР в годы новой экономической политики ...	49
<i>Е.А. Скрипко</i> Организация охраны природы в Советской России (1919–1924 гг.)	73
<i>И.А. Анфертьев</i> Приход И.В. Сталина к власти и стратегические замыслы правящей РКП(б) в сфере социальных преобразований	82
<i>М.А. Андреев</i> Совет безопасности Российской Федерации и его секретарь А.И. Лебедь: июнь–октябрь 1996 г.	92
<i>Д.С. Галиева</i> Естественные монополии России в условиях реформирования на рубеже XX–XXI вв. (на примере железнодорожного транспорта)	100

Историография и источниковедение: российская государственность

<i>Л.Д. Шаповалова</i> О научном творчестве профессора Т.П. Коржихиной	109
---	-----

<i>С.С. Войтиков</i>	
Новейшая историография деятельности И.В. Сталина в годы Гражданской войны	122
<i>А.Ф. Лукин</i>	
Характеристика руководителей Белого движения в научно-публицистических рецензиях российских историков и литераторов (1990-е – 2016 гг.)	130
Abstracts	141
Сведения об авторах	146

CONTENTS

The History of Russia: Russian Statehood

<i>T. Arkhipova</i> Modern Russian Statehood and the Prospects for its Modernization	9
<i>K. Eryomina</i> The Wane of General-Governorship Institution in Novorossia in the second half of 19th century	24
<i>A. Bakhturina</i> Discussions on National and Local Laws in Relation to the Grand Duchy of Finland (1908–1910)	31
<i>A. Senin</i> Transport of the Ukrainian SSR during the Period of the New Economic Policy	49
<i>E. Skripko</i> Organization of Nature Protection in Soviet Russia (1919–1924)	73
<i>I. Anfertiev</i> Joseph Stalin's Ascent to Power and the Strategic Agenda of the Ruling Party RCP(b) in the Sphere of Social Transformations	82
<i>M. Andreev</i> The Security Council of the Russian Federation and its Secretary Alexander Lebed: June – October 1996	92
<i>D. Galieva</i> Russia's Natural Monopolies under Conditions of Reforming at the turn of 20th–21st centuries (by the Example of Railway Transport) ...	100

Historiography and Source Studies. Russian Statehood

<i>L. Shapovalova</i> About Professor Tatyana Korzhikhina's Scientific Work	109
--	-----

<i>S. Voytikov</i>	
Contemporary Historiography of Joseph Stalin's Activities during the Russian Civil War	122
<i>A. Lukshin</i>	
Characteristics of White Movement Leaders in the Scientific and Journalistic Reviews of Russian Historians and Writers (1990s – 2016)	130
Abstracts	141
General data about the authors	148

Отечественная история: российская государственность

Т.Г. Архипова

Современная российская государственность и перспективы ее модернизации

В статье рассмотрены компоненты российской государственности на рубеже XX–XXI вв., обозначены основные проблемы их развития и основные направления их модернизации. Особое внимание уделено государственному аппарату и государственной службе.

Ключевые слова: государственность, государственное устройство, государственный аппарат, чиновничество, государственная идеология, национальная идея.

Еще сравнительно недавно под государственностью понимали либо государство в целом, либо государственный аппарат, либо политическую систему и т. п. На сегодняшний день существует ряд ее определений, правда, не вполне четких. Они напрямую зависят от принадлежности их авторов к той или иной области гуманитарного знания. Однако все эти определения при всем их различии совпадают в том, что понятие «государственность» шире и глубже понятия «государство». Государственность это качественное состояние государства¹. В то же время государственность менее устойчивая категория, нежели государство; при сохранении последнего она может существенно меняться, демонстрируя зачастую значительную преемственность, которая способствует осуществлению модернизационных мероприятий мирным, безболезненным путем.

В настоящее время школа историков-государствоведов РГГУ продолжает придерживаться того определения государственности, которое было сформулировано на кафедре еще при жизни основателей школы – Н.П. Ерошкина, Т.П. Коржихиной, А.Д. Степанского,

Т.М. Смирновой и др., сформулировано после долгих раздумий и споров. Она была определена как совокупность таких качеств государства, как его государственное устройство, государственный аппарат, чиновничество и идеология. На первый взгляд может возникнуть вопрос: почему среди этих «качеств» нет политического режима, политической системы, гражданского общества, наконец? Ответ прост: они присутствуют в каждом из этих «качеств».

Анализировать недавнее прошлое и легко, и трудно. Легко потому, что исследователь – очевидец, а иногда и участник событий. При анализе тех или иных событий он может использовать собственные впечатления. Кроме того, его работа во многом облегчена изысканиями вездесущих представителей всевозможных СМИ, хотя зачастую они работают по принципу «нам бы проку-карекать, а там хоть не светай!». Трудности же для историка представляет отсутствие дистанции, так необходимой ему для понимания места изучаемых фактов в событийном ряду, для анализа имевших место последствий, о чем писал еще В.О. Ключевский. Чем дальше уходят в прошлое те или иные события, тем всестороннее их анализ, взвешеннее оценка. Период конца минувшего века – начала нынешнего сложен и многообразен: калейдоскоп событий, их спонтанность, последствия осуществленных в то время преобразований породили зачастую полярные их оценки. В такой ситуации историку крайне трудно быть беспристрастным наблюдателем, исследователь может превратиться в следователя, а это уже другая профессия. И все же изучение современности необходимо, так как оно позволит будущим историкам лучше понять наше непростое время.

Вполне естественно, что историография современной российской государственности находится в стадии становления, хотя ее проблемы, так или иначе, затрагиваются в исследованиях, посвященных событиям этого периода. На сегодняшний день единого мнения о том, с какого времени можно начинать отсчет новой российской государственности, нет. Думается, вести его, скорее всего, следует с начала 1990 г., когда на повестку дня встал вопрос о расширении самостоятельности РСФСР в экономической, политической, социальной сферах в рамках союзного государства. Постановку этого вопроса поддерживали самые различные политические силы – от коммунистов до их противников, от либералов до демократов и т. п.

Принятие Первым съездом народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете (не такой конфронтационной, какой казалась она союзному руководству) породило, в том числе, и «войну

законов» между центром и РСФСР, выразившуюся в том, что российские власти отменяли действие союзных законов, союзные – действие законов российских. Референдум в марте 1991 г. остановил было центробежные тенденции, но августовские события их ускорили. К моменту распада СССР в РСФСР, казалось, были созданы все предпосылки для построения новой российской государственности, но оно задержалось до конца 1993 г. Причина этого видится в попытке части политического спектра приспособить советскую государственность к новым российским реалиям.

Проблема устройства по форме связей центра и территорий, как известно, была весьма острой для российского государства всегда. Центральная власть и в советские годы во многом сохранила унитарный его характер. При всех трудностях периода 1991–1993 гг., когда под угрозой распада, вслед за СССР, оказалась и Российская Федерация, благодаря политическим – не административным – мерам этого удалось избежать, чему способствовали и уступки центра лидерам республик в составе России, и Федеративный договор, и ликвидация бессубъектных территорий, и сохранение реалий, сложившихся за многовековую историю страны.

Размеры страны, исторически сложившаяся дифференциация экономического развития различных ее частей, ментальное разнообразие этносов и другие особенности предопределили федеративное устройство государства, что и было закреплено новой российской Конституцией. В соответствии с ней в России существует четыре вида субъектов федерации: национально-государственные, национально-территориальные, административно-территориальные и города федерального значения. Периодически возникающий вопрос об унификации видов субъектов федерации пока решения не находит. Эта проблема не только сегодняшнего дня. Она не раз вставала и перед руководством страны в советский период ее существования. О намерении Ю.В. Андропова «ликвидировать построение СССР по национальному принципу» незадолго до смерти рассказал его бывший помощник А.И. Вольский. Вместе с Е.П. Велиховым они подготовили три варианта, поделив СССР на 41 штат. Реализовать это намерение, как и многое другое, Генеральный секретарь не успел². Так что предложение лидера ЛДПР Жириновского в начале 90-х гг. не было оригинальным. Не так давно упрек в адрес основателей такой федерации высказал и В.В. Путин. Действительно, при дисперсном расселении этносов и этнических групп создание государственных образований по национальному принципу не способствует консолидации общества, порождает труднопреодолеваемые конфликты на национальной почве. Как

известно, сохранение этого принципа в устройстве ряда государств привело к их распаду.

Хотя Конституцией провозглашено равенство всех субъектов федерации как между собой, так и в отношениях с федеральным центром, правовой их статус различается, что дает повод характеризовать Россию как «асимметричную федерацию».

Трения между федеральным центром и, главным образом, республиками в составе России продолжались до конца 90-х гг. по самым разным поводам, но в первую очередь по поводу пределов компетенции последних. Лидеры республик настаивали на ограничении перечней полномочий центра и совместных его полномочий с регионами. Сами же региональные власти своими действиями зачастую допускали выход за пределы отведенного им Конституцией правового поля. Наиболее активно в этом плане действовали Чеченская Республика и Республика Татарстан. По мнению второго Президента России, политические методы исчерпали себя и 13 мая 2000 г. он своим указом ввел институт полномочных представителей в федеральных округах. При создании этого института казалось, что, обеспечив соответствие регионального законодательства федеральному, он прекратит свое существование. Однако постпреды получили право контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти, значительные кадровые полномочия, что, безусловно, способствует усилению вертикали власти и позиций федерального центра, существенно корректирует полномочия глав субъектов Российской Федерации. Полномочный представитель Президента является должностным лицом, представляющим Президента в округе, обеспечивающим на его территории функции главы государства. Неменьшее влияние на «вольницу» субъектов федерации оказало оформление в целях «борьбы с терроризмом» в 2004 г. процедуры федерального вмешательства, выразившегося не только в праве распускать региональный орган представительной власти, но и назначать главу власти исполнительной (в 1995–2004 гг. должность эта была выборной)³. Целью «нового порядка наделения полномочиями» глав исполнительной власти субъектов федерации (некоторые аналитики назвали этот термин «юридической казуистикой») было усиление роли центра, правящей партии и региональной исполнительной власти. Введение, отмена, а затем возврат под впечатлением от массовых протестов граждан в конце 2011 г. выборов губернаторов населением (в условиях доминирования на всех уровнях правящей партии) не может не сказываться на состоянии федеративных отношений.

Федеральный центр все большее внимание уделяет унификации структуры органов власти субъектов федерации, корректируя закон 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Так, например, лишь в Татарстане осталась должность Президента, в других республиках она была упразднена.

Все это вместе взятое существенно укрепило роль федерального центра и позволило С.В. Степашину, отчитываясь о работе Счетной палаты за 2011 г., вполне оправданно заявить о том, что теперь Россия «другая страна... Уже ни с кем не надо бороться в регионах»⁴. Здесь, наверное, следует добавить, что в современных реалиях борьба должна быть заменена обоюдным компромиссом.

Завершая анализ этого компонента российской государственности, можно сказать следующее. «Асимметричность» федерации имеет исторические корни, она была данью не только советскому наследию, во-первых, но и весьма сложному времени противостояния центра и регионов, во-вторых, но это не значит, что ее надо сохранять до бесконечности. Необходим постепенный отказ от этнотерриториальных государственных образований, с сохранением их национально-культурной автономии. Не исключено, что в определенных условиях придется вспомнить договорную практику 90-х годов.

Наверное, следует изменить финансирование тех регионов, где идет террористическая война, создаются террористические формирования для использования их как на территории России, так и за рубежом, навести там конституционный порядок. Дотационным регионам надо помочь выйти на новый уровень развития и не содержать их бесконечно за счет взимания дани с других субъектов федерации.

Сохранение федеральных округов после наведения порядка в правовом поле субъектов федерации при единой системе исполнительной власти представляется довольно проблематичным. Их существование отягощает не столь богатую казну государства.

Другие «недостатки» нынешней Российской Федерации (например, «матрешечный» тип построения некоторых ее субъектов) хоть и медленно, но постепенно преодолеваются. В итоге это позволит хотя бы немного сократить число субъектов в самой большой федерации в мире.

С такой составляющей государственности, как государственный аппарат, дела обстоят сложнее. Избежать гражданской войны после известных указов Ельцина 1993 г., думается, удалось благо-

даря использованию принципа прямого народного волеизъявления при одновременном проведении референдума по Конституции и выборов в новый парламент Российской Федерации – Федеральное собрание.

Конституция закрепила заявленный в Декларации о суверенитете принцип разделения властей, созданные в законодательном порядке институт Президента и Конституционный суд, оформила существование двухпалатного парламента.

Это была Конституция президента-победителя, поэтому, естественно, он приобрел в соответствии с ней весьма и весьма широкие полномочия. Выведенный за все три ветви власти, он встал над ними. Сразу после принятия Конституции это обстоятельство вызывало недовольство не только его противников.

В 90-е годы минувшего века, несмотря на переживаемые трудности, государство при всех центробежных силах было сохранено (по существу был повторен постреволюционный маневр В.И. Ленина), Россия сохранила за собой статус великой ядерной державы, стала правопреемником СССР в Совбезе ООН, вошла в «Большую восьмерку» великих держав, при ценах на нефть 8–12 долларов за баррель начавшийся еще в предшествующие годы спад экономики был несколько замедлен, страна начала переход к рыночным отношениям, еще недавно абсолютно пустые полки магазинов стали постепенно заполняться. В эти годы появилась свобода слова, что не раз отмечал В.В. Путин, а многопартийность позволяла существовать так называемому красному поясу вокруг Москвы. Не стоит забывать и о том, что в это время были выстроены ныне действующие институты власти – наисильнейшего президентства, парламентаризма, конституционного правосудия, начались реформы судебной системы, государственной службы. И все это при жесточайшей оппозиционности парламента, СМИ, когда можно было сместить не только министра или премьера, но и возбудить импичмент против главы государства. Системный кризис, попытки его преодолеть в условиях противостояния различных политических сил затрудняли строительство новой российской государственности.

С приходом к власти нового президента, молодого и энергичного, в целях выстраивания вертикали власти началось внеконституционное расширение полномочий главы государства, например, за счет усиления его влияния в экономической сфере. Здесь в качестве одного из примеров можно привести госкорпорации, которые, хотя и создаются в каждом конкретном случае законом, по существу выведены за пределы правового поля и их организация и деятельность в значительной степени зависят от президента. Созда-

ются же госкорпорации в ключевых отраслях российской экономики. В институте президентства появились новые органы, например, Госсовет, полпреды, Общественная палата.

Одни аналитики увидели в этом тенденцию к реконструкции формальных элементов советской политической системы⁵, другие заговорили об оформлении моноцентрического режима, напоминающего чуть ли не выборную монархию. Их аргументы следующие: избирается одно лицо – президент, формирующий свою администрацию, все более условным выглядит принцип разделения властей, восстановлен номенклатурный способ подбора и расстановки кадров. Непрестанное укрепление института президентства идет в ущерб компетенции других институтов власти вплоть до Конституционного суда – главного приобретения российской судебной системы. Оппоненты и тех и других объясняют такое положение вещей и российскими традициями, и необходимостью усиления центральной власти в условиях современных реалий. Наверное, это так, но сосредоточение огромных полномочий в руках одного лица делает граждан заложниками его личных качеств. Это с одной стороны, а с другой – избыточное использование административных рычагов, выстраивание вертикали власти, ручное управление, безусловно, способствуют если не качественным, то значительным изменениям в государственном аппарате.

Ныне существующий двухпалатный парламент, что характерно для федеративных государств, внешне имеет все признаки парламентаризма, выработанные не за один век существования этого института в мировой политической практике. Но при ближайшем рассмотрении можно видеть и расхождения с ними. Парламент может оптимально функционировать при многопартийной системе, но сложившаяся в современной России расстановка политических сил свидетельствует о доминировании одной из них. Срок полномочий постоянно действующего парламента, избирательная система в современной российской практике под влиянием тех или иных обстоятельств могут быть изменены, что не способствует стабилизации его правовой базы. С усилением исполнительной власти (не только в России по мере своего укрепления исполнительная власть стремится присвоить себе часть функций власти представительной, а то и подменить ее), при бездействии не до конца реформированной власти судебной, под угрозой оказывается заявленный Конституцией принцип разделения властей. Деятельность парламента без дискуссий, где «милые бранятся – только тешатся», не могла не сказаться на отношении граждан к партиям, в нем представленным. Они в известной мере дискредитировали себя. Партии так назы-

ваемой «системной оппозиции» вспоминают о том, что они оппозиция, лишь во время избирательных кампаний. В иное время их лидеры с удовольствием принимают государственные награды из рук лидера критикуемой партии.

Значительная часть аналитиков выступает за прямые выборы депутатов Государственной думы. Кандидаты вполне могут выдвигаться партиями, политическими объединениями, но это не должно быть условием их регистрации, и, став депутатами, они не должны быть обязанными до истечения полномочий пребывать в составе одной фракции. Если в предвыборный период переход из одной партии в другую возможен, то почему не сохранить это право и для депутатов?

Прямые выборы необходимы не только в Государственную думу, но и в Совет Федерации. Электоральные предпочтения должны быть приоритетными не только при выборах государственных органов, но и муниципальных, поэтому прямые выборы необходимы и в органы местного самоуправления от их глав до депутатов при условии увеличения финансовой базы муниципальных образований⁶.

Практика постоянного реформирования правительственных структур при В.В. Путине замедлилась, но не прекратилась, что связано не только со стремлением найти оптимальную модель их построения, но и с неизбежными кризисами в экономике страны, обусловленными, в том числе, и неэффективностью управления.

Зависимость судебной системы от президента и исполнительной власти в значительной степени сводит на нет ее самостоятельность. Довольно неопределенное положение прокуратуры, несмотря на то что Конституцией она отнесена к судебной ветви власти, делает ее работу недостаточно эффективной.

Государственные органы поставили под жесткий контроль такую составляющую политической системы общества, как общественные организации. Профсоюзы – защитники трудящихся – не выполняют своего предназначения. Бурный поначалу рост общественных организаций замедлился, что стало итогом принятия некоторых законов. Создание движений типа «в метро без штанов» и общества, члены которого носят на голове вязанные дуршлагаи, не влияют на их общее число. Многие общественные организации весьма немногочисленны.

Недовольство граждан вызывает известная закрытость деятельности институтов власти, что не только несовместимо с принципами правового государства, но и ведет к поиску информации «окольными путями», а это уже таит в себе угрозу его безопасности.

Проводимые опросы населения свидетельствуют о том, что его доверие упало к большинству институтов власти: к парламенту, правительству, прокуратуре, суду, полиции, губернаторам, региональным администрациям и даже органам местного самоуправления. Критика почти не затрагивает президента. И дело здесь не столько в Конституции, согласно которой он «надстроен» над всеми институтами власти, сколько в свойственной россиянам вере в лидера государства и тем более в неоднократно всенародно избранного. Пока ему, в отличие от первого президента России, удастся эту веру сохранять и даже укреплять. И это не может не внушать оптимизма. Помочь президенту во всех его начинаниях могло бы гражданское общество, находящееся на этапе формирования, но в научной среде и властных структурах пока лишь обсуждается его место в политической системе современной России⁷. Определенные надежды граждане возлагают на вновь избранную Государственную думу.

На момент восстановления Россией утраченного при вхождении в состав СССР суверенитета правовая база государственной службы представляла собой комплекс актов различной юридической силы и отраслевой принадлежности. Все они теснейшим образом переплетались с партийными нормами, чаще всего носившими закрытый характер. Отделить государственную службу от других видов деятельности было просто невозможно. 3 июня 1993 г. президент РФ подписал указ, в соответствии с которым при нем создавался Совет по кадровой политике. Одной из главных задач его стала подготовка предложений по подбору (этот термин был позаимствован из прежней практики) и расстановке кадров на ведущие должности в системе исполнительной власти, а также по основным направлениям формирования единой системы нормативно-правового обеспечения работы с кадрами в органах исполнительной власти федерального, регионального и местного уровней. Таким образом, формирование кадровой политики, резерва кадров сосредотачивалось в президентских структурах. Косвенным образом это было закреплено в Конституции 1993 г.

Новая концепция государственной службы получила правовое закрепление сначала в указе Президента от 22 декабря 1993 г., а затем в законе от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации». Вслед за ним был принят ряд подзаконных актов.

Процесс формирования правовой базы госслужбы при новом президенте ускорился настолько, что сейчас она по сравнению с другими государственными институтами представляется наиболее полной⁸.

Ни в одном государстве чиновник не является любимцем публики, но в России это особенно заметно. При разрешительном порядке функционирования управленческих структур, усилении полномочий административно-политических органов население видит исходящую от них угрозу для своих прав и свобод. Его доверие упало не только к институтам власти, но и ко всем группам правящей элиты, отгородившейся «глухим забором» от большинства нужд граждан, заболевшей «васькизмом».

Трудно назвать более или менее серьезное издание, которое на своих страницах не публиковало бы материалов о коррупции современного российского чиновничества. Ни в одном из своих ежегодных посланий не обошли эту тему ни Б.Н. Ельцин, ни В.В. Путин, ни Д.А. Медведев. Периодически объявлявшийся крестовый поход против коррупции больших результатов не давал, однако в последнее время наметился известный прогресс на этом пути, в том числе и за счет расширения правовой базы по борьбе с ней. Декларирование доходов чиновников и членов их семей не дает больших результатов. Это отметил начальник Управления Президента по вопросам противодействия коррупции в одном из своих недавних интервью⁹. Не помогает и политика периодически повышаемых вознаграждений чиновникам за их «тяжелый» и «изнурительный» труд. А вот недовольство граждан эта политика только усиливает, особенно во время перманентных кризисов, когда давление на основных налогоплательщиков не подкрепляется сокращением расходов на управление, армию, силовые структуры.

Периодически ставится вопрос об избыточном количестве государственных служащих. С одной стороны, их число точному подсчету не поддается, так как численность государственных служащих военной и правоохранительной службы является государственной тайной, что вполне объяснимо. Число находящихся на службе гражданской в разные годы колеблется от 1,5 до 1,8 млн человек¹⁰. Последние реальные сокращения управленцев в стране имели место в 20-е гг. при переходе к энпу, затем сокращение осуществлялось по принципу «шаг назад, два шага вперед» или по А.Т. Твардовскому: «словом, чтобы сократить, нужно увеличить». Сокращают в основном вакансии. Однако сокращение чиновников – не самоцель. По сравнению с другими странами, их количество в России в расчете на численность населения значительно ниже. Проблема здесь в неэффективности деятельности чиновничества. Главное – «повысить эффективность госуправления, перестроить громоздкий механизм взаимодействия между ведомствами, сократить избыточные функции госаппарата»¹¹, что, собственно, и предусматривала так назы-

ваемая административная реформа, не завершив которую заговорили о новой.

Крах социалистической идеологии в советском ее варианте привел к тому, что разработчики новой российской Конституции включили в нее статью о запрете государственной идеологии. Однако претендующее на значимую роль в мире государство без таковой существовать не может. Не подкрепленные идеологически, действия государства рискуют получить как минимум недовольство населения, что, собственно, и произошло с шоковой терапией. В то же время приоритет идеологии над государственной политикой чреват кризисом, который СССР пережить не смог. Государственная идеология, наряду с правовыми нормами, выступает «средством реализации государственных целей, политики государства»¹². Конечной ее целью должна быть консолидация интересов различных слоев общества.

В условиях российских реалий 90-х гг. минувшего века образовавшийся идеологический вакуум стал заполняться идеологемами, чреватými весьма негативными последствиями, поэтому вскоре после принятия Конституции первый президент России потребовал выработать могущую объединить граждан страны идею и «привнести» ее в жизнь. Начались активные поиски этой самой идеи – созывались конференции, круглые столы, иные форумы, «Российская газета» объявила конкурс на тему «Идея для России»... На ее страницах по этому поводу была опубликована не одна сотня статей. Появились они и в других изданиях. Были озвучены полярные точки зрения как на государственную идею вообще, так и на ее содержание. Дискуссия показала, что ни в обществе, ни среди ученых нет не только доминирующей идеи, но даже популярных идеологем, способных к конституированию новой российской идентичности. Она не привела к обретению новой государственной идеологии, но наличие проблемы подтвердила. Выводы некоторых аналитиков при подведении итогов дискуссии звучали не только банально, но и националистично, например, «новая общероссийская идея может состоять только с учетом фактора русского народа, его особенностей, традиций и т. п.»¹³. А что делать с «факторами» других народов, живущих в России? Дискуссия выявила один тезис, могущий объединить большинство россиян – Россия должна занимать достойное место в мире. С этим спорить невозможно.

В конце концов, дискуссия закончилась ничем, поиски идеологической составляющей российской государственности продолжались. Периодически возникали предложения о привнесении в государственную идеологию общероссийской идентичности, обще-

народного патриотизма, конституционализма, преемственности на протяжении веков государственной символики. Однако понимание сущности государственной идеологии как набора неоспоримых идеологем, требующих неукоснительного соблюдения, привело к утрате активности ее поиска.

Поиск новой идеологии оживился с приходом к власти нового президента. Уже летом 2000 г. он заявил, что «контуры новой общенациональной идеологии уже определяются»¹⁴. Желание поскорее их определить побудило президента инициировать законодательное оформление российской символики, неоднозначно воспринятой обществом. Некоторая его часть крайне негативно отнеслась, в первую очередь, к новому-старому гимну. И тем не менее сегодняшняя государственная символика России свидетельствует о преемственности в истории ее государственности, что можно оценить положительно. При В.В. Путине контуры государственной идеологии стали обретать содержание в смысле «сильное государство – либеральные действия». В этом русле, видимо, и следует рассматривать все действия президента по укреплению вертикали власти.

В декабре 2000 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция под названием «Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века», которая вновь констатировала отсутствие таковой. В феврале 2001 г. правительство утвердило государственную программу по патриотическому воспитанию граждан на 2001–2005 гг.¹⁵

Попытки найти национальную идею для России предпринимались и в более поздние годы. В результате проведенного в 2010 г. Всероссийского конкурса по этой теме было отобрано две сотни версий – «Россия – народ», «Россия – вперед», «Вера, Надежда, Любовь», три Д – «Духовность, Державность, Достоинство», РОН – «Родина. Отечество. Народность»... Такого рода слоганы, думается, нельзя считать ни государственной идеологией, ни национальной идеей. Это скорее национальные девизы. Они существуют во многих странах: в Германии – «Единство, закон, свобода», в Швейцарии – «Один за всех и все за одного», в Южной Корее – «Все для блага народа», в Белоруссии – «Жыве Беларусь». Были такого рода девизы и в СССР: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Мир, труд, равенство и братство» и др.

В мае 2012 г. во время презентации шеститомной монографии об общественном и экономическом переустройстве государства Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования и коллективом, трудившимся над ней, вновь зашел

разговор о национальной идее для России¹⁶. Вообще же дискуссии на тему «Нужна ли России национальная идея?» проводятся с завидным постоянством¹⁷.

Недавно В.В. Путин заявил, что единственной национальной идеей у нас должен быть патриотизм. Правительство поспешило утвердить очередную программу патриотического воспитания граждан РФ на 2016–2020 гг., предполагается принять такую программу и на следующую пятилетку. Однако отсутствие заметных патриотических действий в поступках современной политической элиты дают повод для сомнений в эффективности таких программ не только скептикам. Между тем государство всеми доступными ему мерами просто обязано сохранять и приумножать свойственную людям от рождения любовь к Родине.

В последние годы ученые и публицисты, как правило, в одном контексте, употребляют понятия «государственная идеология», «общенациональная идеология», «национальная идеология», «национальная идея» и др. На наш взгляд, понятия эти разные, во всяком случае, первое отличается от остальных.

Представляется, что государственная идеология – это совокупность, система взглядов и идей, объявленная властными институтами официальной для данного государства с целью обоснования своих действий как внутри страны, так и за ее пределами. Думается, это должны быть не несколько магических слов, не набор заклинаний, а формулировка внятной, последовательной, рассчитанной на перспективу экономической и политической стратегии, и любой, даже небольшой успех на пути ее реализации будет способствовать ее же укреплению. Если же успехов не будет, то государство обязано предложить гражданам что-то иное. Все усилия властных структур любого государства должны быть направлены на улучшение жизни граждан, тем более России. Завоеванный ею не за одну сотню лет статус великой державы при затянувшемся экономическом спаде и беднеющем населении может оказаться под угрозой утраты.

Что касается национальной идеи, то в России ее искали всегда. Ее нельзя сочинить в высших эшелонах власти и насильственно внедрить. Она должна вызреть в самом обществе, а это процесс долгий, хотя основа для этого есть в виде не только собственных, но и мировых традиций, нравственной самобытности всех народов России. Патриотизм в обязательном порядке должен входить в число ее составляющих. Государственная идеология и национальная идея дополняют друг друга, они обе обязательны для государства, именующего себя демократическим.

Нет сомнения в том, что «возраст» российского государства вызывает гордость у его граждан, уважение даже у противников и свидетельствует о его значительной жизнеспособности, но без модернизации качественных характеристик его все труднее будет сохранять. Прежде его удавалось сохранять путем консолидации политических сил, приращения территории, усиления политического влияния в мире, сохранения многообразия культур, религий, хозяйственных укладов и т. п. Меры такого рода в одной своей части будут продолжать служить на пользу государству, они неизменны, в другой же – нуждаются либо в корректировке, либо в замене на иные.

В заключение следует сказать следующее: транзитное состояние современного российского государства требует дальнейшей модернизации его государственности. Государственное устройство нуждается в продолжении реформирования, государственный аппарат – в стабилизации его правовой базы на основе Конституции, институт государственной службы – в искоренении хотя бы части пороков, ему свойственных, государственная идеология – в «выработке». Она должна содержать национальные приоритеты – сохранение и развитие имеющейся территории, обеспечение безопасности государства, общества и граждан, повышение уровня социальных гарантий, усиление государственной поддержки образования и науки, тем более что Конституция объявляет Россию социальным государством.

Примечания

- ¹ См., например: Российская государственность: Исторические традиции и вызовы XXI века: Материалы Всерос. научно-общественной конф. 19 сент. 2012 г., Великий Новгород. М., 2013. С. 133, 134.
- ² *Вольский А.* Андропов хотел перестройки // Московский комсомолец. 2002. 19 нояб. С. 2; Четыре генсека. Аркадий Вольский о Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачеве // Коммерсантъ. 2006. 12 сент. С. 1, 7.
- ³ Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950; Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнитель-

ного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» // Там же. № 52. Ч. 2. Ст. 5427.

- ⁴ *Новиков К.* Делим пополам. Сергей Степашин предложил распределять доходы между регионами и центром. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/03/29/stepashin.html> (дата обращения: 15.05.2016).
- ⁵ Материалы круглых столов, проведенных с участием Института стратегических оценок и анализа и редакции журнала «Вестник аналитики»: Какая элита спасет новую Россию? // Вестник аналитики. 2004. № 2 (16). С. 120.
- ⁶ *Выжуртович В.* Непомэрные полномочия // Российская газета. 2016. 10 июня. С. 3.
- ⁷ *Замахина Т.* Власть под контролем // Там же. С. 2.
- ⁸ Подробнее см.: *Архипова Т.Г.* Государственность современной России. М., 2003. С. 197–207.
- ⁹ См.: Какие результаты дает проверка деклараций чиновников? // Аргументы и факты. 2016. № 24. С. 2.
- ¹⁰ Количество чиновников в России. [Электронный ресурс] URL: <http://statistic.su/kolichestvo-chinovnikov-v-rossii> (дата обращения: 15.05.2016).
- ¹¹ Когда одолеют бюрократы? // Аргументы и факты. 2015. № 44. С. 14.
- ¹² *Хабибулин А.Б., Рахимов Р.А.* Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 12.
- ¹³ *Кива А.* В больном сознании великое не рождается: Только оригинальный подход к сложившимся обстоятельствам обеспечит прорыв страны в новое качество // Российская газета. 1998. 12 февр. С. 3.
- ¹⁴ *Путин В.* Россия не должна быть и не будет полицейским государством // Известия. 2000. 14 июля. С. 2.
- ¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы»» // СЗ РФ. 2001. № 9. Ст. 862.
- ¹⁶ *Зыкова Т., Шадрина Т.* Код успешности России: Ученые обосновали национальную идею России. [Электронный ресурс] URL: <http://rg.ru/2012/05/22/kod-site.html> (дата обращения: 15.05.2016).
- ¹⁷ См.: *Веллер М.* Сплотить народ // Аргументы и факты. 2016. № 26. С. 8–9.

Закат института генерал-губернаторства в Новороссии во второй половине XIX в.

В статье анализируется место и роль института генерал-губернаторства после Крымской войны как в Российской империи в целом, так и в Новороссии в частности. Рассматривается деятельность последних генерал-губернаторов этого края А.Г. Строганова и К.Е. Коцебу. Автор также характеризует причины и обстоятельства упразднения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства в 1874 г.

Ключевые слова: Новороссия, Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство, институт генерал-губернаторства, генерал-губернатор, А.Г. Строганов, П.Е. Коцебу.

Во второй половине XIX в. институт генерал-губернаторства в Новороссии претерпел трансформации и в итоге был отменен. В историографии этому вопросу уделено крайне мало внимания. Из фундаментальных работ можно выделить только монографию В. Шандры и ряд ее статей¹, всецело посвященных изучению высшей административной власти в Новороссии. Этот аспект затрагивает также Л.М. Лысенко, которая в своей монографии рассматривает развитие институтов губернаторства и генерал-губернаторства в Российской империи в целом и в этом общем контакте затрагивает также и Новороссию². Трансформации власти генерал-губернатора посвятили статью А.А. Левандовский и С. Секиренский³.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась Крымской войной (1853–1856 гг.), которая стала настоящим испытанием для всей Российской империи. А Новороссия, земли которой оказались в

© Ерёмина К.В., 2017

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10147а(ц)).

непосредственной близости от одного из очагов военных действий, испытала на себе все тяготы этого времени вдвойне. Тем более неутешительными для этого региона были итоги войны. 18 марта 1856 г. был заключен Парижский мирный договор, в соответствии с которым Российская империя лишалась права иметь на Черном море военный флот и создавать военно-морские базы. Это обстоятельство перечеркивало многие военные и дипломатические достижения предыдущих десятилетий, а также лишало Новороссию ее важного назначения в качестве южного форпоста.

Тем не менее не все еще было потеряно. Крымская война послужила мощной встряской для всей империи, обнажив целый ряд проблем в ее экономическом и общественном развитии. В таких крайне зыбких обстоятельствах правительство все еще нуждалось в присутствии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, который своей сильной властью смог бы оперативно навести порядок в крае и обеспечить бы проведение последующих реформ.

Еще в 1853 г. выходит «Инструкция генерал-губернаторам»⁴, в которой правительство делает попытку дать определение этой должности и очертить круг ее полномочий. Это удалось лишь отчасти: большинство формулировок были размытыми и дублировали полномочия губернатора. Создается впечатление, что лицо, «обличенное полным доверием государя императора», имеет функции, скорее, нравственного характера и призвано окружить те или иные губернии своей отеческой заботой. Таким образом, генерал-губернатор по-прежнему выбивался из системы центральных и местных органов управления. Но даже более того, правительство сознательно именуется его совершенно особым органом и законодательно закрепляет эту должность в качестве посредника между высшими и губернскими учреждениями. Главной функцией генерал-губернатора, согласно инструкции, являлся высший надзор за действиями всех мест и лиц во вверенном ему крае, а также пресечение любых беспорядков и восстановление спокойствия в случае их возникновения⁵. Следует отметить, что этот указ все же в большей степени относился к новосозданным генерал-губернаторствам, где ранее не было подобной практики и поэтому требовалось законодательное обоснование новой должности. В Новороссии же, где этот институт просуществовал не один десяток лет и где генерал-губернаторы привыкли полагаться на особые императорские указания и собственное мнение, данная инструкция вряд ли могла иметь большое значение.

Нельзя не отметить, что во второй половине XIX в. Новороссии снова повезло с администраторами, – ее последними постоян-

ными генерал-губернаторами стали А.Г. Строганов и П.Е. Коцебу. К сожалению, жизнь и деятельность обоих этих государственных деятелей до сих пор не получила должного освещения в научной литературе, хотя, несомненно, каждый из них достоин отдельного фундаментального исследования⁶.

Генерал от инфантерии Александр Григорьевич Строганов возглавил Новороссию в 1855 г., под конец Крымской войны, и оставался в этой должности до 1862 г. Личность его производила на современников неоднозначное впечатление. К примеру, С.М. Соловьев писал, что Строганов был «честен, неспособен брать взятки», однако ум имел чрезвычайно поверхностный. К.А. Скальковский отзывался о нем как о просвещенном администраторе, но, с другой стороны, грубияне⁷. А вот А.М. Де-Рибас (внучатый племянник основателя Одессы Иосифа де-Рибаса) считал, что «это был человек прямой и, несомненно, светлого направления»⁸.

Но как бы то ни было, Строганов действовал на своем посту весьма энергично. Прежде всего, он принял меры, дабы аккумулировать власть в регионе в своих руках. С этой целью в 1858 г. Александр Григорьевич обращается в Комитет министров с просьбой пересмотреть его взаимоотношения с администрацией Николаева и Севастополя. Как известно, оба эти города находились под управлением военных губернаторов и подчинялись напрямую морскому министерству, а генерал-губернатор не имел над ними никакой власти. Чтобы изменить такое положение вещей, Строганов апеллировал тем, что в Николаеве и Севастополе живут отнюдь не только моряки, а управление гражданской частью имело к нему непосредственное отношение. Кроме того, генерал-губернатор контролировал все карантинные пункты по побережью Черного и Азовского морей, а поскольку карантинные пункты Николаева и Севастополя исключались из его ведома, он не мог гарантировать, что через них в Российскую империю не проникнет никакая эпидемия⁹.

Комитет министров нашел замечание Строганова разумным, и уже 11 июня 1858 г. был издан именной указ, который подчинил генерал-губернатору гражданское управление Николаевского и Севастопольского военных губернаторств, а военно-морское оставил на прежних порядках¹⁰.

Следующим шагом было установление контроля над формированием бюрократического аппарата в крае. Воспользовавшись пребыванием императора Александра II в Одессе в 1859 г., Строганов обратил его внимание на то, что все министры, кроме министра внутренних дел, назначают чиновников в новороссийские губернии по своему усмотрению, в обход генерал-губернатора. Вслед

за этим последовал именной указ, который предписывал порядок замещения вакантных должностей в этом регионе: всякий раз министры должны были предварительно «входить в сношение» с генерал-губернатором и учитывать его пожелания относительно того или иного назначения¹¹.

Александр Григорьевич также руководил подготовкой и проведением аграрной реформы 1861 г., принимая во внимание климатические и хозяйственные условия Новороссии. Помимо этого, предполагая снижение урожая в переходный период, он распорядился проверить запасы зерна в генерал-губернаторстве¹².

Наконец, вескость слова Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора была продемонстрирована и в деле преобразования Ришельевского лицея в Новороссийский университет. Одессе в этом отношении пришлось соперничать с Таганрогом и Николаевом, и в пользу каждого города высказывались веские аргументы. Вокруг этого мероприятия разгорелись нешуточные страсти, – в правительстве, в среде новороссийского дворянства и даже в газетах шла горячая полемика. Тем не менее именно благодаря активному участию Строганова в 1862 г. решение было принято в пользу Одессы. К моменту открытия Новороссийского университета в 1865 г. Александр Григорьевич уже не занимал пост генерал-губернатора, однако вся администрация выразила ему огромную благодарность за столь деятельное участие в этом важном мероприятии¹³.

Генерал от инфантерии Павел Евстафьевич Коцебу руководил Новороссией с 1862 по 1874 г. Это время ознаменовалось интенсивным экономическим развитием края. Были открыты городские банки, и среди них – первый в России земский банк в Херсоне, расширялась сеть железных дорог¹⁴. Генерал-губернатор принимал активное участие в разработке и проведении городской и судебной реформ. Он также проявлял заботу о благосостоянии чиновников. Так, в 1866 г. для привлечения на должности смотрителей больниц честных и порядочных людей он предложил назначать на них пенсионеров с одновременной выплатой им жалованья и пенсии за прежнюю службу. Государственный совет принял эту идею и в январе 1867 г. издал соответствующий указ¹⁵.

О важности мнения генерал-губернатора, а также о доверии к нему со стороны правительства свидетельствует тот факт, что когда министру внутренних дел П.А. Валуеву поступили жалобы на злоупотребления со стороны Таганрогского градоначальника контр-адмирала М.А. Лаврова, он попросил Коцебу детально разобраться в ситуации. В итоге выяснилось, что донос на Лаврова был не более

чем клеветой и желанием занять его должность. Таким образом, Павел Евстафьевич буквально спас его службу и репутацию¹⁶.

Важно также отметить, что Коцебу одновременно с генерал-губернаторством занимал и должность командующего Одесским военным округом, созданным в 1862 г.¹⁷ Таким образом, в его ведении находилось не только гражданское управление, но и местные войска и военные заведения. Совмещение такого широкого круга обязанностей, с одной стороны, стало кульминацией деятельности института генерал-губернаторства в Новороссии, а с другой – во многом предопределило отношение правительства к чрезвычайной власти на окраинах империи в дальнейшем.

С началом царствования Александра II внутрисполитический курс меняется и происходит постепенное упразднение генерал-губернаторств на окраинах империи. Так, уже в 1856 г. ликвидируются Харьковское и Витебское генерал-губернаторства, в 1866 г. – Петербургское, в 1876 г. – Прибалтийское¹⁸. Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство было ликвидировано в 1874 г. 17 января об этом вышел именной указ¹⁹, при этом упразднение института, просуществовавшего здесь почти столетие, подавалось как само собою разумеющийся факт, без какого-либо пояснения причин. Отмечалось, что отныне управление в Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерниях должно было осуществляться на общих основаниях.

Чем же была вызвана эта мера? По всей видимости, она явилась следствием желания Александра II устранить чрезвычайную власть на окраинах империи. Во-первых, в рамках масштабных реформ, которые самым непосредственным образом затрагивали местное управление, правительство делало ставку на расширение полномочий губернаторов, тогда как должность генерал-губернатора становилась лишним звеном в этой цепи и нарушала стройность всей системы. Во-вторых, непосредственно в Новороссии институт генерал-губернаторства за почти вековое существование выполнил возложенные на него задачи, а именно: способствование заселению края, контроль над его хозяйственным освоением, создание структуры управления и постепенное ее приведение к общеимперскому знаменателю и, что самое важное, безболезненное проведение всех важнейших реформ и окончательное инкорпорирование региона в состав империи. К 70-м годам XIX в. Новороссия оставила далеко позади то время, когда она была слаборазвитым, малонаселенным краем, нуждавшимся в особом попечении. В конце концов, регион встал вровень с другими губерниями, а организация сети путей сообщения ускорила и облегчила коммуникацию с центром. Этот

уровень удалось достичь во многом благодаря целой плеяде талантливых генерал-губернаторов, однако правительство более не нуждалось в институте, который был бы связующим звеном между центром и этими отдаленными территориями.

Тем не менее на этом история института генерал-губернаторов в Новороссии не закончилась. В обстановке революционного подъема, а затем Первой мировой войны в Одессе еще дважды учреждалось временное генерал-губернаторство. Однако оно имело ярко выраженный репрессивный и охранительный характер и мало походило на ранее упраздненную должность.

Примечания

- ¹ *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX ст. К., 2005; *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства як форма управління українськими губерніями у складі Російської імперії // Регіональна історія України. Київ: Інститут історії України НАН України. 2007. № 1. С. 166; *Шандра В.С.* Про призначення адміністративно-територіальних реформ у Російській імперії // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. № 12. С. 20–24.
- ² *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2000.
- ³ *Левандовский А.А.* Исторический опыт создания вертикали власти: генерал-губернаторства в России // Полпреды президента: проблемы становления нового института. Сер. Научные доклады. 2001. № 3. Янв. [Электронный ресурс] URL: <http://niiss.ru/levand.shtml> (дата обращения: 04.12.2016); *Секиренский С.* Российские генерал-губернаторы («облеченные доверием и лично известные императору») // Проблемы теории и практики управления. М., 2001. № 5. С. 112–115.
- ⁴ Указ № 27.293 от 29.05.1853 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825). (Далее – ПСЗ-2). СПб., 1854. Т. 28. С. 260–264.
- ⁵ *Градовский А.Д.* Собрание сочинений А.Д. Градовского: В 9 т. Т. 9: Начала русского государственного права: Ч. 3: Органы местного управления. СПб., 1908. С. 226.
- ⁶ Пятидесятилетний юбилей генерал-адъютанта П.Е. Коцебу. Одесса, 1870.
- ⁷ *Фельдман В.* Фонд А.Г. Строганова в Научной библиотеке Одесского национального университета им. И.И. Мечникова // Вісник Одеського Національного університету. 2007. Т. 12. Вип. 4. Сер.: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 10.
- ⁸ *Де-Рибас А.М.* Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913. С. 172.

- ⁹ Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): В 7 т. Т. 3. Ч. 2: Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб., 1902. С. 91–92.
- ¹⁰ Указ № 33.286 от 11.06.1858 г. // ПСЗ-2. 1860 г. Т. 33. С. 749–750.
- ¹¹ Указ № 34.916 от 28.09.1859 г. // ПСЗ-2. 1861 г. Т. 34. С. 85.
- ¹² *Шандра В.С.* Указ. соч. С. 212.
- ¹³ *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. С. 68–69.
- ¹⁴ Пятидесятилетний юбилей генерал-адъютанта П.Е. Коцебу. С. 5.
- ¹⁵ Указ № 44.164 от 23.01.1867 // ПСЗ-2. 1871 г. Т. 42. С. 53–55.
- ¹⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 908. Оп. 1. Д. 559. Л. 19–21.
- ¹⁷ *Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалёв В.Е.* История военно-окружной системы в России: 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. С. 32.
- ¹⁸ *Лысенко Л.М.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁹ Указ № 53.049 от 17.01.1874 г. // ПСЗ-2. 1876 г. Т. 49. С. 56.

Дискуссии об общегосударственном
и местном законодательстве
в отношении Великого княжества Финляндского
(1908–1910 гг.)

В статье рассматривается проблема разграничения общеимперского и местного законодательства в Российской империи в 1908–1910 гг. Подробно рассмотрены дискуссии между финляндскими и российскими политическими и государственными деятелями по вопросу о внутреннем законодательстве Великого княжества Финляндского в 1908–1910 гг. Отмечается, что стороны не могли прийти к соглашению, потому что не были готовы к конструктивному диалогу. Они лишь стремились расширить сферу своего влияния

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, местное законодательство, П.А. Столыпин.

После Первой русской революции российское самодержавие попыталось изменить политику в отношении Великого княжества Финляндского, отойти от уступок революционного периода. Под влиянием финляндских политических кругов в годы Первой русской революции Николай II пошел на существенные уступки в вопросах внутреннего управления и законодательства Великого княжества Финляндского. В Основных государственных законах Российской империи 1906 г. ст. 2 была посвящена особому статусу Финляндии. Она предусматривала, что управление внутренними делами Финляндии основывается на «особых установлениях» и особом законодательстве. При этом ст. 1 Основных государственных законов Российской империи провозглашала принцип единства и нераздельности Российского государства. Очевидное противоречие в законодательстве требовало устранения, с одной стороны, с другой – финляндские общественно-политические

круги ожидали, что ст. 2 об особом законодательстве для Финляндии получит развитие в последующих законодательных актах. Особое беспокойство вызывал вопрос о порядке издания местных законов и, главное, соотношения их с общеимперскими правовыми нормами. Логическим следствием из этого положения могло быть разграничение сфер законодательства на общегосударственное и местное.

Следует отметить, что в советской историографии данная политика рассматривалась преимущественно в контексте истории принятия закона 1910 г., трактовавшегося как проявление антифинляндской политики царизма¹. А.Я. Аврех называл это «походом на Финляндию». Современная отечественная и финляндская историография также не обходит вниманием эту тему. Но хотелось бы обратить внимание на вопрос о том, что при разработке законодательных актов в отношении Великого княжества Финляндского обсуждалась проблема соотношения общегосударственного и местного законодательства для Российской империи.

Рассматривая проблему развития российского законодательства в отношении Финляндии после событий первой русской революции, необходимо отметить, что фактически перед царским правительством и финляндскими представительными и исполнительными органами стояла задача разграничения сфер компетенции Российской империи и Финляндии. Решение названной проблемы должно было во многом определить характер взаимоотношений империи и Великого княжества. Но к пониманию необходимости создания законодательной основы для общегосударственного и местного законодательства стороны подошли не сразу. И именно это обстоятельство стало источником многих проблем: провозгласив необходимость «особых установлений» для Финляндии, царское правительство, определяя направления развития законодательства для Великого княжества, в течение долгого времени исходило из принципа «единой и неделимой России».

Первоначально российская сторона пыталась сохранить под своим контролем издание законов на территории Финляндии, идя по пути запретов. В начале 1907 г. генерал-губернатор Н.Н. Герард дал отрицательное заключение на закон о союзах, вотированный Сеймом и поддержанный Сенатом. Он не одобрил пункты об употреблении отдельными союзами огнестрельного оружия и о приеме несовершеннолетних в политические союзы. К январю 1908 г. Сенат по указанию Николая II разработал новый проект, но изменения сочли недостаточными и текст вновь не был одобрен императором.

Аналогичная ситуация сложилась при подготовке в Финляндии закона о свободе печати. Осенью 1907 г. члены Совета министров, ознакомившись с проектом, отметили, что принятие закона финляндским Сеймом нарушит прерогативы императора в законодательстве о свободе печати. Кроме того, Совет министров не одобрил пункт закона, разрешавший только финнам заниматься издательской деятельностью. И законопроект утвержден не был.

Но вскоре стало очевидно, что нельзя в отношениях с Великим княжеством идти только по пути запретов. К концу 1908 г. одним из возможных вариантов решения проблемы виделся возврат к прежней практике административного законодательства, когда согласование общеимперских и финляндских законов осуществлялось в административном порядке. Но принятие административных решений после революции затруднялось наличием активного Сейма, значительная часть депутатов которого находилась в скрытой или явной оппозиции царскому правительству. Поэтому последнему было необходимо найти опору среди финляндских политиков.

В январе 1908 г. старофинны предприняли ряд попыток вернуть себе утраченное политическое положение при помощи российского правительства. В январе 1908 г. один из видных представителей старофинской партии Даниельсон-Кальмари посетил помощника финляндского генерал-губернатора А.Ф. Зейна. По итогам состоявшегося разговора Зейн представил П.А. Столыпину записку, где писал, что старофинская партия готова вступить в открытую борьбу со шведской народной партией. Старофинны рассчитывали на поддержку правительства Столыпина в смене состава финляндского Сената². В связи с этим Зейн составил список требований к старофиннам в обмен на поддержку российского правительства. Старофинны должны были дать согласие на уравнивание в правах русских с финнами, дать гарантии того, что Сейм не будет играть решающей роли в разрешении общегосударственных вопросов, Финляндия будет нести пропорциональные расходы на военные нужды, будут приняты меры против воспитания учащихся в духе сепаратизма, а также прекращено революционное движение в крае³. Предложения Зейна остались без ответа.

Идея возможного соглашения с российским правительством была не чужда и представителям конституционалистов. В начале 1908 г. финляндская печать пропагандировала идею смешанной «русско-финляндской конференции», указывая, что это лучший путь для упорядочения русско-финляндских отношений. Позднее, в декабре 1908 г., Николай II принял сенатора Августа Йоганнеса Йельта. Но, по словам императора, во время аудиенции сенатор не

представил ему никаких ходатайств или просьб и заявил лишь о желании сгладить все недоразумения с Россией и «идти [рука] об руку с русским правительством»⁴.

Таким образом, имеющиеся документы позволяют с достаточной долей уверенности говорить о том, что в начале 1908 г. российской и финляндской сторонами предпринимались определенные попытки достичь соглашения. Этого не произошло, во-первых, потому, что старофинны не предоставили никаких конкретных предложений, а во-вторых, российское правительство настаивало на списке гарантий, которые, по мнению финнов, были неприемлемы.

Формальным поводом к возобновлению попыток урегулировать финский вопрос на правительственном уровне стали запросы членов Государственной думы председателю Совета министров П.А. Столыпину. Запросы были сделаны с февраля по май 1908 г. Первый запрос, внесенный октябристами «По поводу неисполнения Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем требования Высочайшего Указа от 19 октября 1905 г. в отношении порядка всеподданнейших докладов» от 1 февраля 1908 г. подписали 63 члена Государственной думы. В нем обращалось внимание председателя Совета министров на то, что Указ правительствующему Сенату «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» от 19 октября 1905 г. устанавливает, что министры обязаны сообщать председателю Совета министров предварительно все доклады, подлежащие предоставлению императору, если они имеют общее значение или затрагивают интересы других ведомств. Они считали, что министр, статс-секретарь и финляндский генерал-губернатор также должны сперва обращаться в Совет министров. В противном случае, отмечали авторы запроса, «в своей заботливости о Великом княжестве, они нередко забывали о правах и интересах России и о том, что Финляндия является составною частью Империи»⁵.

Второй запрос был посвящен вопросу о работах по соединению железнодорожной сети Финляндии и России. Члены Государственной думы обращали внимание на то, что на финляндских железных дорогах постоянно вводятся технические изменения, разобщающие эти дороги с имперскими⁶, что, по мнению авторов запроса, могло негативным образом сказаться на обороноспособности Российской империи.

5 февраля 1908 г. 95 членов Государственной думы, представлявшие фракцию националистов (А. Бобринский, В. Пуришкевич, епископ Евлогий, П. Балашев и др.), подписали запрос по поводу мер «Для побуждения финляндского генерал-губернатора и мест-

ных властей к ограждению государства от подготовлявшихся в Финляндии посягательств на государственный порядок и безопасность». Они обращали внимание на то, что на территории Финляндии были подготовлены многочисленные покушения на должностных лиц в Российской империи, созданы Красная Гвардия, союз «Войма», организации, занимающиеся тайным провозом оружия в империю. Все это угрожает безопасности государства. В этой ситуации, отмечали авторы запроса, МВД не принимало «надлежащих мер для побуждения финляндского генерал-губернатора и местных властей к пресечению в крае преступных посягательств на Россию и к обеспечению ее безопасности»⁷. Запрос от 12 февраля 1908 г., внесенный крайними и умеренными правыми, был также связан с деятельностью общества «Войма» в Финляндии. Его подписали 37 депутатов, среди которых были В. Пуришкевич и А. Бобринский. Депутаты подчеркивали, что местные финские власти и генерал-губернатор Н.Н. Герард не предпринимают никаких мер для пресечения антиправительственной деятельности.

Содержание запросов отражало наиболее важные с точки зрения правительства проблемы во взаимоотношениях с Финляндией: оборона империи и борьба с революционным движением. Запросы выделяли основные направления будущих мероприятий в Великом княжестве: совершенствование законодательного механизма, укрепление внешних границ и подавление революции. Несколько позднее современники указывали на то, что думские запросы по Финляндии были предъявлены с ведома и согласия Столыпина. В личном фонде П.А. Столыпина имеются тексты думских запросов, присланных ему для ознакомления перед обсуждением в Думе. Какие-либо резолюции и пометы на них отсутствуют. Можно утверждать, что запросы были предъявлены Столыпину заранее, но открытым остается вопрос о том, были ли эти запросы полностью инициированы правительством.

5 (18) мая 1908 г. в Государственной думе по поводу февральских запросов по финляндскому управлению выступил П.А. Столыпин. Основное внимание в своей речи он обратил на проблему общегосударственного законодательства. Столыпин подчеркнул, что «не в бездействии властей, не в незаконных их действиях коренится зло, а в том, что целая область нашего законодательства, громадная область наших взаимоотношений с Финляндией не урегулирована совершенно»⁸ и что путем думских запросов проблема решена быть не может. Поэтому «на обязанности и правительства, и Государственной думы лежит... поднятие вопроса о выработке общего порядка законодательного рассмотрения наших общих с

Финляндией дел»⁹. При этом он подчеркнул, что в широком смысле речь идет о «распространении власти Государя Императора по *общеимперским делам через общеимперские учреждения* (курсив мой. – А. Б.) на протяжении и пространстве всей Империи»¹⁰, т. е. фактически формулировал идею разделения государственных функций на общеимперские и местные. Одновременно Столыпин отметил, что изменения в местном и общегосударственном управлении должны сохранить державные права России в Финляндии. «Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе»¹¹.

Двойственность позиции Столыпина, сформулированная в речи 5 мая 1908 г., очевидна. С одной стороны, он подчеркивал необходимость правового урегулирования взаимоотношений общеимперского центра и автономной Финляндии, с другой – заявлял о необходимости помнить о «державных правах» России. Последние слова вполне можно было трактовать как стремление правительства обеспечить себе ведущую роль в решении вопросов, связанных с Финляндией.

Вскоре после выступления П.А. Столыпина в Думе, 20 мая (2 июня) 1908 г. был издан высочайше утвержденное положение Совета министров «О порядке направления финляндских дел, касающихся интересов Империи»¹². Закон предоставлял Совету министров право определять, какие законопроекты, касающиеся Финляндии, затрагивают интересы империи и должны рассматриваться имперскими учреждениями. Определялось, что предварительному просмотру Совета министров подлежат все проекты финляндских законов, касающиеся «предметов управления, имеющих общее значение». Помимо проектов законов, Совет министров должен был рассматривать проекты высочайших предложений Сейму, петиции и представления Сейма и Сената на высочайшее имя, касающиеся вопросов управления общих для Финляндии и Российской империи, проекты всеподданнейших докладов финляндского генерал-губернатора или министра статс-секретаря. Таким образом, законодательство по Финляндии поступало на рассмотрение императора с предварительными комментариями Совета министров и финляндского генерал-губернатора, что, безусловно, оказывало влияние на принятие царем окончательного решения.

Сложившаяся ситуация обеспокоила общественно-политические круги Финляндии. Финляндский Сенат попытался инициировать совместное обсуждение вопросов, касающихся Финляндии, и 5 (18) июня 1908 г. обратился к императору со всеподданнейшим представлением об учреждении смешанной русско-финляндской

комиссии для обсуждения общих вопросов, касающихся Российской империи и Финляндии¹³, а 6 (19) июня 1908 г. Сенат направил императору представление с критикой изданного закона. В течение нескольких месяцев Сенат пытался добиться пересмотра закона 20 мая (2 июня) 1908 г. 9 (22) декабря 1908 г. Сенат вновь ходатайствовал перед императором о передаче закона 20 мая 1908 г. на пересмотр совместной комиссии и приостановление его действия. В ходатайствах Сената от 6 (19) июня и 9 (22) декабря отмечалось, что правила 20 мая 1908 г. создают такой порядок, при котором монарх управляет Финляндией при содействии русского Совета министров. Вместо независимости «по отношению к какой бы то ни было власти, кроме законной власти монарха», утвержденной актом 1816 г., Сенат поставлен в зависимость от русского Совета министров¹⁴. Они также обращали внимание императора на то, что если закон не будет изменен, «то Финляндскому Сенату окажется невозможным продолжать исполнять свои обязанности»¹⁵. Финляндский генерал-губернатор В.А. Бекман по указанию Николая II представил свое заключение. Он отметил, что закон 20 мая 1908 г. не предоставляет право окончательного решения о том, какие из возникающих по вопросам управления Финляндией дел затрагивают интересы Российской империи. Совет министров лишь может дать свое заключение наравне с финляндскими органами. Бекман сделал общий вывод о том, что закон 20 мая 1908 г. при правильном его применении ни в чем не нарушает присвоенных Финляндией основными ее законами прав. К этому мнению присоединился Совет министров, приняв решение оставить представление Сената без последствий, с чем согласился император¹⁶.

Основной причиной активных протестов Сената и Сейма, с одной стороны, было то, что в правовом сознании финнов, особенно в течение второй половины XIX в., закрепилось убеждение в том, что Финляндия соединяется с империей в личности императора, который один имеет право принятия решений по делам Великого княжества. Появление новых органов власти и управления, которые по Основным государственным законам 1906 г. заняли свое место в законодательном механизме Российской империи, было крайне отрицательно воспринято финнами, так как Государственная дума и Совет министров, по их мнению, не должны были иметь каких-либо прав на участие в законодательном процессе Финляндии. Можно говорить о том, что финляндские органы фактически отказывались признать, что законодательный механизм Российской империи изменился, и привести собственную законодательную практику в соответствие с российской. С другой стороны, закон от 20 мая 1908 г.

свидетельствовал об усилении позиции Совета министров и лично П.А.Столыпина в управлении государством, с одной стороны, и о том, что, несмотря на заявления о необходимости разграничить общегосударственное и местное законодательство, российское правительство трактовало общегосударственную компетенцию крайне широко – с другой.

Закон 20 мая 1908 г. был первым шагом среди попыток создать новый законодательный механизм для Финляндии, соответствующий Основным законам в редакции 1906 г. Следующим шагом должно было стать определение сфер общегосударственного и местного законодательства для Великого княжества Финляндского.

Следует отметить, что ходатайства финляндского Сената, настаивавшего на совместном обсуждении проблемы об общегосударственном и местном законодательстве, имели свои последствия. В конце 1908 г. Особым совещанием по делам Великого княжества Финляндского под председательством П.А.Столыпина было принято решение о создании смешанной русско-финляндской комиссии.

Вопрос о составе, программе и порядке деятельности совместной русско-финляндской комиссии был тщательно разработан Особым совещанием и в окончательном виде сформулирован в журнале совещания от 29 декабря 1908 г.¹⁷ Комиссии предстояло определить, что относится к сфере общегосударственного и местного законодательства, разработав перечень вопросов, подлежащих всеимперскому законодательству. Первоначально мнения участников относительно целесообразности такого перечня разделились. Часть считала, что исчерпывающий перечень выработать сложно и, кроме того, любой перечень общегосударственных дел будет сковывать правительство. Члены Совещания отметили, что во всех иностранных государствах, где действуют параллельно центральные и местные законодательные учреждения, сферы общего и местного законодательства разграничены посредством перечней, но эти перечни не являются неподвижными. Согласно с этим общегосударственные законы признаются имеющими высшее значение, нежели местные, и в случае коллизии с последними сами собой отменяют их действие¹⁸. В итоге члены совещания отметили, что будущий закон должен, по мнению членов совещания, предусматривать возможность изменения перечня «в порядке общегосударственного законодательства». Фактически члены Совещания наряду с допущением разграничения общегосударственного и местного законодательства стремились отстоять возможность

максимального расширения общегосударственных дел за счет гибкости перечня.

Комиссия должна была также установить, какими учреждениями и в каком порядке будут разрабатываться и вноситься в Государственную думу или Государственный совет законопроекты общегосударственного значения, касающиеся Финляндии. Еще до начала работы комиссии было подчеркнуто, что законопроекты должны вноситься министрами, главноуправляющими или комиссиями, образованными из членов Государственного совета или Государственной думы, и отмечено, что «в осуществлении этой функции финляндские установления и власти участвовать не могут»¹⁹.

Совет министров 17 марта 1909 г. одобрил предложения Особого совещания. 28 марта 1909 г. была образована русско-финляндская комиссия для выработки проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения.

Председателем комиссии был назначен П.А. Харитонов. В числе русских членов комиссии вошли В.Ф. Дейтрих, Н.А. Мясоедов, М.М. Бородкин, Б.М. Якунчиков и Н.Н. Корево. Финляндские члены комиссии были предложены финляндским Сенатом. Представителями Финляндии были архиепископ Густав Иогансон, бывший сенатор Август Ньюберг, профессор Роберт Германсон, профессора Александровского университета барон Эрнст Густав Пальмен и Эмиль Нестор Сетеля.

Пресса Великого княжества скептически отнеслась к образованию комиссии. Некоторые газеты считали, что в связи с тем что программа работы уже подготовлена российской стороной, то смысла в работе комиссии нет. Газета «Nya Pressen» писала, что «комиссия сядет за стол и вся ее работа сведется к тому, чтобы поставить точку над “и”», поскольку ей придется руководствоваться программой, в которой фактически построен «план государственного переворота с рвением, необычным для русской бюрократии»²⁰. Финляндская пресса отмечала:

По соображениям политической мудрости и предусмотрительности финны не должны уклоняться от переговоров с Россией, дабы русское правительство не могло заявить перед всем миром, что финны уклонились от пути соглашения, которого сами же требовали²¹.

Дискуссии в финляндской печати о том, что у России и Финляндии не может быть общего законодательства, комментировало «Новое время»:

Было время, когда наличность общегосударственных законов признавалась финляндскими юристами и они домогались только перечня этих законов. Затем забушевала буря японской войны и невзгоды смутного периода. Финляндские дельцы, быстро применяясь к обстоятельствам, повернули паруса, гордо заявляя, что общие интересы империи и Великого княжества имеются только в области международных отношений...²²

Численное преобладание русских участников совещания, обладающих репутацией, по замечанию младофинской газеты «Kaajala», людей «деятельность и стремления которых давно уже были направлены против нашей страны»²³ (т. е. Финляндии. – А. Б.), вызывало критику со стороны финской и положительные оценки российской националистической прессы. Газета «Свет» отмечала, что уже в составе комиссии видно «торжество русского национального начала над зарвавшейся инородчиной», а программа работы комиссии свидетельствует, что «русская власть стоит в финляндском вопросе на вполне национальном пути»²⁴.

Финляндские и русские члены комиссии представили свои предложения. Основные предложения финляндской стороны исходили из того, что Финляндия занимает в российском государстве положение страны, имеющей свои особые основные законы и свою особую конституцию, которые могут быть изменены только с согласия финского народа или Сейма. Следовательно, Основные законы Российской империи имеют в Финляндии обязательную силу только по вопросам о престолонаследии, совершеннолетия наследника престола, порядке управления за время несовершеннолетия императора, об императорской фамилии. Исходя из этого, внутренними делами Финляндии следует считать все без исключения касающиеся ее вопросы, исключая внешнеполитические. При этом особо отмечалось, что внутренние дела, «хотя бы они затрагивали интересы империи, должны быть разрешаемы согласно финляндской конституции. Государственный совет и Государственная дума в сих делах не компетентны»²⁵. Для подготовки финских дел, касающихся интересов империи к всеподданнейшему докладу предлагалось образовать при финляндском статс-секретариате особый русско-финляндский Комитет и таким образом полностью отстранить Совет министров от участия в обсуждении финских проблем. Относительно участия представителей Княжества в деятельности Государственной думы и Государственного совета финляндские члены комиссии отметили, что сам факт участия в работе российских представительных орга-

нов не дает никаких гарантий того, что «интересы и нужды Финляндии будут должным образом приниматься в соображение»²⁶. Также они настаивали на отмене закона 20 мая 1908 г.

Русские члены совещания обсудили финляндский проект и признали его неприемлемым. В.Ф. Дейтрих, оценивая проект финнов, отметил, что «финляндское предложение есть предложение изменить государственный строй империи и отменить наши Основные законы...»²⁷.

Параллельно русской частью комиссии был выработан законопроект, переданный финнам для рассмотрения в ноябре 1909 г. Проект основывался на прямо противоположных принципах: Финляндия – нераздельная часть единого российского государства. В соответствии с этим в проект был включен обширный перечень общегосударственных дел, затрагивавший вопросы цензуры, суда, употребления русского языка, таможенные и железнодорожные проблемы, монетную систему, денежное обращение, вопросы обороны и международных отношений. Позиции российских и финляндских участников совещания были диаметрально противоположны и убедительно показывали, что ни одна из сторон в действительности не стремилась к тому, чтобы попытаться действительно выделить сферы местного и общегосударственного управления и законодательства. Бескомпромиссная позиция участников завела работу комиссии в тупик.

Обсуждение вопросов об общеимперском законодательстве и его действии в Финляндии, конфликтная ситуация в комиссии вызвали рост пассивного сопротивления в Княжестве. В этой связи Столыпин в телеграмме Николаю II призывал императора проявить твердость, отмечая, что в Финляндии готовится пассивный отпор всем требованиям империи, поскольку финны рассчитывают, что «у нас в вопросе общеимперского законодательства и других в последнюю минуту уступят»²⁸.

Одним из способов пассивного сопротивления стало прекращение деятельности Сената. Еще до начала заседаний комиссии в марте 1909 г. большая часть членов хозяйственного департамента Сената сложила с себя свои обязанности. В прошениях об отставке сенаторы указывали, что покидают свои посты из-за установленного нового порядка финских дел императору, имея в виду закон 20 мая 1908 г. Прощения были приняты и 10 апреля 1909 г. было издано Высочайшее повеление об отставке сенаторов. Аналогичным образом поступили члены судебного департамента Сената во главе с его вице-председателем и 29 мая 1909 г. также были отправлены в отставку²⁹.

Осенью 1909 г. в связи с полной отставкой Сената, Столыпин считал, что власти империи должны реагировать на сложившуюся ситуацию. Он обратился в Военное министерство с просьбой отправить в Финляндию дополнительные войска. Военное министерство и штаб Петроградского военного округа высказались против предложения Столыпина. Они считали, что дополнительные войска могут быть посланы только в случае возникновения реальных антиправительственных выступлений в Княжестве³⁰.

Финляндский генерал-губернатор Бекман сообщил в Совет министров, что есть два пути решения проблемы. Первый – назначить сенаторами лиц, находящихся на имперской службе вне Финляндии, но пользующихся правами финских граждан. Наличие финского гражданства было необходимым, поскольку по учреждению Императорского Сената 1892 г. члены Сената избирались монархом из лиц, являющихся «коренными финляндцами» или имеющих права финского гражданства. Второй путь, по мнению Бекмана, заключался в передаче полномочий Сената генерал-губернатору. Совет министров счел наиболее приемлемым первый вариант. Столыпин по этому поводу в телеграмме Николаю II отметил, что «при назревающем кризисе генерал-губернатор будет чувствовать себя сильнее, имея в руках послушный Сенат. При упразднении Сената мы дадим лишь повод и толчок к забастовке всех подчиненных ему экспедиций и главных управлений. При наличии законного Сената на забастовку теперь не решатся»³¹. Император также выразил свое согласие с таким решением проблемы³². В итоге Столыпин составил список новых сенаторов из числа финнов, находящихся на российской военной службе. В Сенат были включены шесть военных, в том числе адмирал А.А. Вирениус и полковник П.А. Краатц, а также граф Э. Берг, но ни один из них не имел юридического образования, хотя по законодательству не менее двух членов Сената должны были быть юристами. Представляя их императору, Столыпин отмечал, что «эти лица готовы беспрекословно исполнять все веляния Вашего Величества»³³.

Финляндский Сейм осенью 1909 г. также находился в оппозиции российским властям. 26–27 сентября 1909 г. Николай II и П.А. Столыпин обсуждали вопрос об упразднении финляндского Сейма. В итоге император согласился со Столыпина о несвоевременности этой меры³⁴. При этом Столыпин продолжал придерживаться того мнения, что отставка Сената и дальнейшее пассивное сопротивление финнов опасности для империи не представляют³⁵.

14 марта 1910 г. последовал высочайший манифест о внесении председателем Совета министров в Думу и Государственный

совет законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. В основу законопроекта были положены основные принципы отношений Княжества и империи, выработанные комиссией Харитонова, а именно: предоставление Финляндии только областного самоуправления, распространение действия Основных государственных законов на Финляндию, предоставление Сейму в области общегосударственного законодательства прав совещательного органа, введение представителей Финляндии в Государственную думу и Государственный совет³⁶.

17 марта законопроект был оглашен в Думе. Против законопроекта выступили кадеты. Этому способствовали тесные связи лидеров кадетской партии с финскими политиками³⁷.

22 марта законопроект был передан в думскую комиссию и рассмотрен к 6 мая. Комиссия дополнила законопроект пунктом о подчинении общеимперскому законодательству положений об употреблении в Финляндии государственного языка. Была изменена формулировка статьи о подчинении народного просвещения общеимперскому законодательству. Думская комиссия добавила текст о том, что государственные интересы должны обеспечиваться «в деле установления программ преподавания и надзора за ним», что, по мнению членов комиссии, давало возможность, оставив народное просвещение в руках финнов, обеспечить «ограждение России от того враждебного отношения, которое поддерживалось до сих пор в финляндских народных школах», т. е. предлагалось вести государственный контроль над содержанием преподавания³⁸.

Параллельно в апреле 1910 г. законопроект был передан на отзыв Сейма Финляндии. Сейм Финляндии отказался представить заключение на законопроект, мотивируя отказ тем, что законопроект направлен на изменение финляндских законов и уничтожение политической и общественной жизни Финляндии.

В качестве ответной меры 24 сентября (7 октября) 1910 г. император объявил о роспуске Сейма и назначил новый созыв на 1 февраля 1911 г.³⁹

После начала обсуждения законопроекта в Думе, 21 мая 1910 г. в Думе выступил П.А. Столыпин. Он отметил, что в Российской империи в отношении Финляндии существует «неясность границ между местным и общеимперским законодательством»⁴⁰. По вопросу предложенного в проекте перечня общегосударственных дел Столыпин сказал, что он не является чрезмерно широким и отражает опыт многих «сложных государств». Также он отметил, что «приглашение финляндских депутатов в Думу и Государственный совет с решающим голосом — это акт величайшей справедливости,

но в то же время доказательство единства русской Империи»⁴¹. Необходимость издания закона о порядке общеимперского законодательства, по мнению Столыпина, была обусловлена во многом тем, что ситуация в законодательстве такова, что «общеимперские интересы ничем не обеспечены... и картина государственного бессилия является полной»⁴².

Дискуссия в Думе по составу перечня общегосударственных дел была продолжительной. Но в итоге был принят закон с широким перечнем общегосударственных дел, отражавший позицию правительства.

31 мая 1910 г. законопроект был принят Думой и передан в Государственный совет⁴³. Члены Государственного совета не были единодушны в отношении к предложенному законопроекту, отмечая, что он противоречит Сеймовому уставу 1906 г. Но в конечном итоге Государственный совет одобрил вариант, принятый Государственной думой без изменений.

Обсуждение законопроекта в Государственной думе и Государственном совете показало не только различие партийных позиций, но и то, что в случае с Великим княжеством Финляндским российское правительство и законодательные учреждения, столкнувшись с проблемой взаимоотношений верховной власти и автономного образования, довольно плохо представляли себе возможный объем прав той и другой стороны.

17 июня 1910 г. был издан закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения»⁴⁴. Этим законом к общегосударственным делам были отнесены: участие Финляндии в общегосударственных расходах, вопросы о правах русских в Финляндии, государственном языке, деятельности имперских учреждений в крае, порядке приведения в исполнение решений судебных и иных учреждений империи на территории Финляндии, наблюдении за школьными программами, правилах о союзах и обществах, законодательства о печати, денежной системе и др. (ст. 2). Право законодательной инициативы принадлежало императору (ст. 4). Законопроекты, затрагивавшие интересы Финляндии, могли рассматриваться минуя финляндский Сенат, если последний не выскажет своего мнения в указанный ему срок (ст. 5). Государственная дума и Государственный совет наделялись правом издавать законы и для Финляндии. Это нарушало действовавший принцип разграничения законодательства России и Финляндии. Принятые помимо финляндского Сената законы автоматически отменяли противоречившие им местные законы и постановления (ст. 10). Для представителей Финляндии в Госу-

дарственном Совете и Государственной думе оговаривалась необходимость знания русского языка. Фактически основные положения законопроекта повторяли перечень общегосударственных дел, представленный русской стороной в русско-финляндскую комиссию под председательством Харитонов в 1909 г. Таким образом, административно-правовая система в Финляндии приводилась в единство с общероссийскими нормами.

Закон от 17 июня 1910 г. вызвал недовольство в Финляндии. Большинство юристов и чиновников считали, что он не имеет силы на территории Великого княжества Финляндского, т.к. его принятие противоречит манифесту Александра I, где говорилось о том, что никакой касающийся княжества «коренной» закон не мог быть издан, отменен или изменен без согласия Сейма.

Вопрос о правомерности этого законодательного акта и юридических оснований для вмешательства царского правительства в дела Финляндии активно обсуждался юристами как в России, так и в Финляндии. Стремление российских правящих кругов к усилению экономических, административно-правовых связей Великого княжества Финляндского с империей снова дало толчок к бурному обсуждению вопроса о его правовом статусе в юридической литературе.

Комментируя этот документ, лидер шведской народной партии, профессор кафедры государственного права Гельсингфорского университета Лео Михелин писал, что это – неправомерно изданный закон, так как «законодательные установления империи не имеют права издавать закона, изменяющего основные законы Финляндии»⁴⁵. Против данного закона высказался и М. Ковалевский, так как «он (т. е. закон. – А. Б.) не считается с требованием финляндской конституции, по которой ни один закон, в том числе и основной, и никакой налог не может считаться легально установленным без согласия Сейма»⁴⁶. Эти мнения не были единичными. Они отражали позицию многих иностранных юристов, специалистов в области государства и права и ряда российских ученых либерального направления. Были высказаны и противоположные суждения. Так, шведский публицист Георгес в своей работе «Политические мысли» писал:

Мотивы действий русского правительства вполне естественны..., нельзя не признать, что предоставить отдельной части страны особые привилегии, дать ей возможность быть государством в государстве и тормозить работу имперского правительства, это значило бы перевернуть мир вверх дном... На пути стремления к однородности, т. е. государственному единству не должно быть никаких препятствий, никакой плаксивой сентиментальности...⁴⁷

Принятие закона 1910 г. без согласия Сейма дало основание его членам считать его не имеющим силы. В сентябре 1910 г. был созван чрезвычайный Сейм Финляндии. Ему предлагалось разработать порядок избрания депутатов от Великого княжества в Государственную думу и Государственный совет и провести их выборы. Тальман Сейма П.Э. Свинхувуд заявил, что закон 17 июня не может иметь в Финляндии законной силы. Сейм отклонил предложенную программу работы, заявив, что не может «приступить к обсуждению дел, указанных в Высочайшей грамоте о созыве Сейма»⁴⁸, и 24 сентября (7 октября) 1910 г. был распущен императорским указом. На этом же основании в марте 1913 г. Сейм, например, отказался дать заключение по одобренному Советом министров проекту закона о подчинении общим законам империи дел о совершаемых на территории княжества государственных и политических преступлениях. Члены Сейма заявили, что закон от 17 июня 1910 г., на который опирался законопроект, не имеет силы на территории Финляндии, поскольку он не одобрен Сеймом⁴⁹. Российское правительство, наоборот, считало этот закон вступившим в силу, и он стал основой для последующей нормотворческой деятельности в отношении Финляндии.

Издание закона 17 июня 1910 г. стало нормативной базой для последующего законодательства в отношении Финляндии, направленного на сужение ее автономных прав. Осенью 1911 г. на обсуждение Государственной думы были вынесены два законопроекта: о порядке отбывания гражданами Великого княжества Финляндского воинской повинности и об уравнивании в правах русских финнами на территории Финляндии. В начале обсуждения первого законопроекта 28 сентября 1911 г. выступил председатель Совета министров В.Н. Коковцов, который обратил внимание на то, что прошло более года с момента принятия закона 17 июня 1910 г., но он фактически не реализуется. Коковцов подчеркнул, что смерть Столыпина не является началом перемены политического курса в отношении Финляндии. Коковцов отметил, что в политическом курсе он является преемником Столыпина, а от решения финляндской проблемы зависит целостность и единство государства⁵⁰.

Разработка законодательства в отношении Великого княжества Финляндского в 1908–1910 гг. показало, что впервые в Российской империи был поднят вопрос о разграничении общеимперского и местного законодательства. Его решение было далеко от совершенства. И российская и финляндская сторона стремились обеспечить себе максимальные права в сфере законодательства. Но показателем сам факт широкой дискуссии по этому вопросу. Несмотря на

безусловно консервативную позицию самодержавия в финляндском вопросе, стремление преодолеть уступки периода первой русской революции, признание возможности издания различных законодательных актов на территории империи свидетельствовало о нестабильности «единой и неделимой России». Но при этом ни российская, ни финляндская сторона не были готовы к конструктивному диалогу, а лишь стремились максимально расширить и укрепить свои позиции в законодательной сфере.

Примечания

- ¹ *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968.
- ² РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–5.
- ³ Там же. Л. 5 об.
- ⁴ Там же. Д. 100. Л. 1.
- ⁵ Запросы по финляндскому управлению в Государственной думе (1, 5, 12 февраля, 5, 12, 12 мая 1908 г.). СПб., 1909. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ Там же. С. 16–19.
- ⁸ Там же. С. 57.
- ⁹ Там же. С. 58.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 59.
- ¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Т. 28. № 30379. С. 267–268.
- ¹³ Обзор печати о Финляндии. СПб., 1911. С. 47.
- ¹⁴ Заявления европейских ученых о финляндском вопросе. СПб., 1910. С. 78.
- ¹⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи: 1909 год. М., 2000. С. 59.
- ¹⁶ Там же. С. 57–59.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1159. Л. 128 об. – 133 об.
- ¹⁸ Обзор печати о Финляндии. С. 46–47.
- ¹⁹ Цит. по: *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 54.
- ²⁰ Обзор печати о Финляндии. С. 56.
- ²¹ Там же. С. 50.
- ²² Новое время. 1909. 5 окт.
- ²³ Обзор печати о Финляндии. С. 62.
- ²⁴ Свет. 1909. 5 июня.
- ²⁵ Труды Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского. СПб., 1910. С. 3–4.
- ²⁶ Там же. С. 5.
- ²⁷ Там же. С. 60.

- ²⁸ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.
- ²⁹ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 52.
- ³⁰ *Lyntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland: 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 225.
- ³¹ П.А. Столыпин: Переписка. С. 57.
- ³² Особые журналы Совета министров... С. 390–392.
- ³³ П.А. Столыпин: Переписка. С. 57.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 111–112.
- ³⁵ Там же. Д. 110. Л. 2.
- ³⁶ О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения: Проект председателя Совета министров и его рассмотрение в Государственной думе и Государственном совете. СПб., 1911. С. 15.
- ³⁷ Стенографический отчет Государственной думы. Третий созыв. Сессия III. Ч. 3. 17 марта. СПб., 1910. Стб. 935; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии: 1907–1914 г. М., 1991.
- ³⁸ О порядке издания касающихся Финляндии законов... С. 18–19.
- ³⁹ Высочайшая грамота по Великому княжеству Финляндскому // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1910. Т. 30. № 34233. С. 1161.
- ⁴⁰ Стенографический отчет Государственной думы. Третий созыв. Сессия III. 21 мая. СПб., 1910. Стб. 2036.
- ⁴¹ Там же. Стб. 2041.
- ⁴² Там же. Стб. 2032.
- ⁴³ Там же. Стб. 2890.
- ⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1910. Т. 30. № 33795. С. 790–793.
- ⁴⁵ *Михелин Л.* Критический разбор закона 17 (30) июня 1910 г. Гельсингфорс, 1910. С. 197.
- ⁴⁶ *Ковалевский М.* Финляндский вопрос // Вестник Европы. 1910. № 7. С. 276.
- ⁴⁷ Цит. по: *Липранди А.П. (Волынец).* Россия и ее финляндская окраина. Харьков, 1910. С. 61.
- ⁴⁸ Чрезвычайный Сейм 1910 г.: Протоколы и документы. Заседания 1–7. Гельсингфорс, 1911. С. 25–64.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 413. Л. 102.
- ⁵⁰ Стенографический отчет Государственной думы. Третий созыв. Сессия V. СПб., 1910. Стб. 692–694.

Транспорт Украинской ССР в годы новой экономической политики

В статье анализируются состояние транспорта к концу Гражданской войны, реформы управления транспортом при переходе к новой экономической политике, состояние транспортной инфраструктуры в восстановительный период и в первые годы курса на форсированную социально-экономическую модернизацию страны. Показаны особенности развития транспортной системы на территории Украинской ССР.

Ключевые слова: новая экономическая политика, транспортная система, железные дороги, водный транспорт, гражданская авиация, автомобильный и гужевой транспорт, дорожное строительство, транспортное машиностроение.

Гражданская война была по преимуществу войной на путях сообщения. Военные действия шли чаще всего вдоль линий железных дорог. Неслучайно на первом этапе она получила название «эшелонной войны». Противоборствующие стороны при отступлении разбирали пути, взрывали мосты, снимали и увозили гидравлические колонки, телеграфные и телефонные аппараты и т. п. В боях за железнодорожные станции, их сооружения (вокзалы, депо, водокачки, склады) нередко превращались в укрепления, по которым противник вел артиллерийский огонь. Вагоны являлись одновременно и казармами, и цейхгаузами, и огневыми точками. На паровозах посылались группы разведчиков. При обороне и наступлении ударной силой были поезда. На реках мирные гражданские буксиры и грузовые пароходы превращались в грозные

боевые корабли. На необъятных просторах страны только с помощью железных дорог и речного флота удавалось поддерживать работу наиболее важных предприятий, подвозить в промышленные центры продовольствие и топливо, эвакуировать больных и раненых. В условиях военного времени транспорт стал одной из наиболее уязвимых отраслей народного хозяйства и к концу активных военных действий оказался в тяжелом положении.

За 1918–1920 гг. в стране было разрушено 231 250 верст железнодорожных путей. Отдельные участки превратились в грунтовые дороги для проезда на телегах и санях. Некоторые линии были разобраны и использовались для ремонта поврежденного рельсового полотна на главных путях. Разрушенными или серьезно поврежденными оказались 3672 моста общей длиной пролетов 89 467 метров, 2904 стрелочных перевода, 381 место для стоянки паровозов в депо, 446 водокачек, почти 5 тысяч гражданских построек, 86,5 тыс. верст телеграфных линий. Дороги лишились 4331 телеграфного аппарата и 10896 телефонных¹. По мнению инженера путей сообщения В.О. Клеменича, то, что железные дороги продержались и даже работали в течение всей Гражданской войны, «является чудом, которое дала Республике не знающая границ энергия Советской власти»².

На территории Украины наибольшим разрушениям железнодорожная сеть подверглась в Вольнской, Екатеринославской, Киевской, южной части Полтавской, Харьковской и Херсонской губерний. В результате военных действий были разрушены крупные мосты: Киевский, Днепропетровский, близ Черкасс, в Кичкасе, Южно-Бугский, на северном Донце близ станции Лиман и др. Всего нужно было восстановить 951 мост. В 1921 г. был восстановлен Кичкасский мост через Днепр и продолжались работы по капитальному ремонту еще 22 мостов. Предстояло восстановить 97 водоемных и водоподъемных зданий, 17463 кв. саж. различных гражданских сооружений³.

По сравнению с 1913 г., в 1921 г. на Украине осталось 87,2% паровозов, 66,1% грузовых и 70,11% пассажирских вагонов, в том числе неисправными были 64,2% паровозов и 42% вагонов. Выпуск паровозов на заводах Украины сократился в 6 раз. Резко снизились перевозки. В 1920 г. Южные железные дороги перевезли чугуна, стали, железа и металлоизделий в 17,5 раза меньше, чем в 1917 г., лесных строительных материалов – в 11,2 раза, строительного кирпича – в 19,4, руды – в 5 тыс. раз (!) меньше, нефти и хлеба (зерно) – в 3 раза меньше. И только перевозки каменного угля уменьшились незначительно⁴. Юго-Западные железные дороги в

1920 г. соответственно перевезли меньше по сравнению с 1917 г. лесных грузов – в 47 раз; чугуна, стали, железа и металлоизделий – в 180 раз, нефти и нефтепродуктов – в 38 раз, каменного угля – в 77 раз, хлебных грузов – в 3,3 раза меньше. Полностью были прекращены перевозки руды⁵. Восстановление прежнего объема перевозок было прямо пропорционально темпам восстановления всего народного хозяйства. Поэтому в 1921/22 г. перевезено 13,9 млн т грузов, в 7 раз меньше 1913 г., пассажиров в 1922/23 г. перевезли в два раза меньше, чем в 1913 г. (в России (СССР) с 1921 г. по 1930 г. существовало понятие «хозяйственный год», который начинался 1 октября и заканчивался 30 сентября следующего года. По такому году велась отчетность предприятий и осуществлялось планирование всего народного хозяйства)⁶.

Наибольшую тревогу в НКПС вызывал подвижной состав. Еще 28 мая 1920 г. при Совете труда и обороны (СТО) была создана Основная транспортная комиссия для разработки и согласования плана восстановления транспорта и, прежде всего, организации усиленного ремонта подвижного состава, производства запасных частей. Следует подчеркнуть, что согласно декрету от 1 июня 1919 г. «Об объединении социалистических республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом» управление железными дорогами осуществлялось централизованно НКПС РСФСР и принимаемые им нормативно-правовые акты подлежали исполнению на всей подконтрольной советской власти территории.

В Наркомате путей сообщения (НКПС) весной 1920 г. был разработан план восстановления паровозного хозяйства, рассчитанный на 4,5 года. Он был объявлен по сети дорог 22 мая приказом № 1042. Основную нагрузку по ремонту локомотивов должны были взять на себя депо и мастерские железных дорог. Результат получился ниже расчетных показателей. Препятствием к успешному ремонту паровозов и вагонов стали низкая производительность труда, постоянная нехватка нужного металла, особенно меди, из которой изготавливались важные детали паровозов; недостаток нужных инструментов. Особую проблему создавало отсутствие дымогарных труб, производившихся за границей. При ремонтных работах по-прежнему практиковалась разборка на запчасти «больных» паровозов. Однако эти детали были настолько изношенными, что эффект от их применения был невелик. Поэтому уже в 1920 г. Совнарком РСФСР был вынужден заключить ряд соглашений с европейскими государствами на поставку паровозов и запасных частей к ним.

При соблюдении правильного режима, в шпальном хозяйстве необходимо было ежегодно менять 3 500 000 шпал. Но с 1914 г. эта норма не соблюдалась. Учитывая острую нехватку шпал, в 1921 г. на дорогах было решено сменить 2 млн прогнивших шпал. Но и эту «голодную норму» выполнить не удалось, поскольку на железные дороги Украины к 1 октября поступило немногим более 1 млн шпал.

В 1921 г. положение на железных дорогах усугубилось тяжелым топливным кризисом. В январе это привело к остановке движения на 19 железнодорожных магистралях, важных как для Украины, так и для страны в целом: Волноваха–Александров–Апостолово–Долгинцево, Апостолово–Снигиревка–Николаев, Полтава–Лозовая–Славянск, Луганск–Миллерово и др.⁷ Из-за топливного кризиса временно была приостановлена работа Екатеринославских, Изюмских, Полтавских и Харьковских железнодорожных мастерских. На 1 августа 1921 г. на железных дорогах запасы угля не превышали 600 тыс. пудов, что обеспечивало 3 рабочих дня.

Зима 1920/1921 г. выдалась снежной. Снегопады и метели вынудили в конце января и в период с 14 по 25 февраля прекратить движение на всех линиях Южных железных дорог, кроме Николаевского участка. Транспортные чрезвычайные комиссии Украины организовали на дорогах специальные Особые комиссии по борьбе с заносами и мобилизовали на борьбу со снегом население в пределах полосы отчуждения железных дорог.

Для руководства путями сообщения на Украине 10 ноября 1920 г. был образован Южный округ путей сообщения. Ему в административном отношении были подчинены Донецкие, Екатерининская, Южная, Юго-Западные железные дороги и Одесский отдел Юго-Западных железных дорог общей протяженностью 12 878 верст. В конце 1920 г. на Донецкой дороге трудилось 34 262 человека, на Екатерининской – 42 037, Южных – 58 700, Юго-Западных – 61 962 (по неполным сведениям на сентябрь 1920 г.)⁸. По состоянию на 1 января 1921 г. они располагали 1549 исправными паровозами, 4000 пассажирскими и 92 298 товарными вагонами.

В структуре Управления Южного округа путей сообщения для заведывания водным транспортом были созданы Водно-эксплуатационный и Водно-технический отделы, а на местах Верхне-Днепровский и Нижне-Днепровский речные отделы. В Управлении округа появилась Морская информационная часть, образованы Киевский и Одесский местные бюро перевозок, занимавшиеся регулированием перевозок по рекам и каботажными перевозками по Черному морю⁹.

Коренные изменения в восстановлении транспорта были связаны с переходом к новой экономической политике. 9 июля 1921 г. В.И. Ленин подписал декрет «Об оплате за перевозки по железным дорогам и водным путям». В связи с этим были восстановлены тарифы на перевозку пассажиров и багажа, действовавшие до 10 июня 1917 г., но с повышенными ставками. В целях приспособления тарифов к местным условиям НКПС принял решение возобновить созыв тарифных съездов представителей железных дорог и водных путей сообщения. 11 июля 1921 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и НКПС приняли совместное постановление о передаче в путейское ведомство бездействовавших заводов для изготовления необходимых транспорту материалов. В случае столкновения ведомственных интересов преимущественное право на аренду получал НКПС. Наконец, 16 января 1922 г. СНК РСФСР принял декрет «О применении на транспорте начал хозяйственного расчета», который повлек за собой изменения в структуре НКПС и подведомственных ему учреждениях, смену форм управления и методов руководства. Чисто административные методы управления заменялись на преимущественно экономические. Хозяйственный расчет на транспорте означал восстановление принципа материальной заинтересованности и личной ответственности работников транспорта в правильном и экономном использовании всех ресурсов, в достижении наилучших результатов при наименьших затратах средств. 8 июля 1922 г. нарком путей сообщения Ф.Э. Дзержинский и управляющий делами НКПС В.И. Межлаук подписали приказ о введении с 1 августа в действие Устава железных дорог РСФСР, который основывался на идеях Общего устава российских железных дорог 1885 г. 31 мая того же года СТО утвердил по докладу Ф.Э. Дзержинского Положение о правлениях железных дорог. С момента организации правлений в их распоряжение поступало все имущество, принадлежавшее дорогам и предприятиям, входившим в данное правление. Сущность и цель реформы состояли в децентрализации управления коммерческой и хозяйственной деятельностью транспортных предприятий.

В результате проведенных реформ оживились все восстановительные работы на железных дорогах. Более интенсивно началась смена шпал. В 1923 г. в путь было уложено 15 млн 600 тыс. шпал, из которых уже 4 млн 600 тыс. – пропитанных. За 1921–1923 гг. заменили рельсы на путях протяженностью в 1346 верст. Большим успехом начала 20-х годов следует признать восстановление мостов через Днепр и Северный Донец близ станции Лиман. Наиболее трудоемкой операцией стала замена двух ферм разрушенного мо-

ста через Южный Буг у г. Николаева. К 1 января 1923 г. из 423 разрушенных сооружений Юго-Западных железных дорог на 120 был проведен капитальный ремонт. 289 мостов были восстановлены временно. Предстояло провести работы еще на 14 объектах. К 1 октября 1923 г. на Донецких дорогах было отремонтировано 105 мостов из 128 разрушенных в Гражданскую войну. Был произведен полный ремонт пакгаузов для ссыпки хлеба в хлебородном районе Львов–Харьков–Купянск–Славянск¹⁰. Важным успехом стало завершение в 1926 г. восстановления двухъярусного моста через Днепр у станции Екатеринослав Екатеринбургской железной дороги, что позволило надежно связать транспортную сеть левобережной и правобережной Украины¹¹.

На дороги стали поступать новые паровозы с восстанавливаемых предприятий транспортного машиностроения. В 1921/1922 г. Луганский паровозостроительный завод выпустил 30 паровозов. Для налаживания нормальной работы железных дорог основное внимание было обращено на ремонтные работы. Ремонт паровозов и вагонов был сосредоточен в железнодорожных мастерских и на заводах ВСНХ, которые выполняли заказы железнодорожников. Главную роль в уменьшении количества «больных» паровозов сыграли железнодорожные мастерские. Этому способствовала концентрация ремонтных работ в хорошо оборудованных мастерских. Одновременно в 1924/25 г. было закрыто 38% всех ремонтных пунктов среднего ремонта и 59% по конвенционному осмотру вагонов. Концентрация ремонта на железных дорогах Украины привела к снижению себестоимости ремонта паровозов до 18–20 тыс. руб. (против 24–26 тыс. руб. на заводах ВСНХ)¹².

Ремонт паровозов, поступление новых отечественных и иностранных локомотивов привел к качественной замене паровозного парка. На 1 октября 1924 г. на железных дорогах Южного округа путей сообщения находилось уже 3627 паровозов, из них 47% мощных (против 35% на 1 января 1921 г.). Количество «больных» паровозов постоянно снижалась: с 63% на 1 января 1921 г. до 52,5% на 1 октября 1923 г. По состоянию на 1 октября 1924 г. оставалось 26% неисправных товарных вагонов (в 1913 г. таких было 7%)¹³.

В последующие годы удалось добиться существенного снижения количества «больных» локомотивов. По состоянию на 1 января 1930 г. на Донецких железных дорогах числилось 14,3% требовавших ремонта паровозов, на Екатеринбургской ж. д. – 17,8%, на Юго-Западных ж. д. – 13,2%, на Южных ж. д. – 15,9%¹⁴.

До Октябрьской революции на Украине не существовало специализированных вагоностроительных предприятий. Неболь-

шие партии крытых двухосных вагонов, платформ и цистерн выпускали Николаевский судостроительный, Киевский и Торецкий машиностроительные заводы, Нижнеднепровский металлургический завод, Киевские и Одесские главные паровозовagonные мастерские. В начале 20-х годов Николаевский судостроительный завод возобновил производство двухосных крытых вагонов, платформ и цистерн и продолжал их производство до 1935 г. В 1925 г. на базе транспортных цехов Днепродзержинского металлургического завода и в 1930 г. на базе Нижнеднепровских железнодорожных мастерских были созданы два вагоностроительных предприятия. Первый выпускал крытые вагоны и хопперы, второй – платформы, а затем освоил производство четырехосных большегрузных полувагонов, оборудованных автосцепкой и автотормозами (сконструированы советскими изобретателями Ф.П. Казанцевым и И.К. Матросовым). В 1932 г. на Крюковском заводе был разработан универсальный четырехосный полувагон грузоподъемностью 60 т, который был принят за основной тип грузового вагона для всех железных дорог СССР. По многим показателям он был одним из самых совершенных вагонов в мире¹⁵.

Уже в 1922 г. в крае началась прокатка новых рельсов. В 1923/24 г. железнодорожный транспорт получил необходимое количество металла. Но на ход восстановления транспорта негативно влияли несвоевременные поставки материалов. Так, в 1923/24 г. два южных треста выполняли заказы железных дорог с большой задержкой и не полностью (Южсталь – на 54%, Южмаш – на 41%)¹⁶.

В результате восстановительных работ железнодорожный транспорт по основным показателям своей работы к началу первой пятилетки приблизился к показателям 1913 г.

	1913	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Эксплуатационная длина железных дорог Украины (тыс. км)	10,9	13,9	13,7	13,4	13,8	13,9
Количество перевезенных грузов (млн т)	95,9	14,0	23,5	34,0	45,1	72,2
Средняя ежедневная погрузка (тыс. вагонов)	10,7	1,5	2,4	3,6	4,7	7,6

Источник: Історія народного господарства Української РСР. Т. 2: Створення соціалістичної економіки (1917–1937 рр.). Київ, 1984. С. 188.

Пробег грузовых вагонов на железных дорогах Украины в 1925/26 г. составил 15,5 млрд тонно-километров, что в 7 раз превышало пробег в 1921/22 г., но составляло только 79% по сравнению с 1913 г.¹⁷ Не удалось добиться снижения количества происшествий на железных дорогах. Например, в 1913 г. на дорогах, сопоставимых с Южным округом путей сообщения, произошло 329 случаев схода поездов с рельс, а в 1924/25 г. таких случаев было 472; разрывов поездов в 1913 г. было 225, а в 1924/25 – 1373, прочих происшествий в 1913 г. было 437, а в 1924/25 – 781. Основной причиной этих происшествий была изношенность товарных вагонов, в частности сцепного оборудования. Конечно, присутствовал и человеческий фактор: перегруженность работой, недостаточное содержание, неудовлетворительные жилищные условия и другие бытовые трудности транспортников. Одной из причин оставалась недостаточная квалификация и дисциплинированность рабочих и служащих железных дорог. Для подготовки кадров СНК Украины в 1926 г. принял решение открыть в Киеве Институт инженеров путей сообщения на базе факультета инженеров путей сообщения Киевского политехнического института и Факультета по эксплуатации путей сообщения Киевского института народного хозяйства¹⁸.

К 1927/28 г. грузооборот железных дорог Украины превысил довоенный уровень. При этом на линиях, направленных к западной границе республики, он не достиг уровня 1913 г., а на линиях, связывающих Украину с центральными районами СССР, этот уровень значительно превысил. Основным получателем железнодорожных грузов из УССР был Центральный промышленный район. Сюда направлялось больше трети всего вывоза за границы УССР. После Гражданской войны коренным образом изменилась логистика перевозок грузов. Например, соль предприятий Славянского района в довоенный период направлялась преимущественно в украинские губернии (36%), в Польшу и Прибалтику (28%). А в середине 20-х годов на украинские губернии приходилось 33% всего вывоза и на центральные губернии России 24%. В Украину свои грузы направляли в первую очередь Нижне-Волжский, Уральский и Закавказский районы. Нижневолжский район поставлял 87% всей соленой рыбы, 11,3% газа и бензина, 47,9% нефтяных масел. Из Урала было завезено 46,14% железа и стали и 95,89% марганцевой руды¹⁹.

В 1927/28 г. стала ощущаться недостаточная пропускная способность участков главных направлений. Особенно острым был вопрос о вывозе грузов из Донбасса. Правительство Украины в то время стало склоняться к электрификации участков Лиман – Белгород – Курск, которая могла бы на длительный период обеспечить

вывоз донецкого угля. А для увеличения грузопотока в западном направлении предлагалось реконструировать железнодорожные станции Бобринская, Дебальцево, Знаменка, Лиман, Павлоград и др.²⁰

В 1929/30 г. грузооборот железных дорог Украины достиг 134 403 000 т, превысив уровень 1927/28 г. на 38%. Интенсивный рост грузооборота даже превысил оптимальный вариант пятилетки на 18%. Добиться этого удалось в основном путем лучшей организации работы, ускорения ремонта подвижного состава и улучшения его качества. Расширились специализация и маршрутизация поездов, охватившие от 60 до 100% грузовых потоков основных направлений, увеличивался средний вес поездов. Например, тяжелые поезда весом 1650–2000 т пропускались по линиям Дебальцево–Лиман–Курск, Долинская–Николаев, Ясиноватая–Мариуполь, Славянск–Полтава–Киев и т. д. Во второй половине 20-х годов было завершено строительство крупной железнодорожной магистрали, связавшей столицу Украины г. Харьков с одним из крупнейших портов на Черном море и центром судостроения г. Николаевом (505 км). Были сооружены линии Овруч–Чернигов (177 км), Нежин–Чернигов (83 км), Новобелицкая–Чернигов (97 км), Нежин–Прилуки (64 км), Луганск–Лутугино (21 км) и ряд подъездных путей (в том числе ветка от станции Мариуполь до речного порта Кальмиус). Завершалось строительство магистрали Ворожба–хутор Михайловский–Унеча протяженностью около 250 км²¹. Было открыто 74 дополнительных разъездов, уложено 192 км второй колеи.

Однако железнодорожный транспорт явно отставал от запросов быстрорастущей промышленности. Его техническое состояние оставляло желать лучшего. На главных путях еще лежало 30% непропитанных шпал и до 35% требовавших замены. На путях было уложено 30% рельс облегченного типа, а 21% их требовал замены. Это ставило пределы для веса поездов, использования новых мощных локомотивов и четырехосных вагонов повышенной грузоподъемности. Пропускная способность железных дорог, особенно в районе Донбасса, была максимально использована. Правительству Украины приходилось периодически направлять специальные комиссии для ликвидации так называемых пробок, ускорению погрузочно-разгрузочных работ.

* * *

В июле 1921 г. вместо Главного управления водных сообщений при Высшем Совете Народного Хозяйства (Главвод) в составе НКПС появилось Центральное управление речного транспорта (Цурек) и такое же управление морским флотом (Цумор). Взамен

округов внутренних водных путей сообщения (они были созданы в 1921 г. вместо облводов) были образованы управления внутренних водных путей и правления речных государственных пароходств. К началу навигации 1923 г. в стране было девять речных государственных пароходств: Волжское, Северо-Западное, Северное, Верхне-Днепровское, Нижне-Днепровское, Доно-Кубанское, Западно-Сибирское, Средне-Азиатское и Амурское. 20 июля 1923 г. все пароходства (за исключением Средне-Азиатского) постановлением СТО были сняты с государственного бюджета и переведены на полный коммерческий хозяйственный расчет. Правления пароходств, кроме выполнения транспортных операций, получили право производить комиссионно-торговые операции, страхование грузов, выдачу ссуд на перевозимые товары и тому подобные вспомогательные операции. В целях координации деятельности пароходств, в НКПС по постановлению СТО от 20 июля 1923 г. было образовано Бюро этих правлений, в декабре 1923 г. преобразованное в Центральное правление речных государственных пароходств (Центрорекка). Одновременно в НКПС было образовано Управление внутренних водных путей (позже – Центральное управление)²².

В 1924 г. в связи с переходом пароходств на хозрасчет в НКПС создаются Центральное управление внутренних водных путей и Центральное правление государственных речных пароходств. Управление водными путями отделяется от управления коммерческим флотом. В 1925 г. ликвидируется институт уполномоченных НКПС по водному транспорту. На местах Центральному управлению внутренних водных путей подчиняются 10 местных управлений внутренних водных путей, районы которых приурочены к одному или нескольким замкнутым речным и озерным бассейнам. Речное коммерческое судоходство обеспечивается 9-ю государственными речными пароходствами. На Украине было два госпароходства: Верхнеднепровское и Нижнеднепровское²³.

В целях развития речного и морского судоходства и судостроения СНК РСФСР декретом от 13 октября 1921 г. предоставил НКПС право сдавать в аренду суда, обслуживающие их средства и судостроительные пункты, «не могущие быть использованными в полной мере силами государства, в эксплуатацию государственным предприятиям и объединениям их, кооперативам, артелям и отдельным лицам», а также разрешил постройку новых судов. Одновременно был инициирован возврат неправильно национализированных мелких судов их прежним владельцам²⁴.

Гражданская война привела к резкому ухудшению качественного состояния флота. В капитальном ремонте нуждалось 57%

самоходных и 53% несамоходных судов. В сводке Транспортного подотдела ЦК РКП(б) в декабре 1921 г. отмечалось: «Техническое состояние речного флота близко к катастрофическому. К концу навигации 1921 г. паротеплоходов, требующих лишь текущего ремонта, имелось 952, или около 23% всего наличного паротеплового флота, а по непаровому флоту – 26%. Все остальные суда требуют большого и капитального ремонта, полного восстановления или разборки»²⁵. Количество речных пароходов в бассейнах Днепра и Южного Буга к началу 1921 г. уменьшилось вдвое²⁶. Было затоплено или разрушено большинство речных торговых судов, катеров и барж. В связи с сокращением землечерпательных работ значительно сократились транзитные глубины. Например, в 1926 г. на Днепре от Никополя до Херсона глубина судоходной части не превышала 1,25 м вместо 2,15 м в 1913 г.²⁷ За годы Гражданской войны глубины большинства рек резко упали и приблизились к естественным. На многих участках нельзя было эксплуатировать имевшиеся мощные пароходы с большой осадкой, баржи приходилось загружать не полностью²⁸.

С целью быстрого возрождения речного флота была разработана программа строительства кораблей. За пять лет речной флот планировалось поднять до довоенного уровня. Намечалось построить 27 дноочистителей, 64 непаровых судна, 60 коммерческих непаровых судов грузоподъемностью по 80 000 пудов. Как и на железнодорожном транспорте, новое строительство уступало ремонтным работам. В 1921 г. было запланировано поднять в Южном округе путей сообщения 10 паровых и 21 непаровое судно, 2 земснаряда. В результате героических усилий этот план речники выполнили. Они подняли и ввели в эксплуатацию 19 затонувших паровых и 78 непаровых судов и 1 земснаряд²⁹. Суда ремонтировали по программе, на реализации которой негативно сказывались отсутствие материалов, квалифицированных работников-судоремонтников, перебои с поставками продовольствия. Вследствие этого объем ремонтных работ первой группы в Южном округе путей сообщения был выполнен примерно на 50%. По этим же причинам медленно шли дноуглубительные работы. Из-за отсутствия запасных частей и квалифицированных специалистов в 1922 г. в Днепровском управлении из 21 земснаряда работали только 5³⁰.

Стремясь обеспечить наибольшую отдачу от отпускавшихся ограниченных финансовых и материальных средств, СНК декретом от 24 марта 1921 г. организовал в ВСНХ специальное Управление судостроения. С конца 1922 г. Госплан начал утверждать ежегодную программу строительства речных судов. С 1923 г. реч-

ное судостроение возобновил завод «Красное Сормово». В 1924 г. Южно-русский завод в Киеве, строивший со второй половины XIX в. небольшие колесные буксирные пароходы по проектам, разработанным заводским конструкторским бюро, был переименован в машиностроительный завод «Ленинская кузница». В 1928–1929 гг. на этом предприятии была построена судостроительная верфь. Первым судном, построенным на этой верфи, стал паровой буксир «Казахстан». В 1931 г. завод освоил выпуск цельносварных буксирных пароходов мощностью 150 л.с. В 1928 г. Киевские паровые мастерские построили двухпалубные пароходы «10 лет Октября» и «Дзержинский» с благоустроенными каютами, салонами, террасами³¹.

Восстановление флота шло медленнее восстановления железнодорожного транспорта. В 1925/26 г. ввоз груза речным транспортом достиг 50%, а вывоз около 35% от уровня 1913 г.³² При этом частновладельческие суда выполнили 47% объема грузовой работы государственного пароходства. Из-за старения кораблей паровой флот в Днепроовско-Бугском бассейне в 1925 г. уменьшился по сравнению с 1913 г. на 15%, а по мощности – на 10%; а непаровой – по количеству на 85% и по тоннажу на 84%. Средний возраст коммерческих судов госпароходства составил по пароходам в среднем от 25 до 32 лет (но были суда со сроком службы до 42 лет), а по непаровым судам от 15 до 25 лет. Последние в своей основной массе свой срок уже выслужили. Госпароходство восстановило в 1926 г. два двухпалубных пассажирских и купило однопалубный грузопассажирский пароход для плавания на Нижнем Днепре³³. По итогам 1926 г. пассажирские перевозки превысили уровень 1913 г.³⁴

В 1927/28 г. протяженность водных путей Днепровского бассейна достигла 14,7 тыс. км, из них 5 тыс. судоходных и сплавных 9,7 тыс. км. Из-за недостатка ассигнований дноуглубительные работы шли медленно и количество минимальных глубин продолжало увеличиваться. Это приводило к недогрузу речных судов и увеличению себестоимости перевозок. Соответственно сокращался грузооборот. Если в навигацию 1927 г. он равнялся 2443,0 тыс. т, то в навигацию 1928 г. – 2432,9 тыс. т.³⁵

Правительство Украины всемерно поощряло развитие смешанных водно-железнодорожных перевозок и увеличило объемы передачи грузов с железных дорог на воду. В результате грузооборот в Днепроовско-Бугском бассейне в навигацию 1930 г. значительно вырос и составил 3655 тыс. т, превысив показатели 1928 г. на 151,2%. Однако рост грузооборота опережал техническую готовность пароходства и речных портов. За первые годы пятилетки грузопас-

сажирский флот увеличился на 5 судов (на 9%), а буксирный флот увеличился на 23 единицы (рост 34%). Из-за недостатка ассигнований в течение 12 лет основные показатели речных перевозок в Днепроовско-Бугском бассейне не достигли уровня 1913 г.

* * *

За годы Гражданской войны и иностранной интервенции морскому торговому флоту был нанесен огромный ущерб. 60 кораблей было потоплено, 326 судов оказались за границей. Из 492 отечественных торговых судов в советских республиках осталось 148, большинство из которых нуждалось в капитальном ремонте³⁶. В начале 1921 г. общий тоннаж морских судов составил лишь 20,8 тыс. т против 471 тыс. т в 1915 г.³⁷ К концу Гражданской войны на Черном море осталось всего 5% тоннажа от торгового флота в 1916 г. В Одесском порту, после занятия города Красной Армией зимой 1920 г., в исправности оказался всего лишь один разъездной катер. Все остальные суда, способные к плаванию, были угнаны, в том числе – служебный портовый флот, не имеющий никакого транспортного значения. В порту стояли суда, признанные их владельцами, совершенно непригодные не только к эксплуатации, но и к восстановлению. Среди них были суда, которые белые не могли угнать и подорвали. В целом на Черном море потери флота достигли 83,5%. Торговый флот на Азовском и Черном море надо было создавать заново³⁸.

Практически не было ни одного морского торгового порта, который не нуждался бы в срочных восстановительных работах. В Одессе из 62 причалов, годных к эксплуатации, осталось 29. Мариупольский порт вследствие обмеления подходного канала стал доступен только для мелких каботажных судов. В Херсоне проход к порту был закрыт затопленными на подходном канале судами. В Николаеве из 900 погонных сажен причального фронта исправных осталось около 300. Набережные, построенные в XIX в., устарели, в том числе и по типам конструкций. На большинстве их нельзя было устанавливать перегрузочное оборудование. Устарели перегрузочные устройства. Например, в Мариупольском порту в 1923 г. было два вагоноопрокидывателя небольшой производительности постройки 1889 г.³⁹ Вдобавок к разрушениям военного периода южные порты совершенно лишились исправных технических и портовых судов (или уведены при отступлении белыми, или мобилизованы для нужд Красной армии и флота).

Изменение западной государственной границы повлекло не только потерю портов, но и изменение маршрута товарообмена с со-

седними странами. Новообразовавшиеся страны отделили Советский Союз от Германии и вынудили пользоваться преимущественно морскими путями. Захват Румынией Бессарабии лишил Одессу очень богатого района, который она обслуживала как порт⁴⁰. После Гражданской войны резко сократился большой каботаж. Это произошло, прежде всего, из-за недостатка судов. Суда Добровольного флота, поддерживавшего главным образом рейсы Одесса–Владивосток, были уведены интервентами за границу. Вместо прежних ежегодных 18 рейсов из Черного моря в Тихий океан во второй половине 20-х годов совершалось 4–6 рейсов. Причем, как и до войны, сказывалось отсутствие обратных грузов из Владивостока. Поэтому прибытие в Одессу большим каботажем грузов (67 764 т в 1913 г.) свелось к 204 т в 1925 г. и 36 т в 1926 г.⁴¹

Для управления морским флотом 28 июля 1921 г. в составе НКПС было образовано Центральное управление морского флота (ЦУМОР), а с переводом флота на хозяйственный расчет постановлением Совета труда и обороны (СТО) было утверждено «Положение о Государственном торговом флоте». Им предусматривалось образование четырех пароходств, действующих на началах коммерческого расчета: Северного, Балтийского, Каспийского и Черноморско-Азовского, объединяемых Госторгфлотом в Москве. Госторгфлот не был единственным советским судоходным предприятием. 11 января 1922 г. декретом СНК была возобновлена деятельность общества «Добровольный флот». В 1923 г. Каспийское пароходство было преобразовано в акционерное общество, акции которого распределились между НКПС и ВСНХ. В 1924 г. три остальных пароходства вошли в состав АО «Совторгфлот», куда влился и Доброфлот, состоявший в ведении Наркомвнешторга. Акции Совторгфлота были распределены между НКПС и НКТОРГом. Во время приемки судов Госторгфлотом в 1922/23 г. 44% судов имели возраст от 20 до 30 лет и 39% – свыше 30 лет. Для наглядности напомним, что в Германии срок полной амортизации судна – 20 лет⁴².

В ведении государственного Черноморско-Азовского пароходства «Госсчап» было 41 судно общей вместимостью 29,3 тыс. т. В дальнейшем флот пополнялся судами, купленными за границей и построенными на отечественных верфях. Иногда удавалось вернуть суда, угнанные белогвардейцами. Так, в конце 1923 г. в Николаевский порт прибыло судно «Панайотис». Кто-то из грузчиков заметил закрашенное слово «Вера». Судно было задержано и позднее решением выездной сессии Верховного суда СССР передано управлению Николаевского порта. Одновременно с помощью

Доброфлота удалось вернуть из-за границы 17 судов⁴³. Главной проблемой пароходства была чрезвычайная изношенность судов, требовавших частого и неотложного ремонта. Средний возраст судов достиг 30 лет, но были и рекордные показатели. Так, возраст судна «Феликс Дзержинский» составил 45 лет, «Рылеев» 62 (!) года. Множество барж плавали со стажем в 50–60 лет⁴⁴.

К началу первой пятилетки были проведены большие работы по совершенствованию портового хозяйства. Уже в 1923 г. в Одесском порту у нефтяного мола ввели в строй 4 причала с глубиной 22 фута и подходный канал к ним глубиной 23 фута. В Одессе были построены новый холодильник и причал у него, 2 железобетонных элеватора емкостью 800 000 пудов, зерноперегрузатель, восстановлены конвейеры для перегрузки зерна из вагонов в суда производительностью по 50–65 т в час каждый. На Карантинном моле была восстановлена работа стационарного английского перегружателя с производительностью до 200 т в час. Была построена кукурузосушилка, открывшая новые перспективы для экспорта кукурузы, поступавшей в порт в некондиционном виде с большим процентом влаги⁴⁵. В Одесском порту в середине 20-х годов причальная линия составляла 2891 погонный метр. В Херсоне был достроен 2-й причал городской набережной, начатый в довоенное время, и общая длина причальной линии составила 644 погонных метра. На Херсонском канале в этот же период на протяжении 70 км довели глубины до 22–23 вместо 11–18 футов (результат обмеления). В 1924 г. приказом наркома путей сообщения Николаевский порт был переведен из второго класса в первый. Портовики сами отремонтировали стационарный элеватор. Группа портовых инженеров, техников и рабочих под руководством инженера И.А. Эпштейна разработала проект и построила четыре перегружателя зерна, что повысило механизацию порта. В Николаеве для зерноперегрузок установлено 7 перегружателей общей производительностью в 395 тонн в час. Кроме того, восстановлены рудоперегрузатели общей мощностью 450 тонн в час. К 1926 г. Николаевский порт по своей технической оснащенности и пропускной способности уже мог перегружать свыше 2 миллионов тонн грузов в год. Его причальная линия достигла 3364 погонных метра. Одновременно на набережных Николаевского порта можно было грузить 19 пароходов. К 1927 г. был полностью очищен от заносов подходный канал и его глубина была доведена до 28 футов. Отныне порт смог принимать суда повышенной грузоподъемности. По решению СНК СССР в 1926–1930 гг. в Николаевском порту был построен новый стационарный элеватор вместимостью 41 тыс. тонн – самый крупный в

Европе. За 8-часовой рабочий день элеватор мог выгрузить и погрузить 500 вагонов с зерном. Пароход грузоподъемностью 8 тыс. т он загружал за 6 часов. Вся механическая часть была изготовлена на отечественных заводах. С введением в строй этого элеватора Николаевский порт стал одним из ведущих портов по экспорту хлебных грузов⁴⁶.

Мариупольский порт доступен глубокосидящему морскому судну исключительно благодаря морскому каналу протяженностью 10 км. Канал отличался сильной заносимостью и требовал ежегодных огромных землечерпательных работ. Поэтому в 1926 г. вместо него был прорыт другой канал, лежащий в более устойчивых грунтах и имеющий ось, параллельную направлению морских течений⁴⁷. В Мариуполе было построено 2 железобетонных элеватора емкостью 300 000 пудов, установлено оборудование амбаров для зерна производительностью 200 тонн/час и углеперегрузатели производительностью 200 тонн/час. Его причальная линия в 1926 г. составила 2238 погонных метров.

Бердянский порт обладает важным преимуществом перед всеми другими морскими портами Азовского моря – он расположен в обширной глубоководной бухте. Навигация возможна круглый год в связи с малой замерзаемостью порта. В 1924–1925 гг. в бухте были проведены дноуглубительные работы. Порт в 1923 г. располагал причальной линией на Узком и Широком молах. Длина первого по внутренней стороне 195 м, а по наружной 267 м. Второй мол соответственно имел 267 и 392 м. Порт имел железнодорожные пути протяженностью около двух км. По молам и набережной проходили мощные булыжные дороги и площади. Подъем судов для ремонта производился в примитивном деревянном эллинге. В порту имелись небольшие мастерские, два деревянных склада-пакгауза вместимостью 120 тыс. пудов зерна в мешках и два зернохранилища, принадлежавших Екатерининской железной дороге. Для транзитных грузов в порту был склад емкостью 15 тыс. пудов. В 20-е годы здесь также построили железобетонный элеватор емкостью 250 000 пудов⁴⁸.

Грузооборот украинских портов Азово-Черноморского бассейна в 1929/30 г. достиг 2 395 000 т при трехсменной работе. Но недостаточная механизация не позволяла полностью использовать пропускную способность портов⁴⁹.

В 1929 г. в Черноморской конторе «Совторгфлота» было 24 грузопассажирских судна, 20 грузовых, 3 наливных и 1 рефрижераторное общей грузоподъемностью около 100 тыс. т. В 1926 г. по сравнению с 1913 г. экспорт морских перевозок в СССР достиг

54%, импорт 20%, малый каботаж 50%, большой каботаж 20%. Примерно такое соотношение было в Черноморско-Азовском бассейне. В этом бассейне малый каботаж обслуживал значительную часть междупортовых перевозок, так как железные дороги подходили к берегу этих морей в общем в северо-южном направлении и не было железнодорожных линий, которые, идя вдоль берега, устанавливали бы связь между различными пунктами побережья. В частности, заметное место занимали перевозки угля из Донецкого бассейна через Мариуполь, как ближайший к этому бассейну порт. Морем же поддерживалось пассажирское движение по всему побережью от Одессы до Батуми⁵⁰.

* * *

Управление гражданским воздушным флотом первоначально осуществлялось специальной Инспекцией при Главном управлении воздушного флота Реввоенсовета РСФСР. Разруха на железнодорожном транспорте вызвала острую необходимость в использовании весьма скромного самолетного парка для установления воздушной связи между Москвой и важнейшими экономическими центрами. 13 января 1921 г. состоялся опытный полет самолета с военной почтой по маршруту Харьков–Киев–Екатеринослав–Севастополь. 29 января эта линия была продлена до Москвы. С 31 декабря 1920 г. по 7 февраля 1921 г. было совершено 15 рейсов между Харьковом, Николаевом, Херсоном, Симферополем и ст. Джанкой⁵¹. В соответствии с постановлением СТО от 1 мая 1921 г. осуществлялись полеты между Харьковом и Москвой на самолетах «Илья Муромец». За пять месяцев было выполнено 76 рейсов, перевезено 60 пассажиров и более 6 тонн грузов. В октябре линия была закрыта вследствие изношенности самолетов⁵².

9 февраля 1923 г. СТО принял решение «О возложении технического надзора за воздушными линиями на Главное управление воздушного флота и об организации Совета по гражданской авиации». На Совет по гражданской авиации было возложено руководство всей гражданской авиацией в стране. Поэтому этот день стал официальной датой образования гражданской авиации как самостоятельной отрасли народного хозяйства. 17 марта 1923 г. было создано первое авиагидропредприятие РСФСР – «Добролет», которое сыграло большую роль в подготовке первых пилотов и техников для гражданской авиации. Огромную мобилизующую роль в становлении отечественной авиации сыграла общественная организация «Российское общество друзей воздушного флота», которую возглавил председатель ВСНХ СССР А.И. Рыков⁵³.

12 марта 1923 г. в Харькове по инициативе правительства Советской Украины и командования Украинского военного округа было основано добровольное Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма – ОАВУК. Во главе Совета Общества стал председатель ВУЦИК Г.И. Петровский, его замом – командующий войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе. Общество развернуло работу по сбору пожертвований на строительство 100 самолетов. 26 марта 1923 г. было решено учредить Украинское акционерное общество воздушных сообщений с капиталом в 550 тыс. золотых рублей. Учредителями общества «Укрвоздухпуть» стали ОАВУК, Главное управление воздушного флота Красной Армии, Украинский СНХ и ряд других организаций. Устав общества был утвержден СНК УССР 1 июня 1923 г. Затем этот устав был 7 октября 1924 г. утвержден СНК СССР. Директором-распорядителем Общества стал зам. председателя Украинского СНХ В.Н. Ксандров. Правление Общества приступило к организации наземного хозяйства, оборудованию аэродромов и посадочных площадок. 28 октября 1923 г. СТО принял постановление о порядке отвода земельных участков не менее 25 десятин (27 га) для устройства аэродромов и посадочных площадок в непосредственной близости от городов и других населенных пунктов, входящих в сеть воздушных линий. Уже в марте 1923 г. коллектив одного из заводов Елисаветграда решил отдать однодневный заработок в фонд создания воздушного флота. Примеру последовали железнодорожники Одессы, металлисты Харькова, потребительская кооперация Донбасса и другие коллективы трудящихся. Все первые самолеты были закуплены за границей, в основном в Германии, и получили наименования предприятий, на средства которых они были куплены. Первыми были организованы рейсы из украинской столицы Харькова в Киев, Полтаву, Одессу и Елисаветград. Полеты выполнялись два раза в неделю в течение летнего сезона с мая до 1 октября⁵⁴.

В организации наземного хозяйства активно помогали местные партийные и общественные организации. Во многих населенных пунктах строились посадочные площадки (Кременчуг, Знаменка, Вознесенск, Лубны, Яготин и др.). На некоторых из них были оборудованы бензосклады и склады смазочных материалов. Все это потребовало значительных усилий многих энтузиастов. СНК СССР оказывало серьезную помощь обществу «Укрвоздухпуть» на первых порах его существования. Например, Наркомат финансов СССР освободил общество от государственного промышленного налога на операции по транспортировке грузов и пассажиров на своих летательных аппаратах⁵⁵.

В 1923 г. была открыта первая воздушная линия Киев–Харьков⁵⁶. В рекламных целях в 1924 г. самолеты «Укрвоздухпути» летали в Бахмут, Луганск, Мариуполь, Старобельск. В своих рекламных объявлениях «Укрвоздухпуть» извещал, что каждый пассажир мог взять с собой 5 кг багажа бесплатно. Пассажиры прибывали на аэродром на автомобилях общества. Авиабилеты доставлялись на дом. За 1927–1928 гг. с воздухостанций «Укрвоздухпути» было отправлено 5366 пассажиров⁵⁷.

Первая международная трасса на Украине была открыта в феврале 1928 г. между Харьковом и Тегераном. В 1936 г. через территорию Украины начались полеты по маршруту Москва–Прага с посадкой в Киеве и по маршруту Москва–София с посадкой в Херсоне. В 1926 г. «Укрвоздухпуть» составила проект открытия воздушной линии в Турцию, но для его осуществления время еще не наступило, поскольку не было надежных гидросамолетов⁵⁸.

В 1925 г. талантливый инженер К. А. Калинин построил на киевском заводе «Ремвоздухпуть» первый четырехместный самолет К-1 с двигателем мощностью 170 л.с. В 1929 г. в Харькове поднялся в воздух самолет К-5, который перевозил восемь пассажиров со скоростью до 160 км/ч на расстояние 800 км. Этот самолет стал самым популярным в нашей гражданской авиации в 30-е годы. Самолеты К.А. Калинина отличались простотой конструкции, были выполнены из недефицитных материалов – дерева, фанеры, труб и полотна. Они были экономичнее других гражданских самолетов того времени, как наших, так и иностранных⁵⁹. В мае 1929 г. под руководством А.Н. Туполева и А.А. Архангельского была завершена постройка транспортного гражданского самолета АНТ-9 «Крылья Советов» на 9 пассажирских мест. В ходе испытаний летчик М.М. Громов перелетел на этом самолете из Москвы в Одессу и Севастополь⁶⁰.

В 1930 г. было осуществлено слияние авиационных обществ «Добролет» и «Укрвоздухопуть» и образовано Всесоюзное объединение Гражданского Воздушного Флота при Совете Труда и Обороны. В 1932 г. оно было преобразовано в Главное управление гражданского воздушного флота – «Аэрофлот» при СНК СССР⁶¹.

* * *

13 июля 1921 г. было образовано Управление местного транспорта (Укрумт), ведающего автотранспортом и гужевыми перевозками, погрузкой и разгрузкой вагонов⁶². На территории Украины в середине 20-х годов было 1877 км дорог государственного значения, в том числе 1287 с каменным покрытием и 590 км грунтовых. Одной из основных проблем стало истощение запасов ка-

менных материалов и 35% шоссе ремонтировалось старыми запасами. Изношенность шоссейных дорог на 1 января 1926 г. достигала 75%. Длина гужевых дорог государственного значения на 1 октября 1926 г. составила около 7 тыс. км. Ведомственная пресса так характеризовала состояние грунтовых дорог в 1926 г.:

Полотно грунтовых дорог находится в типичном для Украины состоянии, т. е. в большинстве случаев оно неровное, с ямами и колеями, трудно, а иногда и абсолютно непроезжее весной и осенью и после дождей в черноземных и глинистых грунтах⁶³.

Изношенность грунтовых дорог к 1 января 1926 г. составляла от 65 до 90%⁶⁴. Износ 113 деревянных мостов (14% от их общего числа) составил от 76 до 100%, износ 347 мостов (32%) составил от 16 до 50%. По всем нормативам износ от 16 до 50% означал неизбежность капитального ремонта. Остальные мосты были опасны для движения и экономичнее было бы их просто перестроить. Аналогичным было состояние многочисленных служебных гражданских сооружений вдоль шоссе (станционные здания, казармы, сторожевые будки и склады). В силу продолжительности их службы (до 50 лет со времени постройки) износ (даже каменных строений) также превысил 50%. Все они требовали капитального ремонта, который в силу недостаточности ассигнований практически не проводился⁶⁵. Убыток от плохого состояния дорог в республике по приблизительным подсчетам составлял 25,6 млн руб. в год. Укрумт предполагал в течение ближайших 10 лет построить 3726 км шоссейных дорог, в том числе такие магистрали, как Харьков–Киев, Киев–Одесса, Харьков–Николаев, Харьков–Таганрог, Екатеринослав–Геническ, Екатеринослав–Луганск, Одесса–Херсон–Перекоп и др.⁶⁶ Предполагалось привлечь местное население к дорожным ремонтным и строительным работам на всех дорогах, прилегающих к селениям в районе до 15 км.

В республике постепенно увеличивалось количество автомашин. В 1925/26 г. в автохозяйствах государственных учреждений было 2110 автомашин, в кооперации 111 и частные лица владели 925 автомобилями. С конца 1925 г. в крупных городах было 52 автобуса и было начато их регулярное движение. Протяженность междугородних грузовых перевозок в среднем достигла 262 км⁶⁷.

В 1926/27–1927/28 гг. было капитально отремонтировано и построено 117 км новых шоссейных дорог, улучшено состояние 79 км государственных грунтовых дорог, осуществлен ремонт и построено 422 км новых местных дорог. Помимо этого, участием местного

населения за два года было отремонтировано мостов общей протяженностью 18,9 тыс. м и замощено 11 км дорог местного значения. С 1 января 1928 г. заведование государственными дорогами УССР (примерно 24 тыс. км) перешло к Главному Управлению шоссейных и грунтовых дорог и автотранспорта при СНК УССР⁶⁸. Остальными дорогами ведали райисполкомы и горсоветы.

По состоянию на 1 октября 1930 г. в УССР было 7500 дорог с твердым покрытием и улучшенных грунтовых дорог, что составляло 3,6% общей длины безрельсовых путей. На автодорогах за первые годы пятилетки были построены железобетонные мосты в г. Сумы через реку Пселл, в г. Луганске через реку Луганку, в г. Сталино через Янысоль, в Беликах через Ворсклу и др. На разных дорогах Украины были построены деревянные мосты общей протяженностью в 6 тыс. погонных метров. Завершены работы по сооружению шоссе Днепропетровск–Запорожье (43 км), Луганск–Алчевск (40 км), Артемовск–Константиновка (23 км), Артемовск–Никитовка (29 км), Артемовск–Славянск (10 км), Горловка–Рыково (Енакиево) (10 км). В 1929/30 г. особое внимание было уделено подъездным путям к сахарным заводам. Всего было благоустроено 500 км этих путей. Только за один 1929/30 г. капиталовложения в дорожное хозяйство превысили весь объем выделенных на эти цели правительством Украины за предыдущие шесть лет.

В 1929/30 г. автомобили перевезли 3,3 млн т грузов, но этот объем не удовлетворял требованиям народного хозяйства. Для ускорения строительства автодорог было начато создание нескольких предприятий по выпуску дорожной техники и материалов для дорожного строительства. Для подготовки кадров в сентябре 1930 г. в Киеве открылся автодорожный институт в составе двух факультетов: автомобильного и дорожно-строительного⁶⁹.

Во второй половине 20-х годов транспорт в УССР в целом достиг предвоенного уровня по объему перевозок грузов и пассажиров. Однако транспортная система работала с максимальным напряжением. Начавшаяся индустриализация страны требовала глубокой технической реконструкции всей транспортной инфраструктуры.

Примечания

¹ *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009. С. 204, 252.

² *Клеменчик В.О.* Итоги работы железных дорог за три года (1917–1920 гг.). М., 1920. С. 7.

- ³ Сборник отчетов Всеукраинского Центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров, Наркоматов, Уполнаркоматов и Центральных Учреждений У.С.С.Р. 6-му Всеукраинскому съезду Советов Р., К и К. депутатов. Харьков, 1921. С. 9.
- ⁴ Отчет по эксплуатации Южных железных дорог за 1921 год. Харьков, 1922. С. 12–13.
- ⁵ Отчет по эксплуатации Юго-Западных железных дорог за 1921 год [Киев, 1922]. С. 161.
- ⁶ История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб., 1997. С. 14–15; Нариси розвитку народного господарства Української РСР. Київ, 1949. С. 230.
- ⁷ Історія народного господарства Української РСР. Т. 2: Створення соціалістичної економіки (1917–1937 рр.). Київ, 1984. С. 183; История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976. С. 344.
- ⁸ *Рошин А.Г.* Численность и состав работников железнодорожного транспорта к концу 1920 г. М., 1921. С. 5.
- ⁹ Сборник отчетов... С. 3.
- ¹⁰ Отчет по эксплуатации Донецких железных дорог за 1922/1923 гг. Харьков, 1924. С. 17–18.
- ¹¹ Транспорт Украины. 1926. № 6. С. 15.
- ¹² Історія народного господарства... Т. 2. С. 187.
- ¹³ Там же. С. 188.
- ¹⁴ Транспорт Украины. 1930. № 6. С. 6.
- ¹⁵ Технический прогресс в машиностроении Украинской ССР: 1917–1967. Киев, 1967. С. 119.
- ¹⁶ Історія народного господарства... Т. 2. С. 187.
- ¹⁷ Нариси розвитку народного господарства Української РСР. Київ, 1949. С. 232.
- ¹⁸ Транспорт Украины. 1926. № 10–11. С. 39; № 12–13. С. 28.
- ¹⁹ Історія народного господарства... Т. 2. С. 190; Доклад ЧП Донецкой жел. дор. К.И. Лапшинского экономическому совещанию при Правлении Донецкой жел. дор., созванному на 25 января 1924 г. Харьков, 1924. С. 9–10.
- ²⁰ Два года работы Правительства 1926/27–1927/28: Материалы к отчету Правительства УССР одиннадцатому съезду Советов. Харьков, 1929. С. 113.
- ²¹ Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. / Сост. Г.М. Афонина. 2-е изд. М., 2001. С. 103–108; Два года пятилетки УССР: Материалы к отчету Правительства за 1929 и 1930 гг. XII Всеукраинскому съезду Советов. Харьков, 1931. С. 190–194.
- ²² Речной транспорт за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 70–71.
- ²³ Советский транспорт 1917–1927. М., 1927. С. 171–172, 187.
- ²⁴ Речной транспорт... С. 69.
- ²⁵ Там же. С. 77.

- 26 Радянська Україна 1917–1987: Соціально-економічний довідник. Київ, 1987. С. 94.
- 27 *Бернштейн-Коган С.В.* Очерки географии транспорта. М.; Л., 1930. С. 252.
- 28 Речной транспорт... С. 77.
- 29 Історія народного господарства... Т. 2. С. 190–191.
- 30 Там же. С. 191.
- 31 Речной транспорт... С. 74; Технический прогресс... С. 125–126.
- 32 Нариси розвитку народного господарства Української РСР. Київ, 1949. С. 233.
- 33 Транспорт Украины. 1926. № 22. С. 3–5.
- 34 Деятельность рабоче-крестьянского правительства Украины: Отчет десятому Всеукраинскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Харьков, 1927. С. 93.
- 35 Два года работы Правительства... С. 114–115.
- 36 Транспорт России: Исторические очерки: Этапы экономических преобразований в транспортной системе (1918–1955). М., 2009. С. 115.
- 37 Радянська Україна 1917–1987... С. 94.
- 38 Советский транспорт 1917–1927. М., 1927. С. 198; Нариси розвитку... С. 233.
- 39 *Шатировский Д.Б., Обермейстер А.М.* Развитие морских портов СССР (К 40-летию Великого Октября). М., 1957. С. 13.
- 40 Советский транспорт... С. 197.
- 41 *Бернштейн-Коган С.В.* Указ. соч. С. 233.
- 42 Советский транспорт... С. 196, 198–199.
- 43 Порт, овеванный славой. Одесса, 1988. С. 75–76.
- 44 Транспорт Украины. 1926. № 7. С. 23.
- 45 Транспорт Украины. 1926. № 3. С. 24.
- 46 Советский транспорт... С. 200–201; *Шатировский Д.Б., Обермейстер А.М.* Указ. соч. С. 14; Порт, овеванный славой. С. 73, 81–82.
- 47 *Бернштейн-Коган С.В.* Указ. соч. С. 215.
- 48 *Шаульский Н.С.* Морские ворота Бердянска / Н.С. Шаульский, А.Л. Третьяков, Л.Ф. Алексеев. Днепропетровск, 1980. С. 24–25; Советский транспорт 1917–1927. М., 1927. С. 200–201.
- 49 Два года пятилетки УССР: Материалы к отчету Правительства за 1929 и 1930 гг. XII Всеукраинскому съезду Советов. Харьков, 1931. С. 198–199.
- 50 Под флагом Родины: Очерки истории Черноморского пароходства. Одесса, 1967. С. 190; *Бернштейн-Коган С.В.* Указ. соч. С. 225.
- 51 *Горяшко А.М.* Гражданская авиация Украины. Киев, 1982. С. 17.
- 52 Транспорт России... С. 208; *Горяшко А.М.* Указ. соч. С. 18.
- 53 Транспорт России... С. 211, 213.
- 54 *Горяшко А.М.* Указ. соч. С. 20–23; *Ляховецкий М.Б., Пузынин Р.Г.* Крылья Республики. Киев, 1973. С. 14.
- 55 *Ляховецкий М.Б., Пузынин Р.Г.* Указ. соч. С. 15, 17.
- 56 Радянська Україна... С. 94.

- ⁵⁷ Ляховецкий М.Б., Пузынин Р.Г. Указ. соч. С. 21–22.
- ⁵⁸ Горяшко А.М. Указ. соч. С. 25; Ляховецкий М.Б., Пузынин Р.Г. Указ. соч. С. 25.
- ⁵⁹ Ляховецкий М.Б., Пузынин Р.Г. Указ. соч. С. 30; Горяшко А.М. Указ. соч. С. 26–27.
- ⁶⁰ Ляховецкий М.Б., Пузынин Р.Г. Указ. соч. С. 27.
- ⁶¹ История социалистической экономики СССР... Т. 3: Создание фундамента социалистической экономики в СССР 1926–1932 гг. М., 1977. С. 440–441.
- ⁶² Сборник отчетов Всеукраинского Центрального исполнительного комитета... С. 3–4.
- ⁶³ Транспорт Украины. 1926. № 4. С. 19.
- ⁶⁴ Деятельность рабоче-крестьянского правительства Украины... С. 94.
- ⁶⁵ Транспорт Украины. 1926. № 4. С. 20.
- ⁶⁶ Там же. № 9. С. 13–15.
- ⁶⁷ Деятельность рабоче-крестьянского правительства Украины... С. 94–95.
- ⁶⁸ Два года работы Правительства... С. 118.
- ⁶⁹ Два года пятилетки УССР... С. 200–201.

Организация охраны природы в Советской России (1919–1924 гг.)

В статье изучается период становления заповедного дела в РСФСР и роль государственных учреждений в его становлении. Особое внимание автор уделяет организации отдела охраны природы Наркомата просвещения РСФСР и его совещательных органов. Также в статье рассмотрен конфликт между Наркоматом просвещения РСФСР и Наркоматом земледелия РСФСР за главенство над заповедниками, который закончился победой Наркомпроса.

Ключевые слова: охрана природы, заповедник, Наркомат просвещения РСФСР, отдел охраны природы, Наркомат земледелия РСФСР.

XX век в истории человечества стал временем, когда на важнейшее место выдвинулся вопрос об охране природных богатств, сохранении окружающей среды. В России эти проблемы стали рассматриваться уже на рубеже XIX–XX вв., а после революции охрана природы постепенно превращается в одну из функций государства. Это процесс включал в себя несколько этапов. Начальный период формирования государственной системы охраны природы в 1919–1924 гг. был связан с конкретной задачей: созданием сети заповедников и организацией их охраны. Данная тема в исследовательской литературе рассматривалась в работах В.Е. Борейко¹, М.В. Поддубного², А.И. Рыжикова³, Ю.Н. Куражковского⁴, но при этом в указанных работах недостаточно места уделялось рассмотрению взаимодействия государства и общества, а также роли государственных учреждений при организации заповедников. Именно этим недостаточно изученным вопросам посвящена данная статья.

Организация дела охраны природы в РСФСР была начата в 1919 г. Наркоматом просвещения РСФСР (далее – Наркомпрос), когда созданный при Главном управлении научными, художественными и музейными учреждениями (далее – Главнаука) подотдел охраны природы объединил в себе ведущих представителей научных и общественных учреждений, таких как Центральное бюро краеведения, Московский зоосад, Российское географическое общество, – для создания Астраханского заповедника. За несколько лет этими специалистами был выработан план работы по защите природы. Например, Комитетом по охране природы Наркомпроса был подготовлен проект сети заповедников на основании разработок Академии наук еще до Первой мировой войны. Список заповедников был одобрен Конференцией по использованию естественных производительных сил России в 1923 г.⁵ Проект был принят Госпланом СССР и лег в основу работы не только Наркомпроса, но и других ведомств⁶.

Таким образом, в 1918–1921 гг. вопросы охраны природы решались в контексте проблем создания заповедников.

В природоохранную деятельность стало включаться все большее и большее число энтузиастов, идея охраны природы оказалась в поле зрения многих новых научных объединений.

Деятельность Главнауки Наркомпроса в рамках охраны природы носила организационный характер. Это было вызвано ограниченными средствами и малым распространением идей охраны природы среди населения и вылилось в проведение необходимых нормативно-правовых норм и организацию немногих заповедников, учреждение которых имело наиболее срочный характер⁷.

Однако работа по охране природы велась слабо и к 1922 г. почти совершенно замерла как в центре, так и на местах. Главной причиной был недостаток средств. Нехватка средств и сокращение штатов Наркомпроса привели к тому, что в мае 1923 г. подотдел охраны природы, который в тот момент находился при музейном отделе, был закрыт. Но вскоре, уже осенью 1923 г., был восстановлен. А для пользы дела реорганизован в самостоятельный отдел Главнауки для повышения его ведомственного статуса⁸. В этой реорганизации были заинтересованы члены отдела, такие как проф. Г.А. Кожевников, Н.М. Кулагин, В.И. Талиев – ведущие ученые в деле охраны природы. В результате к концу 1923 г. в составе Наркомпроса действовали отдел охраны природы и Комитет по охране памятников природы.

5 июля 1923 г. он был переименован во Всероссийский комитет по охране памятников природы и утвержден коллегией Нарком-

проса. Заведующий Главнаукой Ф.Н. Петров сначала предполагал преобразовать его в соответствующую подсекцию ГУСа, «теперь же высказался за совершенное преобразование его в орган научно-консультативный». Ведению Всероссийского комитета по охране памятников природы подлежала разработка и рассмотрение проектов, а также разрешение всех вопросов, касающихся учреждения в РСФСР парков, зоопарков, заповедников, заказников и проч. Он руководил перечисленными учреждениями и давал по ним заключения, а также предварительно рассматривал и давал заключения по законопроектам, касающимся охраны зверей и птиц, ловли рыбы и вообще промысловых животных и эксплуатации лесных и земельных угодий и недр земли в части, относящейся к охране природы. Всероссийский комитет по охране памятников природы устанавливал связи с учреждениями, ведающими охраной природы за границей. За комитетом оставалось право пропаганды идей охраны природы⁹.

Помимо Комитета по охране памятников природы и отдела охраны природы существовал Ученый комитет по охране природы. Он был организован в целях содействия государственным органам, которые в своей деятельности касались дела охраны природы на территории СССР. Ученый комитет был призван давать научную консультацию и оценки при отделе охраны природы Главнауки НКПроса. В его состав входили ученые специалисты по вопросам охраны природы, причем московские участвовали непосредственно, а провинциальные – в качестве членов-корреспондентов. Кроме ученых в состав Ученого комитета входили представители тех ведомств, предметы деятельности которых и интересы связаны с интересами дела охраны природы¹⁰.

Ученый комитет консультировал все ведомства и высшие органы государственного управления по вопросам, близким к его основной задаче. В комитете обсуждались различные поправки и дополнения к законодательным актам, направленные к сохранению или рациональной эксплуатации природных богатств. Учитывая значение вовлечения в дело охраны природы широких народных масс, Комитет выработал обширную программу пропаганды идей охраны природы, как научной, так и практической¹¹. Ученый комитет занимался проектированием экспедиционных обследований, касающихся интересов охраны природы. Также давал научные заключения по вопросам текущей природоохранительной работы. Более того, в случае возникновения по инициативе Комитета или отдела охраны природы каких-либо частных обществ, преследующих об-

щие с отделом охраны природы и Комитетом задачи, Комитет в отношении их научной деятельности являлся идейно руководящим и поддерживающим с ними связь через отдел охраны природы¹².

Для координации деятельности отдельных наркоматов и ведомств по использованию природных условий и ресурсов и был создан междуведомственный Государственный комитет по охране природы. Действовали также местные междуведомственные комиссии при губернских исполкомах Советов. Междуведомственный Государственный комитет по охране природы руководил всеми природоохранными мероприятиями, рекомендуя способы предотвращения перепромысла (т. е. чрезмерных вырубок леса, добычи рыбы, пушнины и т. д.), выявлял объекты, заслуживающие охраны.

В связи с ограниченными средствами и малым распространением идей охраны природы деятельность Главнауки носила организационный характер и сводилась к проведению необходимых нормативно-правовых норм и организации немногих заповедников, учреждение которых имело наиболее срочный характер¹³. Положение учреждений, подведомственных Отделу охраны природы в 1923/1924 гг., было крайне тяжелое. Они не имели собственных средств и жили за счет заимствованных ассигнований на сметы других учреждений Главнауки¹⁴.

Новизна дела охраны природы неоднократно вызывала критику со стороны государственных структур, но детальное ознакомление с работой Главнауки специальных комиссий (ВЦИКа, Совнаркома, административно-хозяйственной комиссии Я.Н. Дробниса, управляющего делами СНК РСФСР В.А. Смольянинова, Управляющего Кремлем и домами ВЦИК, создателя строительной и курортной индустрии Крыма А.П. Платонова, члена Президиума ВЦИК РСФСР Я.В. Полуяна) устанавливало и подтверждало правительственность линий работы Главнауки¹⁵.

В целях углубления и повышения качества своей работы Отдел охраны природы принимал меры к широкому привлечению к работе в заповедниках научно-исследовательских учреждений, командировал сотрудников этих учреждений в заповедники, организовывал шефства научно-исследовательских учреждений и обществ над отдельными заповедниками¹⁶.

Для предварительного согласования вопросов об организации заповедников на местах, для согласования интересов различных ведомств и учреждений на местах по вопросу хозяйственно-административной и научной жизни функционирующих заповедников Наркомат просвещения РСФСР созывал междуведомственные

комиссии по охране природы, в которых принимали участие представители заинтересованных учреждений и ведомств.

Документы фонда Ф-2307 «Главное управление научных и музейных учреждений Наркомпроса РСФСР, Сектор науки РСФСР» показывают, что, несмотря на скудность бюджета, Наркомпрос являлся важной контролирующей и финансирующей инстанцией. Положение учреждений, подведомственных отделу охраны природы, в 1923–1924 гг. было крайне тяжелое, т.к. не имея собственно утвержденной сметы, они жили за счет заимствованных ассигнований на сметы других учреждений Главнауки¹⁷.

Следует отметить, что еще до Октябрьской революции начинается формирование разных подходов к делу охраны природы: 1) охрана уникальных объектов, 2) эксплуатация природных богатств.

В 1921–1924 гг. можно говорить о том, что эти два подхода сосредоточились в разных ведомствах: Наркомпросе и Наркомате земледелия РСФСР (даже – Наркомзем).

Конфликт достиг своего апогея в 1924 г., когда на заседании Малого Совета Народных Комиссаров (далее – Малый СНК) 8 июля 1924 г. представитель Наркомзема поднял вопрос о передаче заповедников в их ведение.

Так как передача заповедников в Наркомзем в точки зрения сотрудников Наркомпроса должна была означать их полное уничтожение, о чем говорилось в отчете Отдела охраны природы за 1923/1924 г., Главнаука должна была принять ряд действий для предотвращения гибели заповедников. В связи с этим Наркомпросом был внесен официальный протест. Отдел охраны природы вполне обоснованно доказывал свое право на заповедники, ссылаясь на то, что Наркомпрос создал дело охраны природы и поставил его должным образом. Еще одним основным аргументом являлся тезис, что все заповедники имели исключительно научное значение. Члены Комитета по охране природы часто приводили в пример поглощение научного дела заповедника общим (потребительским) направлением Наркомзема во всемирно известном украинском заповеднике Аскания-Нова, который в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров УССР ставил себе в первую очередь научную сторону заповедника, был полностью поглощен совхозом при этом заповеднике. Сельское хозяйство почти целиком поглотило весь заповедник, вытеснив из него научные вопросы первостепенного для заповедников значения¹⁸.

В соответствии с постановлением Малого СНК от 27.08.1924 г. была создана комиссия по вопросу о правильной постановке охра-

ны памятников природы и, в частности, заповедников и о наилучшем проведении в них непрерывных научных исследований.

Наркомпрос немедленно отреагировал на факт создания этой комиссии. В тот же день прошло заседание Ученого комитета по охране природы. Цель совещания сводилась к тому, чтобы обеспечить поддержку позиции Наркомпроса в самых различных научных и общественных организациях.

В соответствии с решением Ученого комитета по охране природы от 27.08.1924 г. профессорам Н.М. Кулагину и Г.А. Кожевникову было поручено переговорить с Обществом распространения естественно-научных знаний, Любителей природы и Ботаническим обществом относительно вопроса об оставлении дела охраны природы в ведении Наркомпроса¹⁹. Главнаука обратилась к Академии наук, Бюро краеведения, Российскому географическому обществу и многим другим учреждениям с просьбой высказать свое мнение о том, кому должно быть подчинено дело охраны природы в РСФСР. Все научные учреждения представили официальные письма в Малый СНК, где поддержали Наркомпрос²⁰.

Председателем созданной комиссии был В.А. Смольянинов – управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР). В ее состав также входили 9 членов комиссии: С.А. Бутурлин – представитель Наркомзема; В.В. Богданов – заместитель председателя Центрального бюро краеведения при Российской академии наук; В.И. Талиев – профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии; М.М. Завадовский – директор Московского зоосада; Н.П. Фозанов – заведующий Крымским заповедником; Н.А. Дорогутин – ученый секретарь Центрального бюро краеведения при Российской академии наук; Г.А. Кожевников – профессор зоологии, председатель Общества акклиматизации; В.Т. Тер-Оганесов – представитель Наркомпроса, руководитель отдела охраны природы; Н.М. Кулагин – председатель Ученого комитета отдела охраны природы Наркомпроса.

Как мы видим, в основном члены комиссии были представителями природоохранительных обществ и организаций. Единственный же представитель Наркомзема является орнитологом и одним из будущих учредителей Всероссийского общества охраны природы.

Таким образом, можно говорить о том, что Наркомзем, находясь в меньшинстве, не имел возможности полноценно отстаивать свою позицию на заседаниях Малого СНК.

6 сентября 1924 г. было проведено заседание этой комиссии, на котором было решено, что заповедники, как учреждения с преобладающими научными задачами, должны быть закреплены за Нар-

компросом. В связи с этим руководителю отдела охраны природы Главнауки Наркомпроса В.Т. Тер-Оганесову предписывалось организовать особую комиссию и совместно с представителем Наркомзема С.А. Бутурлиным разработать и представить материалы о том, какие заповедники оставить Наркомпросу. Однако за Наркомпросом сохранялось право организации новых заповедников²¹.

К 23 октября 1924 г. комиссия разработала проект постановления СНК РСФСР о подчиненности заповедников, содержание которого во многом соответствовало интересам Наркомпроса. В его ведение передавались, как имевшие исключительное научное значение, следующие заповедники: Астраханский, Ильменский, Кавказский, Крымский, Косинский, Пензенский. Существующий Ученый комитет предлагалось реорганизовать путем привлечения в его состав представителей заинтересованных наркоматов.

Наркомпросу следовало разработать Положение об Ученом комитете по охране памятников природы, а также представить СНК РСФСР проект основного декрета об охране памятников природы и Положение об административной охране заповедников. Также ему было поручено разработать вопрос о контакте работы Ученого комитета с заинтересованными наркоматами.

На этом работа комитета считалась законченной²².

Отметим, что хотя проект постановления СНК РСФСР явно отражал интересы Наркомпроса, в него не попали такие предложения, как право Наркомпроса на организацию новых заповедников, хоть это и предполагалось в начале работы комиссии. Также следует обратить внимание на то, что Наркомпросу предлагалось оставить лишь шесть заповедников из существующих семи. Баргузинский охотничий заповедник передавался в ведение Наркомзема.

Заключительным по этому вопросу стало заседание Малого СНК 18 ноября 1924 г., на котором был принят проект вышеизложенного постановления оставить шесть заповедников в ведении Наркомпроса, а один – в ведении Наркомзема. Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил принятое Малым СНК постановление протоколом № 76 от 05.12.1924 г.²³

Завершающим этапом в закреплении дела охраны природы за Наркомпросом стал декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 05.10.1925 г. «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение»²⁴ и изданная в его развитие инструкция. В нем запрещалось всякого рода использование полных заповедников и нарушение их естественного состояния, за исключением случаев стихийных

бедствий или непредусмотренных обстоятельств. Эксплуатация заповедников заинтересованными ведомствами допускалась лишь по соглашению с Наркомпросом. При необходимости для хозяйственных и научных нужд могли быть предоставлены необходимые участки земли по соглашению с заинтересованными ведомствами или учреждениями.

Для объединения, согласования и регулирования деятельности различных ведомств в отношении охраны природы при Главнауке был образован Государственный Комитет по охране природы. В его состав вошли три представителя от Наркомпроса и по одному – от Наркомзема, Государственной Плановой Комиссии РСФСР, Народного Комиссариата Финансов РСФСР, Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР, Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР, Академии Наук, Российского Географического Общества, а также специалистов по охране природы по назначению Наркомпроса, но не более пяти лиц.

Итак, конфликт закончился победой Наркомпроса, когда руководство всем делом охраны природы сосредоточили в межведомственном масштабе в центре и на местах в Наркомпросе, точнее, в Главнауке по Отделу охраны природы.

В руках Наркомпроса осталась инициатива и работа по пропаганде идей охраны природы. На официальном уровне Наркомпрос поддержал эту инициативу.

Такая расстановка сил сохранялась до 1930 г., когда постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1930 г. «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» подведомственность на этот раз ВСЕХ существующих заповедников была закреплена за Наркомпросом, а в 1934 году в результате новой борьбы с Наркомземом заповедники были переданы образованному Комитету по заповедникам при ВЦИК РСФСР.

Однако даже на этом конфликты Наркомпроса и Наркомзема по делу охраны природы не закончились.

Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемый период создавались учреждения, отделы и другие структуры по охране природы, но по ряду причин не было определено, какие государственные структуры должны в итоге заниматься охраной природы в целом и заповедниками в частности. К числу таких причин можно отнести низкое финансирование Наркомпроса, наличие двух подходов к организации охраны природы. При этом борьба между учреждениями за охрану природы и заповедники означала борьбу разных взглядов на дело охраны природы, но к 1924 г. эта проблема была решена в пользу Наркомпроса.

- ¹ *Борейко В.Е.* Белые пятна истории природоохраны: СССР, Россия, Украина: В 2 т. Т. 1. Киев, 1996; *Он же.* Словарь деятелей охраны природы. Киев, 2001.
- ² *Поддубный М.В.* Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Киев, 1997.
- ³ *Рыжиков А.И.* Теоретические основы проектирования заповедных систем и их развитие во времени. Киев, 1997.
- ⁴ *Куражковский Ю.Н.* Заповедное дело в СССР. Ростов н/Д, 1977.
- ⁵ Архив РАН. Оп. 4. Д. 183. Л. 18.
- ⁶ ГА РФ. Ф 2307. Оп. 11. Д. 31. Л. 28.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л. 10.
- ⁹ Там же. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Д. 186. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Д. 183. Л. 25.
- ¹² Там же. Д. 186. Л. 1.
- ¹³ Там же. Д. 31. Л. 28.
- ¹⁴ Там же. Оп. 9. Д. 109. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Ф. 2307. Оп. 11. Д. 31. Л. 28.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Оп. 9. Д. 109. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 7.
- ¹⁹ Архив РАН. Оп. 4. Д. 186. Л. 7.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 369. Л. 11 об.
- ²¹ Архив РАН. Оп. 4. Д. 186. Л. 7.
- ²² Там же. Л. 12.
- ²³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 8а. Д. 11. Л. 142.
- ²⁴ СУ РСФСР. 1925. № 70. Ст. 559.

Приход И.В. Сталина к власти
и стратегические замыслы правящей РКП(б)
в сфере социальных преобразований

В статье рассматриваются особенности деятельности руководящей группы – членов Политбюро ЦК РКП(б) – в первой половине 1920-х гг., укрепление ее роли в системе государственного управления. Также рассматривается создание инструментов для достижения намеченных целей в социальной сфере, которые представлялись руководству партии эффективными. Наконец, в статье оценивается влияние смены партийного лидера на эти процессы.

Ключевые слова: Российская коммунистическая партия (большевиков), Политбюро ЦК РКП(б), партийный лидер, внутривнутрипартийная борьба, социальная политика.

В управлении страной правящая партия, ее ЦК и Политбюро ЦК РКП(б), как свидетельствуют документы, ориентировалась на общемировую практику, передовые ее достижения. Первоначально, в конце 1917 г. в коалиции с партией левых эсеров, были назначены на ключевые посты в правительстве и в региональные структуры наиболее заслуженные и проверенные представители двух партий. После июльских событий 1918 г., с ликвидацией коалиции с левыми эсерами в ходе V съезда Советов, деятельность руководства РКП(б) не изменилась. Совнарком, исполнительную ветвь власти, продолжал возглавлять лидер партии В.И. Ленин, ВЦИК, законодательную власть, последовательно его ближайшие соратники – Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов, М.И. Калинин; военную – Л.Д. Троцкий и т. д. (их управленческие методы активно изучаются в настоящее время¹). Правда, в последнем случае имелось исключение. Командование войсками на фронтах Гражданской

войны было доверено профессионалам, так называемым военспецам, за которыми бдительно присматривали политкомиссары из числа членов партии². Однако такое положение считалось временным, тем более что в 1919 г. уже появился из числа старых большевиков первый командующий армией, а затем и фронтом. 26 октября 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) по предложению И.В. Сталина, А.И. Егорова и Л.Д. Троцкого утвердило члена партии с 1905 г. Г.Я. Сокольникова (1888–1939) командующим 8-й армией Южно-го фронта без Реввоенсовета, но «с двумя помощниками – командармом Александровым по политической и Косиором по административной части». Впоследствии Г.Я. Сокольников командовал Туркестанским фронтом (1920–1921, 1922–1923)³.

В гражданской сфере управления страной в первые годы Советской власти преобладали те же тенденции, т. е. на ключевых постах в экономике и сельском хозяйстве – члены партии с дореволюционным стажем, под их руководством и контролем трудились специалисты. Необходимо отметить, что на первых порах такой подход себя мало оправдывал, в рядах партии не оказалось профессиональных управленцев. Например, с октября 1917 по декабрь 1922 г. только в Наркомате путей сообщения сменилось девять руководителей: М.Т. Елизаров (ноябрь 1917 – январь 1918 г.); В.М. Свердлов (январь – февраль 1918 г.); А.Г. Рогов (февраль – май 1918 г.); П.А. Кобозев (май – июнь 1918 г.); В.И. Невский (июнь 1918 – март 1919 г.); Л.Б. Красин (март 1919 – март 1920 г.); Л.Д. Троцкий (март – декабрь 1920 г.); А.И. Емшанов (декабрь 1920 – апрель 1921 г.); Ф.Э. Дзержинский (апрель 1921 – июль 1923 г.). Члены правящей партии с дореволюционным стажем на ключевые посты в государственном управлении приходили и уходили, а проблемы транспорта, да и других сфер государственного управления оставались без разрешения⁴.

Однако к началу 1920-х гг. применяемые В.И. Лениным и членами Политбюро ЦК РКП(б) в ходе Гражданской войны силовые методы коммунистической диктатуры перестали себя оправдывать. Советская историография обходила имеющиеся проблемы молчанием, трудности признавались⁵ и на страницах издаваемых трудов быстро преодолевались⁶. В зарубежных исследованиях, как правило, присутствовала в основном негативная оценка отказа большевиков от силовых приемов управления страной⁷, за исключением отдельных робких надежд на возможное перерождение советского режима в связи с переходом к новой экономической политике. Современные историки на этот счет придерживаются различных⁸, порой крайних точек зрения⁹.

В результате в основном бессистемного управления страной власть правящей партии в феврале–марте 1921 г. оказалась в кризисном состоянии. Основная проблема, которая лежала на поверхности, заключалась в практически ничем не ограниченных правах как отдельных членов партии, так и партийных организаций различного уровня, а «процесс деформации партийных нравов» достиг «размеров, которые стали представлять опасность для дееспособности партии как руководящей силы общества»¹⁰.

Вместе с тем В.И. Ленин и возглавляемая им правящая в партии группа членов Политбюро ЦК стремились добиться заметных побед на экономическом фронте, сохранив и закрепив собственную власть¹¹ оправдавшими себя методами Гражданской войны: продолжением зачистки различных социальных слоев (высылкой за границу, ссылкой в отдаленные места, лишением гражданских прав, заключением в создаваемые концлагеря, физическим уничтожением); репрессиями внутри партии (чистки от разложившихся, скомпрометированных, случайных элементов, непримиримая борьба с оппозиционными группами); организацией и усилением системы карательных органов¹². Правящая в РКП(б) группа членов Политбюро ЦК сформировалась, как известно, в марте 1919 г. и состояла из пяти человек: В.И. Ленин, Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий¹³. В таком составе она существовала ровно два года, что по меркам Гражданской войны, перманентных социально-экономических кризисов внутри страны, оппозиционных движений и группировок внутри партии срок достаточно приличный, особенно если учесть, что ежегодно эти пять деятелей переизбирались на партийных съездах. Во многом это происходило благодаря Ленину, его авторитету и работоспособности, но также «качествам революционного стратега»¹⁴, грамотному применению выборных технологий и пропагандистских методов, опоре на так называемый второй партийный эшелон и на более широкие партийные массы. К этому добавим, что у правящей группы и ее лидера имелась широко не афишируемая возможность обеспечивать собственную несменяемость¹⁵.

В этой группе при ее формировании (март 1919 г.) самым старшим по возрасту (48 лет) и партийному стажу (с 1893 г.; партийный стаж в каждом конкретном случае устанавливался после 1920 г. в соответствии с утвержденной процедурой и с учетом революционных заслуг) был Ленин¹⁶. Сорокалетними в ее состав вошли Сталин (партстаж с 1898 г.) и Троцкий (партстаж с 1917 г.). По 36 лет было Каменеву (партстаж с 1901 г.) и Крестинскому (партстаж с 1903 г.). Если считать, что средний возраст членов группы составлял

40 лет, то она была достаточно молода для руководителей такого огромного и в целом кризисного государства. В 1919 г. партстаж Ленина составлял 26 лет, Сталина – 21, Каменева – 18, Крестинского – 16, Троцкого – 2 года. Таким образом, можно говорить о том, что Ленин в этой группе руководителей партии и государства в 1919–1921 гг. заметно выделялся и прочно занимал лидирующие позиции по возрасту, партийному стажу, а также умению выдвигать смелые, порой до авантюристичности планы и находить способы их реализации. До июня 1924 г., т. е. за пять с небольшим лет, состав правящей группы был стабилен: удален один – Крестинский, введены последовательно Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин.

Четверка сподвижников Ленина не была безусловно во всем предана своему лидеру. Порой ему стоило больших трудов убедить их в своей правоте. Например, Крестинский в дискуссии о профсоюзах конца 1920 – весны 1921 г.¹⁷ заявил о себе как о наиболее активном приверженце Троцкого. Не в последнюю очередь за сотрудничество с Троцким в марте 1921 г. он не вошел по итогам голосования на X съезде в состав Центрального Комитета. Подобно Троцкому¹⁸, Сталин в правящей группе занимал особое место, в известном смысле он был «чужаком» для остальных «верных» ленинцев, несмотря на то что поддерживал Ленина в его настороженном отношении к Троцкому. Сталин после VIII съезда фактически возглавлял Оргбюро ЦК, формально равноправный с Политбюро высший коллегиальный партийный орган. К 1921 г., как можно предположить по архивным документам, он занимал прочное место в правящей группе, твердо уяснил расклад политических сил в Политбюро ЦК, вероятно, именно тогда и обнаружил свой шанс занять место лидера¹⁹. После марта 1921 г. ленинская группа почти в прежнем составе продолжала руководить партией и государством еще два года. Место удаленного на X съезде из состава Политбюро ЦК Крестинского занял Зиновьев. Появление его нельзя считать случайностью, так как таким образом Ленин усилил свои позиции в Политбюро, а Троцкий оказался в полном одиночестве²⁰.

Однако в 1921 г. у Ленина проявились первые признаки болезни, которую не смогли диагностировать лучшие зарубежные врачи. 4 июня 1921 г. по предложению Молотова Ленину предоставлен отпуск, его обязывают приезжать в город до начала конгресса Коминтерна только с разрешения Оргбюро²¹. Дважды, 7 и 9 июля 1921 г., на Политбюро рассматривается вопрос об отпуске Ленину, ему разрешено отдыхать один месяц с правом присутствовать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев – по решению Секретариата ЦК)²².

3–7 декабря 1921 г. вновь на Политбюро рассматривается вопрос о предоставлении Ленину десятидневного отпуска между 2 и 17 декабря²³, а с 9 по 21 декабря 1921 г. (в связи с очередным ухудшением здоровья) отпуск продлевают до двух недель²⁴. Работоспособность Ленина стремительно снижалась. Не в последнюю очередь именно из-за этого на XI съезде, в марте-апреле 1922 г., правящая группа, при сохранении прежнего состава, была увеличена на два человека, в Политбюро ЦК вошли Рыков и Томский. На этом съезде в последний раз присутствовал и выступал Ленин. Видимо, вождь еще надеялся на скорое свое выздоровление, на возвращение к активной деятельности. Однако его надеждам не суждено было сбыться: 23 апреля 1922 г. профессор Борхардт в результате операции извлекает из его шеи пулю, выпущенную в него 30 августа 1918 г.²⁵ Операция прошла успешно, но силы вождя оказались на исходе, 26 мая случился удар, в результате которого отнялась правая часть тела, произошло расстройство речи²⁶. Однако до XII съезда партии, проходившего в апреле 1923 г., правящая группа работала достаточно ритмично и внешне сплоченно. Ведь по формальному признаку число сторонников Ленина в правящей группе увеличилось, соперник оставался по-прежнему один – Троцкий. Данное обстоятельство уточняет утверждения некоторых исследователей о том, что только после смерти Ленина члены Политбюро ЦК объединились против Троцкого, поскольку именно он начал претендовать на освободившееся место лидера в партии и государстве, и вступили с ним в борьбу. На самом деле внутри правящей группы у Троцкого изначально не было сколько-нибудь серьезной поддержки, поскольку, по замыслу Ленина и установившейся к тому времени партийной традиции, только самой группе и принадлежало право формировать свой собственный состав.

Шансов претендовать на первые роли в партии и государстве у Троцкого не было. Почти за четыре года руководства правящей группой, с марта 1919 г. до конца 1922 г., Ленин формировал ее под себя, под единоличного лидера²⁷, расклад сил в правящей группе с марта 1919 г. до самой смерти Ленина был не в пользу Троцкого. И у него, чтобы реализовать собственные властные амбиции, не оставалось другого выбора, кроме одного – обратиться за поддержкой к широкому партийным массам, продолжить формирование устойчивого образа «второго вождя» партии и государства, лидера мировой революции, добиваться роста собственной популярности в армии, партийных рядах, с окончанием Гражданской войны занять ключевые позиции в промышленности, в народном хозяйстве в целом, привлечь на свою сторону профсоюзных деятелей и ста-

рых специалистов – организаторов производства, инженерно-технический состав, финансистов²⁸. И только во вторую очередь, в связи с болезнью Ленина и отходом его от активной политической деятельности, попытаться отсечь от власти наиболее вероятных на рубеже 1922–1923 гг. своих соперников – Каменева и Зиновьева. В этой связи можно предположить, что инициатором наметившегося «раскола» партии, о котором упоминал Ленин в своем политическом завещании²⁹, был именно Троцкий, надевшийся на поддержку широких партийных масс, мобилизованных его сторонниками.

Необходимо отметить, что в программе Российской коммунистической партии (большевиков) предполагалось построение как социалистического, так и коммунистического общества³⁰. Однако основной недостаток программного документа просматривается в сознательно упрощенной негативной оценке капитализма, отождествлении негативных его сторон с государственным устройством дореволюционной России. 1917 г. в России рассматривался в партийных документах исключительно как следствие острого и всеобъемлющего капиталистического кризиса в мировом масштабе, за которым последует пролетарская революция сначала в Европе, а затем и в других государствах. На реализацию этих ожиданий были брошены практически все имевшиеся у партийного руководства государственные средства, собираемые методами «военного коммунизма». Отмена же института частной собственности, ликвидация банковской сферы, национализация промышленных предприятий, реквизиции продовольствия привели к экономическому коллапсу, недовольство в стране нарастало. Однако и после провозглашенного в 1921 г. отказа руководством РКП(б) от политики «военного коммунизма» в документах обосновывается неизбежность диктатуры пролетариата как основного условия строительства коммунизма в России. Советская власть рассматривается как общенародная и одновременно форма пролетарской диктатуры, много внимания уделено национальному, военному и жилищному вопросам; необходимости пролетарского суда; в то же самое время выдвигаются на первый план проблемы организации промышленности, сельского хозяйства, банков и денежного обращения, охраны труда и социального обеспечения.

Будущее коммунистическое общество видится руководству РКП(б) организованным, бесклассовым, в нем не должно быть места государству, правда, с оговоркой, что такое возможно только в «окрепшем коммунистическом строе, после полной и окончательной победы пролетариата, не особенно даже скоро после нее»³¹.

Сформулировано и определение пролетарского коммунизма (пролетарского социализма) как крупного товарищеского объединенного хозяйства³². Сталин в этих заданных программных установках продолжал играть роль верного приверженца Ленина, и постепенно, но и настойчиво, в правящей группе начал примеривать на себя роль его продолжателя, преемника³³. Оценивая расклад политических сил на партийном олимпе, Сталин сосредоточил свои усилия на подборе и проверке на лояльность партийных кадров лично ему, составлении собственного плана по укреплению и удовлетворению личных властных амбиций.

Подлинная история борьбы за власть в ее верхнем эшелоне начала 1920-х гг. вряд ли будет написана в связи с недоступностью большинства источников. Некоторые из них уничтожены, многие надежно спрятаны. Тем важнее для исследования обратиться к имеющемуся в настоящее время комплексу документов³⁴, а также к опубликованным источникам – стенограммам и протоколам партийных съездов и пленумов, заседаний Политбюро ЦК. Некоторые из этих опубликованных документов фальсифицированы и тем не менее позволяют прояснить отдельные эпизоды борьбы за власть в верхнем эшелоне. Сведения о посещаемости членами Политбюро ЦК заседаний с 1919 по 1924 г. включительно основаны на документальных источниках, что позволяет с известной долей достоверности восстановить в хронологической последовательности общую картину смены лидера в правящей группе.

В 1921 г. обозначилось некоторое снижение Лениным посещаемости заседаний Политбюро ЦК (отсутствовал на 6 заседаниях), а от активной политической деятельности отошел начиная с 1922 г. (из 77 заседаний – присутствовал на 14), полное же прекращение его участия в заседаниях Политбюро обозначилось с января 1923 г.

В 1921–1922 гг. по посещаемости заседаний правящей группы лидировали два человека, причем с переменным успехом. Сначала, в 1921 г., лидировал Каменев (из 93 заседаний – 73), за ним с незначительным отставанием Сталин (из 93 заседаний – 66); в 1922 г., наоборот, лидировал Сталин (из 77 заседаний – 76), за ним шел Каменев (из 77 заседаний – 70)³⁵. 13 сентября 1921 г. правящая группа принимает решение обязать Сталина около трех четвертей своего времени уделять партийной работе, при этом не менее полутора часов – Агитпропотделу, из остального времени большую часть посвящать Рабкрину³⁶. Простой расчет показывает, что Сталину, при ненормированном рабочем дне в 12–16 часов в сутки, предлагается 3–4 часа отводить второстепенной работе, а 9–12 часов работать на основной, т. е. по линии Политбюро, Оргбюро и Секретариа-

та ЦК. Таким образом, можно считать, что лидер в правящей группе начал просматриваться уже к середине сентября 1921 г.

Таким образом, во главе сложившегося к 1920 г. политического режима на протяжении пяти лет стояла небольшая и практически несменяемая группа профессиональных революционеров – старых большевиков из 5–7 человек, которую сформировал и возглавлял единоличный лидер В.И. Ленин; правящая группа не была однородна по социальному составу и образованию, объединяющим началом служили революционные заслуги и подчинение лидеру; ни один член правящей группы не имел опыта государственного и административно-хозяйственного управления; созданный правящей группой в годы Гражданской войны партийный и государственный аппарат имел строго иерархическую структуру, деятельность верхних эшелонов власти носила закрытый характер; на смену ушедшему из-за болезни лидеру, для поддержания сложившейся системы государственного управления, неизбежно должен был прийти новый руководитель, которым после острой внутривнутрипартийной борьбы за власть стал И.В. Сталин.

Примечания

- ¹ *Войтиков С.С.* «Это вам, слава Богу, не заседание Президиума ВЦИК»: Из истории российского «парламента» эпохи диктатуры Ленина // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 37–48; *Он же.* «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: Пиррова победа Троцкого над Сталиным, или как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Там же. 2014. № 1 (39). С. 119–148; *Он же.* «Официального заместителя не назначать»: Попытка перехвата власти Я.М. Свердловым после ранения В.И. Ленина // Там же. 2015. № 2 (44). С. 72–88.
- ² *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016.
- ³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 33. Л. 2.
- ⁴ *Иголкин А.А.* Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 18–54; *Ломоносов Ю.В.* В Народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 – январь 1920 г. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 10. М.; СПб., 1992. С. 7–63; *Бонч-Бруевич В.Д.* «Железный» нарком путей сообщения // *Лацис М.И.* Дзержинский. Кошмарный сон буржуазии. М., 2013. С. 149–160.
- ⁵ *Варшавский К.М.* Трудовой договор по Кодексу законов о труде 1922 г. СПб., 1923; *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927; *Генкина Э.Б.* Переход

- советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.). М., 1954; *Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962; *Миц И.И.* История Великого Октября: В 3 т. Т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1978; *Миц И.И.* История Великого Октября: В 3 т. Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1979.
- ⁶ *Бутковский Вл.* Иностранские концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928; *Кузнецов Б.Г.* Коммунизм и техника будущего. М.; Л., 1940; *Дмитренко В.П.* Торговая политика Советского государства после перехода к НЭпу (1921–1924 гг.). М., 1971; *Гимпельсон Е.Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973; *Хромов С.С.* Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте: 1921–1926 гг. М., 1977; *Суворов К.И.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930 гг.). М., 1968; *Архитов В.А., Морозов Л.Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле (20-е – начало 30-х годов). М., 1978.
- ⁷ *Пестржецкий Д.* Русская промышленность после революции. Берлин, 1921; *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР: В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1952; Т. 2. Нью-Йорк, 1952; *Нуов А.* Экономическая стратегия коммунизма. М., 1960; *Геллер М.Я.* Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1974; *Аллен Р.С.* От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013.
- ⁸ *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы: 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001; *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996.
- ⁹ *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть: 1917–1921 гг.: Мешочники. М., 2002; *Сапега В.М.* Классовая борьба: Государство и капитал. М., 2005; *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* 10 мифов об СССР. М., 2010; *Кара-Мурза С.Г.* Русский коммунизм: Теория, практика, задачи. М., 2013.
- ¹⁰ Партийная этика (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). М., 1989. С. 4.
- ¹¹ *Валентинов Н.В.* Малоизвестный Ленин. СПб., 1991. С. 13–14.
- ¹² Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 312.
- ¹³ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник / Сост. Ю.В. Горячев. М., 2005. С. 96.
- ¹⁴ *Балабанова А.* Моя жизнь – борьба: Мемуары русской социалистки: 1897–1938 гг. М., 2007. С. 180.
- ¹⁵ *Валентинов Н.В.* Указ. соч. С. 154.
- ¹⁶ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б)... С. 272.
- ¹⁷ Политические партии России... С. 281.
- ¹⁸ *Балабанова А.* Указ. соч. С. 211.
- ¹⁹ Политические партии России... С. 587.
- ²⁰ *Волгогонов Д.А.* Ленин: Политический портрет: В 2 кн. Кн. 2. М., 1994. С. 22.

- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 174. Л. 5.
- ²² Там же. Д. 185. Л. 1.
- ²³ Там же. Д. 240. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Д. 243. Л. 2.
- ²⁵ *Волгогонов Д.А.* Указ. соч. Кн. 1. М., 1994. С. 392–398.
- ²⁶ *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 8.
- ²⁷ *Балабанова А.* Указ. соч. С. 250.
- ²⁸ Политические партии России... С. 615.
- ²⁹ *Ленин В.И.* Письмо к съезду // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.
- ³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 71–73.
- ³¹ *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пг., 1920. С. 55.
- ³² Там же. С. 58.
- ³³ Политические партии России... С. 587.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1-482.
- ³⁵ Там же. Д. 1-51.
- ³⁶ Там же. Д. 201. Л. 5.

Совет безопасности Российской Федерации
и его секретарь А.И. Лебедь:
июнь–октябрь 1996 г.

В статье рассматриваются вопросы изменения кадрового состава и компетенции Совета безопасности Российской Федерации в период июня-октября 1996 г. Также в статье представлены изменения компетенций секретаря Совета безопасности Российской Федерации после прихода на этот пост А.И. Лебеда, а также причины его отставки.

Ключевые слова: Совет безопасности Российской Федерации, Совет обороны Российской Федерации, Администрация Президента Российской Федерации, секретарь Совета безопасности, А.И. Лебедь.

Действующий ныне Совет безопасности Российской Федерации (далее – Совет безопасности) за период с 1992 г.¹ претерпел значительную организационную и кадровую эволюцию, во многом обусловленную сменой политических команд у руля власти, а также трудностями как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сфере. Отдельной страницей в истории данного государственного органа может служить период лета–осени 1996 г., связанный с последствиями президентских выборов и с неоднозначным выбором нового кандидата на должность секретаря Совета безопасности.

Начало исследуемого периода приходится на кульминационный этап политической борьбы за президентское кресло в период федеральных выборов 1996 г. Именно в этот момент первый Президент РФ Б.Н. Ельцин, получив лишь 35 % голосов после первого тура выборов (16 июня 1996 г.), решился на кадровые перестановки в своем аппарате. Были сняты с должностей не вполне популярные в обществе государственные деятели и генералы. Среди этих

отставок можно назвать снятие по указу Президента РФ № 953 от 20 июня 1996 г. со своих постов членов Совета безопасности П.С. Грачева (министра обороны РФ) и О.И. Лобова (секретаря Совета безопасности), а по указу № 984 от 25 июня 1996 г. – М.И. Барсукова (директора ФСБ РФ)². Вместо О.И. Лобова на должность секретаря Совета безопасности 18 июня 1996 г. был назначен быстро набравший популярность в обществе харизматичный генерал-десантник А.И. Лебедь³.

Подоплекой данных кадровых перестановок служила, конечно же, борьба кандидатов за вакантное место президента Российской Федерации. И во многом именно поддержка А.И. Лебеда (набравшего в первом туре 14,5 % голосов избирателей) позволила первому Президенту РФ получить официальное большинство голосов во втором туре президентских выборов⁴.

В своих воспоминаниях Б.Н. Ельцин подробным образом описывает ситуацию с назначением А.И. Лебеда, указывая, что круг компетенций последнего заметно превышал компетенцию секретаря Совета безопасности (параллельно с постом секретаря А.И. Лебедь также занял должность помощника Президента РФ по национальной безопасности). В частности, Б.Н. Ельцин возлагал на А.И. Лебеда решение таких насущных вопросов, как реформирование армии, борьбу с преступностью, налаживание безопасности в стране и отдельно – решение чеченской проблемы⁵. Параллельно с этим была осуществлена замена руководства Министерства обороны РФ, во главе которого был поставлен лояльный А.И. Лебедю генерал И.Н. Родионов⁶.

После столь быстрых и радикальных кадровых перестановок в штате Совета безопасности потребовался даже отдельный указ Президента РФ от 31 июля 1996 г. № 1121 «Об утверждении состава Совета безопасности Российской Федерации», как раз и закрепившего принятые кадровые изменения⁷.

Чуть ранее, 10 июля 1996 г., был принят указ Президента РФ № 1024 «Вопросы Совета безопасности Российской Федерации», включивший в себя новое Положение «О Совете безопасности Российской Федерации». В соответствии с данным Положением Совет безопасности «являлся конституционным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проведения единой государственной политики в области обеспечения безопасности»⁸. Кроме того, в рамках данного Положения были уточнены полномочия секретаря Совета безопасности, под-

робнее прописан порядок работы Совета безопасности, а также порядок работы межведомственных комиссий⁹.

Еще одним указом Президента Российской Федерации № 1128 от 1 августа 1996 г. было введено Положение «Об аппарате Совета безопасности Российской Федерации». В первых статьях данного Положения отмечалось, что аппарат Совета безопасности является «самостоятельным подразделением Администрации Президента Российской Федерации и имеет статус главного управления Президента Российской Федерации», осуществляя «организационно-техническое и информационно-аналитическое обеспечение деятельности Совета безопасности Российской Федерации»¹⁰. Далее в Положении подробно прописывались задачи и функции аппарата Совета безопасности, а также особо подчеркивалось, что руководство аппаратом осуществляет секретарь Совета безопасности. Это подтверждалось тем, что именно секретарь Совета безопасности утверждал своих заместителей, а также структуру и штатное расписание аппарата Совета безопасности. Кроме того, можно выделить следующие его функции:

- участвует лично или через своих представителей в заседаниях коллегий, военных советов, в рабочих совещаниях федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при рассмотрении ими вопросов обеспечения безопасности;
- формирует рабочие комиссии с привлечением представителей федеральных органов исполнительной власти, правоохранительных и иных органов для осуществления контроля и проверки реализации федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации решений Совета Безопасности, стратегии в области внутренней, внешней и военной политики, военно-технического сотрудничества, информационной безопасности, а также для выявления угроз безопасности личности, общества и государства;
- обращается в федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации с требованием устранить причины и условия, создающие угрозы безопасности личности, общества и государства;
- издает на основании и во исполнение федеральных законов и нормативных правовых актов Президента Российской Федерации приказы и распоряжения, регулирующие деятельность аппарата Совета безопасности, организует проверку их исполнения;

– <...>

– осуществляет другие полномочия в соответствии с федеральным законодательством, а также с указами и распоряжениями Президента Российской Федерации¹¹.

Таким образом, два приведенных выше указа Президента РФ не только подробно регламентировали полномочия и структуру Совета безопасности, но и существенным образом расширяли полномочия и статус Секретаря Совета безопасности в рамках Администрации Президента РФ и всего государственного аппарата.

В дополнение к вышесказанному отметим, что только что назначенный Секретарь Совета безопасности получил еще один важный пост – председателя Комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским званиям и высшим специальным званиям Совета по кадровой политике при Президенте РФ, сместив с него 25 июня 1996 г. опытного кадрового руководителя Ю.М. Батурина¹². В результате в руках у генерала А.И. Лебеда сосредоточились большие организационные и кадровые полномочия по выполнению поставленных перед ним Президентом РФ задач.

Как отмечал в своих трудах сам генерал, он «стал секретарем Совета Безопасности не для того, чтобы пользоваться властью, а для того, чтобы использовать ее. Использовать как инструмент для вывода страны из кризисной ситуации. Власть именно для этого и нужна. Трудно управлять кораблем, стоя на берегу...»¹³.

Однако харизматичный и не вполне контролируемый генерал, да к тому же не имевший ранее большого опыта политической деятельности, не мог не вызывать опасений у штаба Б.Н. Ельцина. Да и сам Президент РФ, несмотря на пошатнувшееся здоровье, стремился в политической деятельности соблюдать принцип «разделяй и властвуй», перемещая внимание и полномочия с одного подчиненного на другого, не допуская никого к полноте власти, как позднее отмечал в своих мемуарах бывший руководитель Администрации Президента РФ С.А. Филатов¹⁴.

Необходимость баланса интересов и формирования системы «сдержек и противовесов» внутри Аппарата Президента РФ, по всей видимости, и выдвинули на передний план необходимость срочного формирования конкурирующего органа, способного заменить Совет Безопасности и при необходимости оттеснить от власти его полновластного Секретаря.

Данным органом и стал Совет обороны Российской Федерации (далее – Совет обороны), учрежденный указом Президента Российской Федерации от 25 июля 1996 г. №1102. Этим же указом

утверждалось Положение о Совете обороны и утверждался состав Совета обороны¹⁵.

В соответствии с приведенным указом Совет обороны являлся «постоянно действующим совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации в области военного строительства, реализации важнейших решений Совета безопасности Российской Федерации по стратегическим вопросам оборонной политики». Совет обороны состоял из Председателя (Президента Российской Федерации), заместителя Председателя (председателя Правительства Российской Федерации), секретаря Совета обороны и членов Совета обороны.

Состав Совета обороны определялся Президентом РФ и мог включать руководителей государственных органов и организаций и иных лиц, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам. В Положении о Совете обороны также подробно прописывались задачи данного органа, а также наличие в его структуре военного научно-консультативного совета и Аппарата Совета обороны из 53 сотрудников. Причем Аппарат Совета обороны был включен в Администрацию Президента Российской Федерации в статусе главного управления¹⁶.

Неслучайной здесь нужно признать и фигуру секретаря Совета обороны – Ю.М. Батурина¹⁷, которого чуть ранее сместили с поста руководителя Комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским и высшим специальным званиям Совета по кадровой политике при Президенте РФ. Потенциально Ю.М. Батурин мог восприниматься и как возможная замена для не вполне управляемого и сговорчивого генерала.

Однако и без всех оговорок и препятствий новый Секретарь Совета Безопасности на своей высокопоставленной должности просто не успел бы осуществить все задуманные преобразования. Борьба с преступностью, реформирование армии и другие вопросы требовали политического опыта, компромиссов и преодоление сепаратизма чиновников, а генерал А.И. Лебедь не обладал ни соответствующей гибкостью, ни связями, ни терпением. Единственным существенным результатом его деятельности можно лишь признать подписание далеко не однозначно принятых в российском обществе Хасавюртовских соглашений 31 августа 1996 г., в соответствии с которыми были официально прекращены боевые действия в Чечне и отозваны федеральные войска¹⁸ Между тем уже к октябрю 1996 г. накопились значительные противоречия между штабом Президента РФ и новым генералом А.И. Лебедем. По воспоминаниям Б.Н. Ельцина, к этому времени А.И. Лебедь

уже открыто намекал на необходимость отставки главы Администрации Президента РФ А.Б. Чубайса, а последний достаточно резко отзывался в прессе об умственных способностях властного генерала¹⁹.

В этой ситуации необходимо было быстро принимать решение, и Б.Н. Ельцин сделал первый шаг – 1 октября 1996 г. он издал распоряжение № 482-рп, в соответствии с которым был утвержден новый состав Комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским и высшим специальным званиям Совета по кадровой политике при Президенте РФ. Руководителем данной Комиссии вновь был назначен Ю.М. Батурин, а А.И. Лебедь был лишен возможности руководить кадровыми перестановками в высшем эшелоне военного руководства²⁰.

2 октября 1996 г. указом Президента РФ № 1412 было утверждено новое Положение «Об Администрации Президента Российской Федерации». В данном Положении было отмечено, что сотрудников аппарата Совета безопасности назначает и освобождает от должности уже не секретарь Совета безопасности, а руководитель Администрации Президента РФ (ст. 11, 21). Таким образом, по сути была полностью ограничена самостоятельность секретаря Совета безопасности в решении кадровых вопросов внутри своего же аппарата, что ставило под сомнение и самостоятельное положение самого Совета безопасности²¹.

В этой связи А.И. Лебедь 4 октября на встрече с Б.Н. Ельциным, посвященной подготовке стратегии российской стороны на предстоящих в Брюсселе переговорах с НАТО, попытался уточнить – является ли ошибкой данное ограничение полномочий секретаря Совета безопасности и подчинение его руководителю Администрации Президента РФ или это является сознательной политикой главы государства? Не получив внятного ответа, генерал был вынужден удалиться²².

Дальнейшие политические шаги А.И. Лебеда подчеркивали его оппозиционные устремления по отношению к президентскому аппарату и отсутствие четкого плана действий, что стало вызывать все большие опасения у власти²³. В средствах массовой информации и частично в среде чиновничества распространилась информация о якобы готовящемся генералом А.И. Лебедем государственным перевороте под предлогом слабого здоровья Президента РФ. Выдвигалась даже версия о подготовке специального десантного легиона, способного за считанные часы захватить столицу²⁴. Однако так или иначе, но политический клубок противоречий предполагал лишь одно радикальное решение.

Этим решением стала отставка А.И. Лебеда с поста секретаря Совета безопасности и с поста помощника Президента РФ по национальной безопасности в соответствии с указом Президента РФ от 17 октября 1996 г. № 1449 «О Лебеде А.И.»²⁵. Можно отметить лаконичность и краткость формулировок данного указа, который в значительной степени нивелировал для текущей власти угрозу или возможность политической провокации со стороны генерала А.И. Лебеда.

Спустя два дня после отставки опального генерала пост Секретаря Совета безопасности занял более коммуникабельный и сговорчивый кандидат – председатель Государственной Думы Российской Федерации первого созыва, а также вице-президент Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе И.П. Рыбкин²⁶. Работа Совета безопасности и его аппарата возобновилась в прежнем режиме.

Примечания

- ¹ Указ Президента Российской Федерации от 03.06.1992 № 547 «Об образовании Совета безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1231571> (дата обращения: 08.12.2016).
- ² Указ Президента Российской Федерации от 20.06.1996 № 953 «Об изменении состава Совета безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1159992> (дата обращения: 08.12.2016); Указ Президента Российской Федерации от 25.06.1996 № 984 «О Барсукове М.И.». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1159669> (дата обращения: 08.12.2016).
- ³ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.1996 № 924 «О секретаре Совета безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1161002> (дата обращения: 08.12.2016).
- ⁴ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2015. С. 430–485.
- ⁵ *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон (размышления, воспоминания, впечатления). М., 2000. С. 71.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Указ Президента Российской Федерации от 31.07.1996 № 1121 «Об утверждении состава Совета безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1167269> (дата обращения: 08.12.2016).
- ⁸ Указ Президента Российской Федерации от 10.07.1996 № 1024 «Вопросы Совета безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1159265> (дата обращения: 08.12.2016).
- ⁹ Там же.

- 10 Указ Президента Российской Федерации от 01.08.1996 № 1128 «Об аппарате Совета безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1167247> (дата обращения: 08.12.2016).
- 11 Там же.
- 12 Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2015. С. 454; Распоряжение Президента Российской Федерации от 25 июня 1996 г. № 339-рп // СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3917.
- 13 *Лебедь А.И.* Идеология здравого смысла. М., 1997. С. 5–6.
- 14 *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 220.
- 15 Указ Президента Российской Федерации от 25.06.1996 № 1102 «О Совете обороны Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/page.aspx?1167345> (дата обращения: 08.12.2016).
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 *Стригин Е.* Прерванный полет Александра Лебеда. Красноярск, 2005. С. 120–130.
- 19 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 74–75.
- 20 Распоряжение Президента Российской Федерации от 01.10.1996 482-рп «О составе Комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским и высшим специальным званиям Совета по кадровой политике при Президенте Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=238120&rnd=235642.1184116832&dst=100011&fld=134#0> (дата обращения: 08.12.2016).
- 21 Указ Президента Российской Федерации от 02.10.1996 № 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1171555> (дата обращения: 08.12.2016).
- 22 *Олейник И.В.* Александр Лебедь и власть. М., 1998. С. 64.
- 23 *Стригин Е.* Указ. соч. С. 130–132.
- 24 Российская газета. 1996. 18 октября. С. 2.
- 25 Указ Президента Российской Федерации от 17.10.1996 № 1449 «О Лебеде А.И.». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://giod.consultant.ru/documents/1171397> (дата обращения: 08.12.2016).
- 26 Указ Президента Российской Федерации от 19.10.1996 № 1449 «О Секретаре Совета Безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultant.ru/documents/1171356> (дата обращения: 08.12.2016); Совет безопасности Российской Федерации: Функции, структура, нормативные документы: Сб. справ. материалов. М., 1997. С. 21.

Естественные монополии России в условиях реформирования на рубеже XX–XXI вв. (на примере железнодорожного транспорта)

В статье на основе документов Министерства путей сообщения Российской Федерации анализируется процесс реформирования управления естественной монополией – железнодорожным транспортом Российской Федерации. Главное внимание уделяется поэтапному анализу проводимых преобразований и роли Министерства путей сообщения РФ в их осуществлении. Автор приходит к выводу, что в сложившихся экономических условиях, в которых проходила реформа, избранный эволюционный путь реформирования полностью себя оправдал. Тем не менее вопрос демополизации железнодорожного транспорта еще остается открытым.

Ключевые слова: постсоветская Россия, Российская Федерация, естественная монополия, железнодорожный транспорт, Министерство путей сообщения Российской Федерации, ОАО «Российские железные дороги», структурная реформа.

Особое место среди экономических преобразований России 1990-х гг. занимают реформы естественных монополий. Необходимость их начала была связана с бюджетным кризисом в стране, и в этой связи работами по повышению налоговых доходов. Было принято решение расширить доходы от приватизации и повысить эффективность использования имеющейся государственной собственности. Весной 1997 г. Правительство РФ стало уделять особое внимание крупнейшим налогоплательщикам – системообразующим производственным компаниям. К так называемым естественным монополиям были отнесены: РАО «Газпром», РАО «ЕЭС России» и Министерство путей сообщения РФ. Указом Президента РФ от 28 апреля 1997 г. была разработана поэтапная

программа реформирования управления каждой из отраслей. С одной стороны, именно эти компании, повышая тарифы, способствовали созданию системы неплатежей, а с другой – они сами оказались главными пострадавшими от результатов такой политики, поскольку основной объем неплатежей вернулся к ним самим¹. Усиление «нажима на естественные монополии» в то время отмечали Л.И. Абалкин, Р.Г. Пихоя, В.В. Согрин, А.А. Яник и другие авторы².

Железнодорожный транспорт был отнесен к естественным монополиям еще в 1995 г.: сначала в федеральном законе (ФЗ) «О естественных монополиях», а затем в обновленном ФЗ «О федеральном железнодорожном транспорте»³. При этом министр путей сообщения Г.М. Фадеев не был согласен с этим: «Не всегда обоснованно говорить о железных дорогах как о монополии. Монополия есть, но не повсюду. Я понимаю, когда в какой-нибудь глуши нет никаких транспортных артерий, кроме нашей колеи. Да и то зачастую можно воспользоваться услугами авиации или речного флота. Европейская же часть железных дорог вообще не монопольна. А какая жесточайшая конкуренция при перевозках пассажиров со стороны авиации!»⁴.

Роль железнодорожного транспорта в экономике России переоценить трудно. Даже сегодня, при растущей конкуренции других видов транспорта, на его долю приходится около 50% всего грузооборота и 40% всего пассажирооборота. В этой связи процесс реформирования и перехода этой естественной монополии от одного типа экономики к другому был и остается значимой и актуальной научной проблемой, и необходимость реформирования анализируется в различных научных трудах⁵. Тем более что в 1990-е гг. в условиях глубокого экономического кризиса и неудачного опыта реформирования морского и авиационного транспорта централизация управления отраслью оказалась вынужденной мерой.

Реформы естественных монополий в России в каждой отрасли проводились по-разному. Во многом это зависело от того, кто стоял во главе управления отраслью. На протяжении более полутора веков железнодорожное хозяйство находилось преимущественно в государственной собственности и управлялось Министерством путей сообщения. В этой связи особую роль в осуществлении реформы естественной монополии – железнодорожного транспорта – сыграло последнее Министерство путей сообщения РФ, руководившее отраслью с 1992 по 2004 г. За эти годы МПС удалось остаться во главе управления отраслью с 1992 г., стабилизировать деятельность железнодорожного транспорта в нестабильные

1990-е гг., разработать концепцию и в результате провести реформу по передаче управления отраслью Открытому акционерному обществу «Российские железные дороги».

Очевидно, что в последнее десятилетие XX в. железнодорожный транспорт России вступал в условия борьбы с жесточайшим экономическим кризисом. Единственным способом уберечь от развала и обеспечить дальнейшее развитие российской экономики в 1990-е гг. было сохранение государственного управления в железнодорожной отрасли, обеспечивающей больше половины всех грузовых и пассажирских перевозок страны. Управление железнодорожным транспортом в союзном государстве имело определенные особенности: в республиках собственных органов управления этой отраслью экономики не было, оно осуществлялось из единого центра Министерством путей сообщения СССР. В случае полной ликвидации МПС после распада союзного государства кризис системы управления железнодорожным хозяйством страны был бы неминуем. По этой причине руководство МПС обратилось к Президенту РФ Б.Н. Ельцину с просьбой о сохранении МПС СССР в качестве Министерства Российской Федерации и получило одобрение. После распада Союза на Министерстве путей сообщения России оставалась ответственность за организацию межгосударственного железнодорожного сообщения с бывшими союзными республиками, которая к 14 февраля 1992 г. вылилась в создание Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества Независимых Государств с местом нахождения в Москве.

Во главе с Министерством путей сообщения РФ железнодорожный транспорт России вступил в новый период – период организационного укрепления, реформирования и дальнейшего развития в условиях новой российской государственности.

В вопросе сохранения Министерства как органа управления железнодорожным транспортом России мнение железнодорожников во главе с первым министром Г.М. Фадеевым очевидно – МПС надо было сохранить во что бы то ни стало. Противоположная точка зрения на сегодняшний день пока представлена трудами разработчиков реформы «МПС-РЖД» и ее аналитиков. На наш взгляд, Министерство путей сообщения РФ создавалось в 1992 г. с учетом того, что через пять-десять лет отрасль ждут большие перемены. Учитывая тот факт, что железнодорожный транспорт является фактически главным перевозчиком грузов и пассажиров на огромной территории, на риск возможного развала отрасли, что, например, произошло в начале 1990-х гг. при реструктуризации управления авиационным и морским транспортом, российское руковод-

ство не пошло и создало временной задел в 10 лет для просчета дальнейших преобразований. Данный шаг имел свои положительные результаты: железнодорожный транспорт – единственный из всех видов транспорта России, преобразования в котором в рамках перехода к рыночной экономике в стране произошли наиболее болезненно.

Переняв не только организационную структуру МПС СССР, но и в значительной степени его кадровый состав, и в первое время формы и методы работы, новое министерство проработало в таком виде практически до 1996 г. В целях унификации структуры центральных аппаратов федеральных ведомств в 1996 г. в структуру МПС были введены департаменты⁶. Это изменение позволило в дальнейшем перевести структуру центрального аппарата министерства в структуру ОАО «Российские железные дороги» с минимальными изменениями. Во исполнение принятых правительством программ по сокращению штатов центральных аппаратов федеральных ведомств центральный аппарат МПС с 1992 по 2003 г. был сокращен практически вдвое, а с созданием ОАО «Российские железные дороги» (РЖД) накануне ликвидации министерства – еще настолько же⁷.

В 1996 г. руководство страны стало настаивать на ускорении процесса внедрения рынка в отрасли, однако первый российский министр Г.М. Фадеев придерживался более консервативного пути. Тем самым министр фактически подтолкнул руководство на поиски нового руководителя железнодорожного транспорта, более лояльного принятому в стране курсу. Министр-хозяйственник Г.М. Фадеев, сохранивший отрасль и стабилизировавший ее работу в первой половине 1990-х гг., на роль рыночника-управленца не подходил и был заменен сначала А.А. Зайцевым, проработавшим на посту чуть более 7 месяцев, а затем Н.Е. Аксененко, который, по сути, ввел отрасль в рынок и тем самым ускорил и реализовал процесс эволюции министерства в открытое акционерное общество.

Подготовка к проведению реформы велась задолго до ее начала. С момента создания министерства в 1992 г., помимо обеспечения повседневной работы железнодорожного транспорта, на плечи центрального аппарата легли задачи по постепенному внедрению в деятельность новых принципов управления.

Работа МПС по подготовке реформы проводилась в нескольких направлениях: акционирование и приватизация предприятий отрасли; совершенствование структуры управления на транспорте; техническая модернизация отрасли; внедрение маркетинговых принципов в работу железнодорожного транспорта.

Под акционирование были отданы предприятия, чья деятельность не связана непосредственно с организацией перевозочного процесса⁸. В рамках совершенствования структуры управления железнодорожным транспортом МПС ликвидировало порядка 40 отделений железных дорог, велось обсуждение по созданию самостоятельных структур в пассажирских перевозках и перевозках грузов рефрижераторным составом⁹. В направлении технической модернизации отрасли было учреждено Российское акционерное общество «Высокоскоростные магистрали»; заключены контракты с Федеральным министерством транспорта ФРГ на закупку подвижного состава и оборудования и др.¹⁰ С целью решения проблемы конкуренции с другими видами транспорта пересмотрели отношение к покупателям железнодорожных «услуг» и создали систему фирменного транспортного обслуживания на транспорте¹¹.

К 1996 г. руководство МПС, заручившись поддержкой работников отрасли на Всероссийском съезде железнодорожников 17–18 мая, пришло к выводу, что реформа отрасли необходима. По результатам Съезда были приняты «Основные направления развития и социально-экономической политики железнодорожного транспорта на период до 2005 г.», которые определили план дальнейшего развития и совершенствования деятельности транспорта.

Для разработки программных документов реформы обратились к международному опыту Германии, Швеции и Великобритании. В результате руководство МПС пришло к выводу, что российская реформа пойдет своей дорогой. Соглашаясь с вышесказанным, отметим, что применять «чужие модели» реформ на территории России сложно хотя бы потому, что экономические условия их реализации в европейских странах были гораздо лучше тех, в которых находились российские железные дороги в конце XX в.

В период с 1997 по октябрь 2003 г. было принято три программных документа по реформированию управления железнодорожным транспортом: Указ Президента «Об Основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий» 1997 г., «Концепция структурной реформы федерального железнодорожного транспорта» 1998 г. и «Программа структурной реформы на железнодорожном транспорте» 2001 г.

С издания 28 апреля 1997 г. Указа Президента РФ о реформе естественных монополий фактически был дан старт активным преобразованиям в железнодорожной отрасли. В документе были приведены основные проблемы, цели, направления и этапы реализации структурной реформы, и одним из необходимых условий была названа необходимость разработать программу реформирования.

Разработкой «Концепции...» занялись в сентябре 1997 г. – тогда был представлен ее первый вариант, а 15 мая 1998 г. – принят окончательный вариант. Реализация «Концепции...» проводилась с 1998 по 2001 гг. и в ее основе лежали мероприятия по подготовке железнодорожного транспорта к разделению на монопольный и конкурентный сектора. МПС решало вопросы по снижению тарифов, передаче малодеятельных железнодорожных линий субъектам РФ, созданию грузовых компаний-операторов, дирекций по перевозке пассажиров, передаче социальных объектов в государственную и муниципальную собственность, акционированию и приватизации непрофильных предприятий¹². Однако не все мероприятия удалось реализовать в полной мере.

В течение 2000 г. шла подготовка Программы реформы, которая была принята 18 мая 2001 г. До осени 2003 г., помимо реализации затянувшихся в решении концептуальных задач, МПС проводило работу по разделению функций государственного управления и хозяйственного ведения на железнодорожном транспорте с целью последующей передачи хозяйственных функций создаваемому ОАО «РЖД». Есть все основания полагать, что конечным результатом реформы руководство министерства видело сохранение МПС в структуре федеральных органов исполнительной власти России как органа, осуществляющего государственное управление железнодорожным транспортом и ряд специализированных перевозок в целях обороны страны¹³. Однако планам ведомства не суждено было сбыться.

Период с октября 2003 по март 2004 г. стал решающим в реформировании управления железнодорожным транспортом: в 2003 г. была создана Компания ОАО «Российские железные дороги», а в 2004 г. – в рамках проводимой в стране административной реформы – ликвидировано Министерство путей сообщения РФ. В управлении железнодорожным транспортом были выделены две составляющие: организация и управление перевозочным процессом и государственное регулирование деятельности отрасли. Функции МПС, осуществлявшего около полутора столетий и то и другое, были распределены между ОАО «РЖД», Министерством транспорта РФ, Федеральным агентством железнодорожного транспорта и Федеральной службой по надзору в сфере транспорта. И если создание ОАО «РЖД» было необходимой мерой, без которой не видится возможным дальнейшее развитие железнодорожной отрасли в условиях рынка, то разделение вопросов государственного регулирования между тремя органами вместо одного было, скорее, веянием времени и мероприятием, результаты которого еще требуют взвешенной оценки в будущем.

Таким образом, овладев всем хозяйством монополиста-гиганта МПС, ОАО «РЖД» стало новой страницей в истории железнодорожного транспорта России. Как написали позднее директор НИУ управления качеством на железнодорожном транспорте ПГУПС А.Е. Красковский и заведующий кафедрой истории ПГУПС В.В. Фортунатов, реформа явила результатом создание «гигантской компании с уставным капиталом – больше, чем у РАО «ЕЭС» и «Газпрома» вместе взятых»¹⁴. Так, управление железнодорожным транспортом эволюционировало из министерства в акционерное общество.

По итогам второго этапа реформы в 2006 г. президент Компании В.И. Якунин подтвердил правильность избранной эволюционной стратегии преобразований:

Формируя рыночную модель, мы исходим из того, что «рынок» не самоцель, а инструмент повышения эффективности экономики. Результаты двух первых этапов реформирования показывают, что избранный эволюционный путь реформирования железнодорожного транспорта себя полностью оправдал и обеспечил стабильность и устойчивый рост в сфере железнодорожного транспорта¹⁵.

Заявленная идея демонополизации железнодорожного транспорта в результате тоже оставила больше вопросов, чем ответов. В 2013 г. в интервью журналу «Отечественные записки» генеральный директор Института проблем естественных монополий Ю.З. Саакян сообщил, что по итогам изучения Институтым реформ железнодорожного транспорта во многих странах выяснили, что уровень конкуренции на железнодорожном транспорте во всем мире достаточно низкий. В качестве примера были приведены немецкие железные дороги, на которых лицензии на перевозки имеют около 400 компаний, но при этом 80 % всех перевозок осуществляет Deutsche Bahn¹⁶.

В целом оценка результатов реформ естественных монополий, данная директором Института, многое объясняет в проведенных преобразованиях:

Я вообще не разделяю веры, что конкуренция – всегда хорошо, потому что конкуренция – всего лишь инструмент. <...> У нас очень много внимания уделяют естественным монополиям, говорят, что это плохо. Хорошо, давайте их называть не естественными, а инфраструктурными монополиями. Но давайте признаем, что все-таки наши предшественники создали действительно уникальные инфраструк-

туры – и энергетическую, и железнодорожную. И когда мы говорим, что монополия это плохо, давайте спросим себя – а мы в состоянии построить параллельные железнодорожные пути или вторую единую энергосистему?.. Это первое. А второе – у нас что, везде совершенная конкуренция и самое главное зло это естественные монополии? У нас есть конкуренция в нефтяной отрасли, розничной торговле, которая во всем мире является самым конкурентным видом деятельности? У нас какой бизнес ни копни, везде окажутся монополии¹⁷.

На наш взгляд, с этим мнением нельзя не согласиться. Хотя невольно и возникает вопрос: «А была ли реформа?».

Примечания

- ¹ Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М., 2012. С. 461–463.
- ² Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: Очерки. М., 2005. С. 236–237; Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К. История современной России: Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М., 2011. С. 228; Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 203.
- ³ Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СЗ РФ. 1995. № 34. Ст. 3426; Федеральный закон от 25 августа 1995 г. № 153-ФЗ «О федеральном железнодорожном транспорте» // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3505.
- ⁴ ОАО «РЖД»: будущее начинается сегодня // Экспресс Интернет. 2003. № 11. С. 5.
- ⁵ Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: Очерки. М., 2005. С. 236–237.
- ⁶ Постановление Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1212 «Об образовании департаментов в центральном аппарате Министерства путей сообщения РФ» // СЗ РФ. 1996. № 43. Ст. 4942.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1 (ч. 1). Д. 182. Л. 1–164; Номенклатура дел Управления делами Министерства путей сообщения РФ. 2003. Д. Д-15, Д-18.
- ⁸ Указ Президента РФ от 26 августа 1992 г. № 954 «Об акционировании на железнодорожном транспорте» // САПП РФ. 1992. № 9. Ст. 598; ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1 (ч. 1). Д. 13. Л. 65–73.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 10165. Оп. 1 (ч. 3). Д. 656. Л. 209; Оп. 1 (ч. 4). Д. 971. Л. 165; Оп. 1 (ч. 5). Д. 1310. Л. 122, 176–177, 195–196; Д. 1296. Л. 51, 52, 72, 73, 96, 97, 175, 176.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1 (ч. 1). Д. 30. Л. 244–245.
- ¹¹ Галиева Д.С. Из истории модернизации железнодорожного транспорта России на рубеже XX–XXI вв. // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 138–149.

- ¹² ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1 (ч. 6). Д. 1955. Л. 80–84; Д. 1585. Л. 151–153; Д. 1950. Л. 167–177; Д. 2359. Л. 4, 8–10, 18, 28; Д. 2271. Л. 37–40.
- ¹³ Номенклатура дел Управления делами МПС РФ на 2003 год. Д. Ц-13. Т. 2. Л. 17–18.
- ¹⁴ *Красковский А.Е., Фортунатов В.В.* Принятие управленческих решений на железнодорожном транспорте: История и современность: Монография. СПб., 2009. С. 227.
- ¹⁵ *Якунин В.И.* Об итогах производственно-финансовой деятельности ОАО «РЖД» в 2006 г. и задачах по обеспечению эффективной работы компании на 2007 г.: Доклад президента ОАО «РЖД» на расширенном итоговом заседании Правления ОАО «РЖД» 18 декабря 2006 г. // Железнодорожный транспорт. 2007. № 1. С. 8.
- ¹⁶ *Саакян Ю.* Демонополизация – не панацея: Интервью // Отечественные записки. 2013. № 3. С. 133.
- ¹⁷ Там же. С. 140.

Историография и источниковедение: русская государственность

Л.Д. Шаповалова

О научном творчестве профессора Т.П. Коржихиной

В статье рассматриваются этапы профессиональной биографии специалиста в области истории русской государственности и общественных организаций XX в. профессора РГГУ Т.П. Коржихиной. Анализируются ее основные работы, дается оценка ее вклада в изучение политической истории России XX в.

Ключевые слова: русская государственность, государственный аппарат, государственные учреждения, общественные организации, административно-командная система управления, советская номенклатура.

Научное наследие историка русской государственности и общественных организаций XX в. профессора РГГУ Т.П. Коржихиной (1932–1994) представлено опубликованными работами (около 100) и материалами научной деятельности, хранящимися в ее личном фонде в архиве РАН (Ф. 2058). Всестороннее осмысление и оценка научного творчества Т.П. Коржихиной – задача будущих исследователей.

В настоящей статье рассматриваются основные этапы профессиональной биографии Т.П. Коржихиной и наиболее значимые работы и дается общая оценка ее научного наследия.

Почти вся жизнь Т.П. Коржихиной связана с Московским государственным историко-архивным институтом (МГИАИ). Здесь она училась, здесь ровно 30 лет студенты слушали ее лекции.

К началу педагогической деятельности в 1965 г. у Т.П. Коржихиной за плечами уже был немалый опыт работы в архивной отрасли. После окончания Московского государственного историко-архивного

института в 1954 г. она была направлена в распоряжение МВД Якутской АССР и назначена начальником архивного отдела министерства. Результатом работы в Якутии стала не только кандидатская диссертация «Создание советской государственности и государственного аппарата в Якутии (1917–1922 гг.)» (1964 г.), но также ряд справочников и документальных публикаций по истории Якутии в начале XX в.¹ Первые путеводители по Центральному государственному архиву Якутской АССР также были подготовлены при ее непосредственном участии, она явилась их редактором и автором предисловия².

Спустя четыре года она вернулась в Москву и с 1957 г. начала работать в только что созданном Центральном государственном архиве РСФСР на Бережковской набережной (ныне – ГА РФ). Здесь по ее инициативе был подготовлен первый, уникальный по тем временам, справочник «Высшие органы государственной власти и центрального управления РСФСР», за который в 1962 г. она была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР³.

И все же, почему именно госучреждениям было отдано сердце Татьяны Петровны? Позднее она вспоминала: «С третьего курса у нас начались специальные предметы. В том числе и история государственных учреждений. Читал курс доцент Н.П. Ерошкин. Он был тогда молод, остроумен, каждая его лекция была событием. Он как-то умел сочетать в лекции и строгую последовательность изложения материала, и концептуальность, и в то же время любовь к факту, вкус к деталям, даже анекдот. И из всех спецдисциплин “госы” мне понравились больше всего, хотя нам читались и такие курсы, которые давно уже в институте исчезли, например, “Экономическая география”, “История литературы” и многие другие... После курса Н.П. Ерошкина я уже поняла, что буду заниматься именно историей госучреждений», – писала она в своих воспоминаниях в 1994 г.⁴

Уже к началу 1970-х гг. Т.П. Коржихина обладала обширными знаниями по истории советского государственного аппарата, блестяще читала лекции и вела семинарские занятия. Она быстро стала одним из ведущих преподавателей возглавляемой Н.П. Ерошкиным и популярной среди студентов кафедры истории госучреждений, на которой вместе с ней работали такие яркие специалисты, как А.Д. Степанский и Т.М. Смирнова⁵. Студенты с первых ее лекций чувствовали, что перед ними – профессионал, человек, знающий и любящий свое дело. Многие из них стремились защищать у нее дипломные работы. С 1965/66 по 1992/93 учебный год под ее

научным руководством были подготовлены 261 дипломная работа, из них: 177 – защищено на «отлично»; 82 – на «хорошо», 2 – на «удовлетворительно». В среднем получается более 9 работ в год. И это были не типовые темы – это «штучное» производство!

Т.П. Коржихина, не жалея времени, помогала молодым исследователям и определила судьбу многих из них. В ее личном архиве хранятся письма учеников, многие из которых впоследствии стали докторами и кандидатами наук: Н.В. Киселевой, А.В. Крушельницкого, В.С. Соболева, В.Б. Шепелевой, В.В. Фортунатова и других, всего около 40 человек. Под ее непосредственным руководством было защищено 4 кандидатские диссертации и 1 докторская. Из учеников Т.П. Коржихиной стали кандидатами и докторами наук 12 человек.

Т.П. Коржихина внесла огромный вклад в формирование в Историко-архивном институте научной школы историков отечественного государственного аппарата. Ее первое большое учебное пособие по истории госучреждений СССР было опубликовано в 1974 г. и спустя десятилетие превратилось в учебник⁶.

В 1980-е гг. Татьяна Петровна постоянно консультировала руководителей министерств, других государственных органов, научно-исследовательские организации, издательства, киностудии. В ее личном фонде имеется переписка за 1987–1992 гг. с редакциями журналов, газет и издательствами о публикации ее работ, с Университетом Питсбурга (США) о подготовке справочника по Смоленскому архиву. Среди адресатов Т.П. Коржихиной – доктора исторических наук М.П. Ирошников и В.С. Познанский, американские историки К. Трансехел и Дж. Брэдли, член Союза композиторов СССР И.И. Акбаров и многие другие.

Наиболее плодотворным оказалось для Т.П. Коржихиной последнее десятилетие ее жизни. Оно совпало с началом перестройки в обществе, политики гласности. Т.П. Коржихиной удалось избежать соблазна писать во все вновь появившиеся газеты и журналы, рассказывать о пикантных исторических фактах с экрана телевизора. Но каждая ее статья в научных изданиях в эти годы не оставалась незамеченной: она писала о кооперации, военной реформе 1920-х гг., сущности советского бюрократизма, борьбе с алкоголизмом в годы нэпа, профсоюзах интеллигенции⁷.

Во второй половине 1980-х гг. с легкой руки известного экономиста, первого мэра Москвы Гавриила Харитоновича Попова в публицистике тех лет появился термин «административно-командная система». И Т.П. Коржихина сосредоточила свое внимание на концепции административно-командной системы управления

(АКСУ). В вышедшем под ее редакцией сборнике статей «Административно-командная система управления: Проблемы и факты» она отмечала, что возникновение АКСУ связано с множеством экономических, политических, исторических, личностных и иных причин. Складывание именно такой системы произошло в условиях острейшей внутривластной борьбы, в которой большинство приняло сторону тех, за кем была сила, а не истина. Т.П. Коржихина выделила основные системообразующие черты АКСУ: а) умаление роли Советов, отстранение их от власти, подмена лозунга «Власть трудящихся» лозунгом «Власть для трудящихся»; б) «чрезвычайщина», т. е. совокупность принципов, методов, приемов управления, основанных на массовых репрессиях и административном принуждении; в) гипертрофированная роль государственного аппарата, его увеличение и сращивание с партийным; г) номенклатурный принцип назначения на руководящие должности⁸.

Одной из первых отечественных авторов она поставила вопрос о месте партийной номенклатуры во всех звеньях политической системы, в том числе в общественных организациях. Проблемам создания и функционирования номенклатурного механизма в советский период был посвящен ряд статей и разделов в монографиях и учебниках⁹. Говоря о причинах складывания номенклатурного механизма, Т.П. Коржихина подчеркивала, что номенклатура – явление, присущее однопартийной системе, когда в стране действует политическая партия непарламентского типа, претендующая на роль руководителя всего общества. Ее возникновение нельзя приписывать одному лицу, номенклатурный принцип практиковался во всех странах социалистической системы. Развивая точку зрения Т.П. Коржихиной, современные исследователи В.П. Пашин и Ю.П. Свириденко отмечали, что номенклатура – следствие общественной системы в целом, что она отражала суть созданного общества и определялась объективными социально-экономическими и культурными условиями России¹⁰.

В 1991 г. Т.П. Коржихина завершила работу над вторым изданием учебника по истории государственных учреждений¹¹. В нем осуществлен новый подход к оценке Советского государства. Т.П. Коржихина отмечает, что, не принимая буржуазного парламентаризма и отвергая принцип разделения властей, В.И. Ленин придерживался марксистской модели пролетарского государства – коммуны, совмещающей в одном органе законодательные, исполнительные и судебные функции («работающая корпорация»). Выбор формы государства был сделан в пользу республики Советов. Однако в силу ряда обстоятельств, среди которых Т.П. Коржихина особенно вы-

деляла общую культурную и политическую отсталость широких масс, советы не смогли справиться с громадным объемом властных и управленческих функций. На эту же причину указывали впоследствии и многие другие авторы. По ее мнению, именно в силу этого на смену одной концепции государства пришла совершенно иная – в центр политической системы советского общества были поставлены не советы, а коммунистическая партия. Советы же оставались лишь в виде одного из рычагов управления государством в руках партии. Став монопольно правящей, партия вступила на путь слияния с государством, что в конечном счете и привело к подчинению ей государственных структур и общественных организаций. Опубликованный в 1994 г., учебник был награжден дипломом Росархива уже после смерти автора.

Другим магистральным направлением научного творчества Т.П. Коржихиной была история общественных организаций советского периода, которой она стала заниматься с конца 1960-х гг. В 1973 г. в журнале «Советские архивы» ею была опубликована статья о комплектовании государственных архивов СССР материалами общественных организаций¹². По существу, речь шла не столько о совершенствовании работы государственных архивов, сколько об изучении новых сторон истории советского общества, в котором преобладало пренебрежительное отношение к так называемой гражданской истории. Абсолютное большинство исследований по истории советского общества было посвящено партийно-революционной тематике, а изучение конкретных общественных объединений, за исключением, разумеется, профсоюзов и комсомола, оставалось инициативой одиночек. Эта часть отечественной истории не пользовалась поддержкой государственных структур, к тому же требовала кропотливой и многолетней работы в архивах. Это было своего рода подвижничество, которое столь характерно для Татьяны Петровны.

Актуализируя это направление исторической науки, Т.П. Коржихина вела большую популяризаторскую работу. Она читала лекции по истории общественных организаций во всех центральных архивах Москвы и сумела заинтересовать этой темой многих архивных работников.

Первым подступом к обобщению накопленного материала стало вышедшее в 1981 г. учебное пособие «Общественные организации СССР в 1917–1936 гг.». Практика публикации монографий в форме учебных пособий была распространена в МГИАИ. В нем она попыталась дать классификацию общественных организаций, проанализировать политику правящей партии по отношению к

существовавшим и вновь создаваемым обществам и союзам¹³. Через три года была опубликована новая работа – «Общественные организации СССР. 1917–1936 гг. (Профсоюзы интеллигенции)», в которой рассматривалась история организации и деятельности профессиональных союзов учителей, научных, инженерно-технических и медицинских работников, деятелей искусства¹⁴. Оба пособия, изданные небольшими тиражами и быстро ставшие библиографической редкостью, не потеряли своей научной значимости и сегодня.

Логическим продолжением этого направления научного творчества Т.П. Коржихиной стала блестящая защита в октябре 1986 г. докторской диссертации, посвященной общественным организациям 1920–1930-х гг. Отличительная особенность метода автора состоит в том, что история общественных организаций органично вписана в контекст развития отечественной науки и культуры первой трети XX в. Для автора характерен конкретно-исторический подход к оценке тех или иных обществ и союзов, их руководителей. Разумеется, сегодня лозунг типа «Довольно “Сильвой” опозлять пятилетку» вызывает улыбку, а в 1928 г. он никого не шокировал и вполне вписывался в преобладающее настроение большинства деятелей культуры, когда, казалось, человечество в лице страны Советов осуществляет дерзкий прорыв в будущее, а прежняя культура должна уйти в прошлое, став лишь достоянием музеев.

Исследования Т.П. Коржихиной положили начало становлению в научной историографии проблемы общественных формирований в Советском государстве. Ее трудами впервые была представлена общая история общественных организаций в 1917–1936 гг., исследована терминология, дана их классификация и периодизация. Заложена Т.П. Коржихиной методика исследования общественных объединений используется и сегодня. Ее подходы развиваются в работах ее учеников и современных исследователей – И.Н. Ильиной, Н.В. Киселевой, Л.Д. Шаповаловой и другими.

При этом, как и ранее, она много внимания уделяла подготовке учебной и методической литературы. В 1992 г. вышли в свет два составленных Т.П. Коржихиной указателя опубликованных источников и литературы, над которыми велась непрерывная работа в течение 16 лет¹⁵. Оба эти издания являются уникальными, не имеющими аналогов, и включают около пяти тысяч названий опубликованных источников и литературы по истории государственных учреждений и более трех тысяч – по истории советских общественных организаций. В личном архиве Т.П. Коржихиной они составляют 53 ящика-картотеки, каждая запись в которой сделана ею

от руки. И сейчас, в эпоху компьютерных технологий, указатели Т.П. Коржихиной широко используются как в учебном процессе, так и в научно-исследовательской деятельности.

В начале 1990-х гг. Т.П. Коржихиной была подготовлена монография «Извольте быть благонадежны!», посвященная творческим союзам в области литературы и искусства первой трети XX в. Монография была издана уже после смерти Татьяны Петровны в 1997 г. одним из самых любимых ее учеников, профессором РГГУ А.С. Сениным¹⁶. Основной проблемой исследования стали взаимоотношения власти и искусства. Само название книги, восходящее к указу Екатерины II о создании первой в России общественной организации – Вольного экономического общества, глубоко символично. Оно уже на протяжении более двух столетий характеризует отношение власти к обществу. Не боясь упреков либеральной общественности, Т.П. Коржихина подчеркивает, что власть опиралась на поддержку, подчас искреннюю, многих мастеров культуры. Особое внимание автором уделено роли государственной идеологии в формировании официальной политики по отношению к творческим организациям, деятельности Агитпропа ЦК ВКП(б) и Наркомата просвещения РСФСР по созданию «пролетарского» искусства и органов цензуры. Еще одной характерной особенностью монографии является богатейшая источниковая база. Впервые в научный оборот были введены многочисленные документы по истории творческих союзов, хранящиеся в ГА РФ, РГАЛИ, РГАСПИ, других архивах и рукописных отделах библиотек.

Исследования Т.П. Коржихиной по истории российской общественности вылились в спецкурсы «Общественные движения и общественные организации в России», «Власть и искусство: из истории общественных организаций в области литературы и искусства», ставшие одними из самых популярных на факультете архивного дела.

В 1992–1993 гг. Т.П. Коржихина написала монографию о первом народном комиссаре торговли и промышленности РСФСР В.П. Ногине. Она не рассчитывала на публикацию, ибо по российской традиции любви к крайностям в начале 1990-х гг. интерес к ленинскому окружению пропал. Хотя история о том, как революционер-профессионал стал в годы нэпа преуспевающим коммерсантом, весьма поучительна и сегодня. Рукопись монографии до сегодняшнего дня не опубликована.

Т.П. Коржихина стояла у истоков разработки теоретических проблем истории российской государственности. В 1993 г. она вместе с А.С. Сениным, тогда – доцентом кафедры истории госучреждений,

получила грант Международного фонда «Культурная инициатива» на подготовку принципиально нового вузовского учебника «История российской государственности». В первой половине 1990-х гг. термин «государственность» замелькал в средствах массовой информации, постоянно был на устах политиков. Однако мало кто задумывался о его содержании. Т.П. Коржихина выделила основные элементы государственности, к которым относила: а) государственный строй (форма правления и государственного устройства; политический режим); б) механизм управления страной, государственный аппарат; в) государственную службу (служащих, приводящих этот аппарат в движение); г) государственную идеологию, т. е. то, что придает государственной деятельности осмысленный характер. Анализ этих компонентов и была посвящена ее последняя работа¹⁷. И сегодня такое понимание понятия «государственность» не оспаривается историками-государствоведами. Татьяна Петровна поставила последнюю точку в рукописи за десять часов до своей смерти.

Библиографический указатель трудов профессора Т.П. Коржихиной включает около 100 публикаций за почти 40 лет профессиональной деятельности, что по современным меркам относительно немного¹⁸. Из них – 9 составляют книги (без переизданий), три из которых увидели свет после смерти автора. Она не занималась «научным туризмом», у нее нет «проходных» работ, написанных по случаю. Каждая ее работа, каждая статья имела резонансный характер – это новый взгляд, новая концепция, новое прочтение. Уже сейчас, спустя чуть более 20 лет после ее ухода, можно со всей определенностью говорить о ее заметном вкладе в разработку ключевых проблем российской государственности, в становление научной историографии истории советской общественности XX в., в формирование научно-педагогической школы кафедры истории госучреждений.

Признанием заслуг Т.П. Коржихиной является наличие всех основных ее работ в Библиотеке Конгресса (США), в библиотеках западных университетов.

* * *

В завершение краткого историографического обзора научного творчества профессора РГГУ Татьяны Петровны Коржихиной поделимся личными воспоминаниями о ней.

В жизни многих из нас были люди, которые определили судьбу. Одним из таких людей для меня стала Татьяна Петровна.

Мое заочное знакомство с ней произошло задолго до того, как я ее увидела впервые. Мне было 20 лет, я работала в первом архиве

страны – ЦГАОР СССР и, как и половина всей архивной молодежи, одновременно училась в МГИАИ. В архивном городке ее знали многие: и старые сотрудники, и недавние выпускники, и многие студенты. Уже тогда, в конце 1970-х гг., она была популярной личностью: о ней говорили, ее хвалили, многие хвастались знакомством с ней. Я училась на вечернем отделении, а она преподавала на дневном и заочном, так что наши пути долгое время не пересекались.

И вот однажды, где-то в 1977–1978 гг., в зале коллегии Глав-архива должна была состояться ее лекция об «Обществе старых большевиков». С затаенным интересом и с большими ожиданиями я пришла послушать ее. Ее выступление было лишено внешних эффектов. На мой взгляд, она не была записным оратором. Ее отличали серьезность подхода, точность, глубина проработки вопроса и отсутствие всякой «рисовки». Чувствовалось, что за этим стоит большой труд. В конце лекции она обратилась к присутствующим со страстным призывом изучать историю общественных организаций, что и определило мою дальнейшую судьбу. Я знаю не один пример, когда под ее влиянием люди круто меняли свою жизнь. Ее дипломник, студент-заочник, Александр Кокурин бросил хорошо оплачиваемую работу в Министерстве обороны и перешел в архив, чтобы заниматься наукой.

Дипломную работу я, конечно же, писала у нее. Татьяна Петровна не была щедрой на похвалы, но замечаний по работе у нее не было. Однако на защите зимой 1981 г. она не присутствовала: в этот день ей предстояла медицинская операция. Тем не менее она хлопотала обо мне: ее коллеги по кафедре присутствовали на защите дипломной работы студентки-вечерницы! Холодным февральским днем, когда она была уже дома, я приехала к ней с букетом. «Не вози мне эти веники», – сказала она и подарила мне по случаю защиты очки в синей оправе, дефицитные по тому времени. Вот такими нетривиальными складывались наши отношения.

Благодаря ее уговорам, я оформилась соискателем на кафедре истории государственных учреждений и начала работать над диссертацией. Тему я не выбирала: архивное руководство определило мне заниматься профсоюзами, фонды которых хранились у нас в ЦГАОР СССР. Я была недовольна, хотела все бросить, жаловалась Коржихиной, но она сказала, что неинтересных тем не бывает, и при первой же встрече обозначила мне круг проблем, на которые я и ориентировалась в дальнейшей работе.

Незадолго до защиты между аспиранткой (к тому времени я уже поступила в заочную аспирантуру) и научным руководителем

произошел конфликт. В октябре 1988 г. нужно было представить готовую работу для обсуждения на кафедре. Все отпуска мною уже были использованы, писала вечерами после работы и не успевала... Позвонила Коржихиной с просьбой перенести срок на две недели и услышала: «Если не представишь в срок, я не буду читать твою работу до обсуждения на кафедре. Звони завкафедрой и договаривайся обо всем сама». После этого мы долго не разговаривали! Кому-то такого рода нарушения могут показаться мелочами. Но для Татьяны Петровны это была не мелочь! Абсолютно серьезное и честное отношение к работе позволяли ей требовать такого же отношения и от других. Она долго сомневалась в своих способностях защитить докторскую диссертацию. Однажды я услышала от нее: «Я хороший доцент, но не профессор».

На обсуждении моей диссертации один из членов кафедры заметил, что в работе чувствуется «рука Коржихиной». Тогда мне было обидно такое слышать, поскольку Татьяна Петровна сдержала слово и смотрела мою работу одновременно со всеми. Позднее я поняла, что «рука Коржихиной» неизбежно лежит на всем, что я делаю. Это и есть «школа»! Только после обсуждения наши отношения восстановились.

В июне 1989 г. состоялась моя защита. И снова ее не было. Теперь случился инфаркт. И опять, как восемь лет назад, лежа в больнице, она помнила обо мне и отвечала за меня. По телефону она продиктовала текст для моего выступления, а членов кафедры «обязала» восполнить ее отсутствие. Пришли даже ее младшие аспиранты! На следующий день мы с Александром Сениным приехали к ней в больницу, подробно рассказали о защите. Это была первая защита диссертации под ее научным руководством, и, как мне показалось, она осталась довольна. На этот раз против цветов она не протестовала, видимо, сил было мало.

Со своими дипломниками и аспирантами она часто работала дома. Ее комната в коммунальной квартире в центре Москвы поражала своими размерами, количеством книг и каталожных ящичков, в которых хранилась ее знаменитая картотека. Ящички занимали полстены и, как правило, в них находился материал по любой теме. Простота обстановки, отсутствие какой-либо роскоши, все в организации домашней жизни было подчинено работе. Единственной роскошью, которую она себе позволяла, была сигарета. Во время разговора она затягивалась, курила красиво, вкусно, а пепельницами ей служили жестяные банки с крышками из-под леденцов. Сколько студентов и аспирантов помнят эту комнату с неярким светом настольной лампы на письменном сто-

ле, над которым в медальонах висели фотографии близких людей. Во время таких встреч речь часто шла не только о работе, но и о жизни вообще. Однажды, это было в середине 1980-х гг., она у меня спросила, не состою ли я в партии. На мой отрицательный ответ сказала, что в этом случае о вузе думать нечего и на кафедру я не попаду. Честно говоря, я никогда об этом и не думала, меня вполне устраивала работа в архиве, а выступлений на аудитории я панически боялась.

И все-таки по трагическому стечению обстоятельств я попала на кафедру. В 1994 г., когда Татьяны Петровны не стало, на кафедре освободилось место, ее место, на которое меня и пригласили. Долго и мучительно размышляла я над предложением. Но и это мое решение, как это ни странно, определила Татьяна Петровна! Я увидела сон, в котором она одобрила мой переход.

Никогда на похоронах преподавателей я не видела такого количества учеников: были и давно окончившие, и учившиеся, и живущие в Москве, и приехавшие издалека. Половина сотрудников ЦГАОРа, моих друзей по архиву, пришли проститься с ней. В ее личном архиве, который она завещала кафедре, письма и открытки учеников, разъехавшихся по стране. В них не только поздравления, но рассказы о жизни, просьбы, вопросы. С ней советовались: женитьбу, развод, смену работы, публикацию статьи – все обсуждали с ней. Для большинства своих учеников она была главным советчиком и другом. Ее ревновали друг к другу, дружбой и близостью к ней гордились. Особую манеру речи копировали. До сих пор я узнаю эту интонацию, встречаясь с теми, кто прошел ее школу. В чем секрет ее притягательности? Думаю, что он складывался из двух качеств: самой ее жизни, которую иначе как *служением делу* не назовешь, и открытости для всех, независимо от положения и возраста.

Юность обладает удивительным свойством: все, что в ней происходит, отзывается потом всю жизнь! И сейчас, где бы я ни слышала имя «Татьяна Петровна», я невольно поднимаю глаза и вглядываюсь в человека, его произносящего. Принадлежность к ее окружению – признак «одной крови».

Примечания

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии (сборник документов и материалов). Кн. 1. Ч. 1. Якутск, 1957; Документы о революционных событиях 1905–1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957.

- 2 Краткий справочник по фондам (1701–1972 гг.) / Центр. гос. архив ЯАССР. Якутск, 1974.
- 3 Справочник о составе и содержании документальных материалов Центрального государственного архива РСФСР. М., 1959.
- 4 *Коржихина Т.П.* «Не люблю всякую неточность... и мемуарную»: Воспоминания Т.П. Коржихиной // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 72–84.
- 5 *Архипова Т.Г.* Александр Давидович Степанский: друг и коллега // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 5–10; *Она же.* Вспоминая Татьяну Михайловну Смирнову // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 138–145; *Она же.* Николай Петрович Ерошкин: человек и ученый, определивший мою судьбу // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 110–123; *Крушельницкий А.В.* О Николае Петровиче Ерошкине – преподавателе // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 118–124.
- 6 История и современная организация государственных учреждений СССР: 1917–1972 гг.: Учеб. пособие. М., 1974; История государственных учреждений СССР: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». М., 1986.
- 7 *Коржихина Т.П.* Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 20–32; *Она же.* В.И. Ленин о борьбе с бюрократизмом // Политическое образование. 1988. № 1. С. 59–66; *Она же.* Общество старых большевиков: 1922–1935 гг. // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 50–65; *Она же.* Первый правительственный кризис // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 229–243; *Она же.* Судьбы кооперации // Социалистический труд. 1991. № 9. С. 73–76.
- 8 *Коржихина Т.П.* Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления: Проблемы и факты. М., 1992. С. 4–26.
- 9 *Коржихина Т.П.* Рождение номенклатуры // Московский строитель. 1990. 27 ноября – 4 декабря. № 41. С. 11; *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Номенклатура: становление, развитие, ликвидация: 1923–1989 гг. // Курс истории в вузе: Методические материалы, тексты лекций. М., 1993. С. 57–79; *Они же.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
- 10 *Свириденко Ю.П., Пашин В.П.* Коммунистическая номенклатура: Истоки, сущность, содержание. М., 1995. С. 2.
- 11 *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». М., 1994.
- 12 *Коржихина Т.П.* О комплектовании государственных архивов СССР материалами общественных организаций // Советские архивы. 1973. № 4. С. 36–41.
- 13 *Коржихина Т.П.* Общественные организации СССР в 1917–1936 гг.: Учеб. пособие. М., 1981.

- ¹⁴ *Коржихина Т.П.* Общественные организации в СССР: 1917–1936 гг. (Профсоюзы интеллигенции): Учеб. пособие для студентов заочного факультета. М., 1984.
- ¹⁵ *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР: Материалы к источниковедению и историографии (1917–1990 гг.). М., 1992; *Она же.* Общественные организации в СССР: Материалы к источниковедению и историографии. М., 1992.
- ¹⁶ *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997.
- ¹⁷ *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995.
- ¹⁸ Татьяна Петровна Коржихина: Библиографический указатель / Сост. Л.Д. Шаповалова. М., 2016.

Новейшая историография деятельности И.В. Сталина в годы Гражданской войны

В статье рассматривается современная историография деятельности И.В. Сталина в годы Гражданской войны. В постсоветское время выявились две тенденции в оценке роли будущего «хозяина» большевистского партийно-государственного механизма. Первая – критическая, связанная с комплексной переоценкой отечественных историографических догм. Вторая – традиционная, продолжающая советские исторические каноны. Снятие «табу» с исследования вклада Л.Д. Троцкого в советское военное строительство вызвало всплеск интереса к взаимоотношениям именно этих двух руководителей партии большевиков.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Советская власть, Гражданская война, Российская коммунистическая партия (большевиков), борьба за власть, историография.

Известнейший специалист по истории советского военного строительства Ю.И. Кораблев в биографическом очерке о председателе Революционного военного совета (РВС) Республики Л.Д. Троцком 1991 г., подводя некую черту под многолетними размышлениями над ролью выдающихся личностей в годы Гражданской войны, написал: «Красную армию создавала партия большевиков во главе с Лениным, но это историческое дело... стало возможным не только благодаря поддержке рабочих и крестьян, руководству ЦК РКП(б), но потому, что занимались им... видные деятели партии и государства»¹. При этом не будет большим преувеличением утверждение, что наибольший исследовательский интерес среди видных деятелей большевистской партии и Советского государства вызывает личность будущего хозяина партийно-государственного механизма – И.В. Сталина.

Специальный анализ многочисленной научной и научно-популярной литературы по данной теме проводился относительно недавно², поэтому ограничимся характеристикой основных историографических тенденций – главным образом новейших.

Заслуживает особого внимания изданный «Политиздатом» на закате советской власти сборник весьма неравноценных по своим качествам биографических очерков о членах высшего чрезвычайного государственного (сентябрь – ноябрь 1918 г.), затем высшего военного коллегиального органа (ноябрь 1918–1923 г.) Советской России – Революционного военного совета Республики (РВСР)³. Как это ни парадоксально, сборник 1991 г., когда историки уже могли написать многое, но не решались высказать все, что думали, стал на текущий момент единственной книгой, написанной по лучшим историческим канонам – без гнева и пристрастия. В частности, Ю.И. Кораблев мастерски проанализировал военно-организационные заслуги Троцкого, а С.В. Липицкий – Сталина.

В постсоветское время выявились две тенденции – критическая, связанная с комплексной переоценкой отечественных историографических догм, и вполне традиционная, продолжающая советскую традицию. Снятие «табу» на изучение вклада в советское военное строительство Л.Д. Троцкого и его сторонников вызвало всплеск интереса именно к этим историческим деятелям, при этом началось безмерное восхваление противников И.В. Сталина и принижение личности самого будущего Генерального секретаря ЦК РКП(б) – ВКП(б). Наиболее четко эта тенденция проявилась в статье А.И. Козлова о противостоянии Троцкого и Сталина в 1918 г. и кандидатской диссертации А.Ю. Пименова по историографии военно-политической деятельности Сталина в годы Гражданской войны.

А.И. Козлов четко обозначил основные вехи противостояния Троцкого и Сталина в конце лета – осень 1918 г., однако, как представляется, он допустил одну, если так можно выразиться, психологическую ошибку. А.И. Козлов исходил из того, что Троцкий как председатель высшего *военного* коллегиального органа мог отдавать *приказы* Сталину, входящему в состав высшего органа руководства *фронта*. Действительно, с точки зрения уставных отношений основания для такого подхода имеют место; более того – именно с такой позиции конфликт рассматривал Троцкий. Но, как представляется, уставные отношения среди видных большевистских деятелей не работали. Сталин и большинство старых партийцев в годы Гражданской войны, да и позднее, расценивали Троцкого не как высшего военного руководителя, а как человека,

«вчера только»⁴ вступившего в ленинскую партию. Не учитывая это обстоятельство и взяв за основу не психологию «старых большевиков», а нормальные для любой армии понятия о субординации, А.И. Козлов по сути встал на позицию Троцкого. Отметив факт, что к критике, обрушившейся на Троцкого и его политическую линию в Красной армии «военной оппозиции», в удобный момент присоединился и Сталин, причем «ухитрившись не только уйти в тень как участник и главарь царицынских *проделок* [так в тексте. – С. В.], но и представ на съезде в облике сторонника линии ЦК», А.И. Козлов расценил этот шаг Сталина лишь как свидетельство его беспринципности. Однако исторический контекст внутрипартийной борьбы второй половины 1918 – начала 1919 г. свидетельствует, что положение было значительно сложнее: помимо прочего речь шла о членском билете Сталина в узкий круг лидеров ЦК как о ленинской плате за поддержку в схватке с блоком Свердлова и Троцкого, отстаивавшими наиболее радикальный вариант социалистической революции.

Историографическое исследование А.Ю. Пименова было подготовлено с привлечением недоступных ранее исследователям документов из фондов РГАСПИ. А.Ю. Пименов признал, что «...споры, был или не был Сталин полководцем в годы Гражданской войны, уже не актуальны. Сталин не был не только полководцем, но и военачальником»⁵. По итогам обстоятельного анализа историографии А.Ю. Пименов констатировал, что «многие вопросы» военно-организационной деятельности Сталина не получили должного освещения в научной литературе. Нельзя не отметить «отпечаток» в диссертационном исследовании позиции научного руководителя А.Ю. Пименова – Ю.И. Кораблева, который всегда искренне симпатизировал Троцкому и, если бы он трудился в 1930-е гг., несомненно, был бы обвинен в партийной ереси.

В целом в связи со значительным расширением в последние годы опубликованной источниковой базы и уточнением научных представлений о большевистском руководстве Советского государства заложенные в годы перестройки тенденции в последнее время сходят на нет. Очевидно, последним всплеском критического отношения к Сталину можно считать кандидатскую диссертацию Д.В. Дубинина. Более чем критически проанализировав как советскую, так и современную историографию (правда, несколько озадачивает отсутствие работ по истории становления советского центрального военного аппарата – С.М. Кляцкина, Я.Г. Зимина, А.В. Крушельницкого и других известных исследователей – в историографическом разделе введения и особенно в списке источников и литературы;

исключение составляют лишь труды Ю.И. Кораблева), Д.В. Дубинин поставил целью своего исследования «еще раз проанализировать военно-политическую деятельность Сталина в годы Гражданской войны и более объективно и взвешенно [чем его предшественники], на основании комплексного подхода, показать его роль в описываемом периоде истории». Для достижения этой цели Д.В. Дубинин поставил следующие задачи: «выяснить дополнительные обстоятельства участия Сталина в обороне Царицына и в решении продовольственной проблемы в 1918 г.; по-новому осветить военно-политическую деятельность Сталина в период с конца 1918 г. до осени 1919 г., в частности его участие в ликвидации последствий «Пермской катастрофы»; более подробно рассказать о военной деятельности Сталина в советско-польской войне; выяснить причины возникновения противоречивых оценок его работы на фронтах как современниками, так и последователями; осветить взаимоотношения Сталина с Лениным, Троцким и другими большевицкими руководителями; попытаться ответить на вопрос: если он успешно действовал в годы Гражданской войны, то почему его дважды отзывают с фронтов, а если провалил ряд важнейших миссий, то почему он смог остаться одним из лидеров партии после окончания Гражданской войны?» На наш взгляд, поставленные исследователем задачи слишком глобальны для кандидатской диссертации, а многократное подчеркивание Д.В. Дубининым попытки «непредвзято оценить»стораживает, т. к. ни одно исследование не может быть абсолютно объективным, хотя бы потому, что в нем так или иначе будет представлена позиция автора. В данном случае позиция историка видна уже по написанию слова «большевицкий» и многочисленным оценочным высказываниям во введении и заключении, а также в указании в разделе введения об опубликованных источниках томов 4-го и 17-го из собрания сочинений Сталина: «содержащиеся здесь [в сочинениях Сталина. – С. В.] работы будут использоваться предельно аккуратно», из чего можно сделать парадоксальный вывод, что критический подход к остальным источникам Д.В. Дубинин не предусматривает. Так или иначе, диссертация, судя по ее автореферату, вводит в научный оборот значительный массив документального материала из фондов нескольких федеральных архивов, и прежде всего РГВА и РГАСПИ. В ней достаточно полно рассматривается сталинская военно-организационная деятельность в обозначенный хронологический период, многие наблюдения ее автора представляют собой несомненную научную ценность. Диссертация может и должна явиться основой солидного монографического исследования, хотя далеко не все ее разделы можно признать удачными, а положения убедительными. Напри-

мер, начиная с самого первого: «с негативной стороны», по мнению Д.В. Дубинина, Сталина характеризует «уже фальсификация заговора военных специалистов» в Царицыне» (это при том, что наличие заговора – факт, подтвержденный Белыми источниками)^{6*}.

Советский историографический канон – правда, в несколько подлатанном и подновленном виде – отчетливо прослеживается в двух (к сожалению, практически лишенных научно-справочного аппарата) авторских статьях из популярного документального сборника В.В. Гончарова. Совершенно справедливо заметив, что Сталин вышел на одно из ведущих мест в партии в 1918 г., Гончаров включил в сборник опубликованные в советский период очерк о царицынской эпопее и документы, а в авторских статьях обобщил сведения о военно-организационной деятельности Сталина⁷. В.В. Гончаров сделал определенные наблюдения о взаимо- и противодействии вождей в царицынском конфликте, однако проживание в Санкт-Петербурге и недоступность большинства федеральных архивов, хранящих документы советской эпохи, не позволили ему достигнуть сколь-нибудь серьезной научной новизны в заявленной теме.

За несколько последних лет появились интересные публикации о конкретных аспектах военно-организационной деятельности И.В. Сталина и его взаимоотношениях с другими партийными и военными работниками. На общем фоне выделяется статья А.И. Анфертьева о сталинских взаимоотношениях с военными и политическими работниками на Южном фронте в 1918 г.⁸

В последние годы вышло два серьезных отечественных труда о И.В. Сталине: книги Ю.Н. Жукова о национальной политике большевистского руководства в целом и Сталина в частности в годы Гражданской войны, и биография вождя народов О.В. Хлевнюка. Ю.Н. Жуков изучил дискуссии в руководящем партийном ядре о строительстве Советского государства сквозь призму национальной политики большевиков⁹. О.В. Хлевнюк написал биографию Сталина с массой ценных данных о деятельности «хозяина» в поздние годы его правления, однако он не ставил своей задачей комплексное изучение партийно-государственной деятельности Сталина в 1917–1922 гг.^{10**}

По авторитетному утверждению В.И. Голдина, «комплекс принципиальных вопросов военного строительства и военной политики и дискуссии с участием представителей так называемой военной оппозиции стал предметом рассмотрения на VIII съезде партии боль-

---

* Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГОУ, 2010. С. 13.

** Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.

шевики... Думается, что при наличии значительной литературы, в которой так или иначе освещалась эта дискуссия и различные подходы к строительству Красной армии, она заслуживает обстоятельного монографического исследования»¹¹. По нашему мнению, исследовать Восьмой съезд РКП(б) 1919 г. также невозможно без комплексного переосмысления роли И.В. Сталина в годы Гражданской войны¹².

В подтверждение нашего мнения остановимся подробнее на некоторых аспектах взаимоотношений И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого по поводу обороны Царицына в 1918 г., которые освещены в нашей статье, опубликованной в 2014 г.

На Южном фронте, в 10-й его армии, сложилась руководящая группа товарищей в составе члена ЦК РКП(б) И.В. Сталина, командующего армией К.Е. Ворошилова и их сторонников – члена Реввоенсовета 10-й армии В.И. Межлаука, управляющего делами 10-й армии А.З. Каменского и других. Осенью 1918 – зимой 1919 г. указанная группа решительно выступала против Л.Д. Троцкого, его принципов и методов строительства Красной армии. В ходе противоборства Л.Д. Троцкий, помимо прочего, прибег к военно-бюрократической интриге против Ворошилова. Эта интрига имела целью снятие К.Е. Ворошилова с должности командующего 10-й армии, оборонявшей Царицын от Донской армии, и отправку его вместе с его ближайшими соратниками на другие должности подальше от Царицына.

Началось все с конфликта начальника 1-й Стальной стрелковой дивизии Д.П. Жлобы не только с самим Л.Д. Троцким и его ставленником членом Реввоенсовета 10-й армии А.И. Окуловым, но и с К.Е. Ворошиловым и В.И. Межлауком¹³. Л.Д. Троцкий для начала отправил в Царицын преданного А.И. Окулова – видного большевика, снабженного надежным мандатом, а затем организовал руками Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетиса приказ о временной замене К.Е. Ворошилова на Д.П. Жлобу.

30 ноября Вацетис отправил в Царицын командующему 10-й армией Ворошилову и в копии командующему Южным фронтом П.А. Славену телеграмму, завизированную как политическим комиссаром членом РВСР С.И. Араловым: «По прибытии в Царицын т. Жлобы Ворошилову выехат[ь] [к] главкому [в] Серпухов, а во временное командование 10-й армией вступит[ь] начальнику Стальной дивизии Жлобе»¹⁴. 4 декабря К.Е. Ворошилов был уже готов выкинуть белый флаг и уехать куда угодно по собственной воле. В этот день он телеграфировал о конфликте в руководстве 10-й армии своему доброму товарищу, члену ВЦИК А.З. Каменскому:

Ты, наверное, уже знаешь: с назначением Жлобы теперь это дело

как будто бы ликвидировано, хотя еще не вполне, так как он может приехать сюда и может подняться буря всяческих мерзостей, но все это для меня – совершенно темное дело. Кое-как уладилось теперь, но как? Для меня [это] – уже совершенно невыносимая история. Вчера Троцкий телеграфно перевел Межлаука в Казань. Перевод этот состоит в связи с теми разногласиями, которые обнаружались между мной и Межлауком, с одной стороны, и с Окуловым, с другой стороны. Разногласия, по сути дела, не стоят выеденного яйца, но такова уже природа наших бедных интеллигентов, которые умудряются все ясное и само по себе понятное возводиться в высокоумное, «истинное», с которыми потом носятся и суют их всюду, даже туда, где кроме вреда для дела, в котором они смыслят на грош, эти мудрости ничего не принесут. Положение создалось такое: Межлаук уедет, и для моего «воспитания» придет какой-нибудь другой Окулов. Я уже совершенно заработался и меня еле хватает на дело; для споров и выучки у Окуловых у меня нет ни времени, ни сил, физических и духовных. И прошу через тебя выручить меня. Голубчик, отзовите меня отсюда [Каменский не мог решить этого вопроса, и Ворошилов через него фактически обращался за помощью к И.В. Сталину. – С. В.]. Только дело нужно поручить, конечно, не Жлобе. Если же будет отозван Межлаук, я не смогу работать с Окуловым и уйду. Я больше не в состоянии усваивать той науки, которой меня взяли пичкать. Итак, я решительно и бесповоротно, в полном [о]сознании всех последствий, заявляю: я больше работать при условии недоверия центра не могу. Доложи т. Сталину и возможно скорее. Ты меня знаешь и поймешь, что я уйду безусловно, если Межлаука отзовут, уйду немедленно, хотя бы меня расстреляли!¹⁵

На первый взгляд, Л.Д. Троцкий мог праздновать победу. Во-первых, он удалил «дезорганизаторов» из Царицына. Во-вторых, К.Е. Ворошилов и В.И. Межлаук отличились и на новом месте. Воспользовавшись оторванностью Украины от Москвы и распрями во Временном рабоче-крестьянском правительстве Советской Украины, они открыто пошли против решений ЦК РКП(б) и тем постфактум доказали правоту Троцкого.

В-третьих, С.К. Минин в ноябре 1918 г. был переведен в Москву членом коллегии Наркомата по внутренним делам РСФСР и вдобавок стал агитатором-пропагандистом МК РКП(б). Очевидно, обе новых должности восторга у «старого большевика» не вызывали, что само по себе не могло не быть приятно Л.Д. Троцкому¹⁶.

Однако в конечном итоге военно-бюрократическая интрига Л.Д. Троцкого, равно как и другие его шаги, направленные против

группы Сталина и Ворошилова, обернулись для него пирровой победой. Весной 1919 г. на VIII съезде партии большевиков К.Е. Ворошилов и некоторые члены этой группы вошли в состав «военной оппозиции»: они резко выступили против военной политики руководства партии большевиков и деятельности Л.Д. Троцкого.

Таким образом, еще немало источников и новые сюжеты о роли И.В. Сталина и его сложных, конфликтных отношениях с Л.Д. Троцким ждут своих исследователей. Впереди – новые публикации российских историков.

Примечания

- ¹ *Кораблев Ю.И.* Троцкий Лев Давидович // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 – 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 55.
- ² *Пименов А.Ю.* И.В. Сталин на фронтах Гражданской войны. Царицынский период (лето – осень 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- ³ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991.
- ⁴ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 68.
- ⁵ *Пименов А.Ю.* Указ. соч. С. 20.
- ⁶ *Дубинин Д.В.* Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГОУ, 2010. С. 13.
- ⁷ *Гончаров В.В.* Возвышение Сталина: Оборона Царицына. М., 2010.
- ⁸ *Анфертьев А.И.* «Для пользы дела мне необходимы военные полномочия»: К вопросу о взаимоотношениях И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и А.Е. Снесарева в 1918 г. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 50–56.
- ⁹ *Жуков Ю.Н.* Первое поражение Сталина, 1917–1922 годы: от Российской империи – к СССР. М., 2011.
- ¹⁰ *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.
- ¹¹ *Голдин В.И.* Паутина из легенд // Родина. 2011. № 2. С. 5.
- ¹² *Войтиков С.С.* «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: Пиррова победа Троцкого над Сталиным, или как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 119–146; *Войтиков С.С.* И.В. Сталин против Я.М. Свердлова // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 30–45.
- ¹³ *Войтиков С.С.* «Ворошилов командовать армией совершенно не может». С. 120.
- ¹⁴ Там же. С. 124.
- ¹⁵ Там же. С. 125–126.
- ¹⁶ Там же. С. 142–143.

Характеристика руководителей Белого движения в научно-публицистических рецензиях российских историков и литераторов (1990-е – 2016 гг.)

В статье рассматриваются научно-публицистические рецензии, в которых содержится критический анализ изданий по истории Белого движения в России в 1918–1920 гг. и биографий руководителей Белого движения. Эти рецензии, написанные современными российскими историками и литераторами, были опубликованы в газетах и журналах. Основное внимание в статье уделяется характеристике руководителей Белого движения, содержащейся в этих рецензиях.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.В. Колчак, П.Н. Врангель, биография, рецензия, критика, историческая публицистика.

В 1990–2000-е годы, когда российские историки активно изучали историю Белого движения в период Гражданской войны в России, появление каждой новой книги вызывало не только большой интерес специалистов и читателей, интересующихся историей Белого движения, но и публикацию в газетах и журналах рецензий на эти книги. Среди этих книг особое место занимают биографические исследования о руководителях Белого движения, в которых подробно рассматриваются судьбы и деятельность генералов М.В. Алексева, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, а также адмирала А.В. Колчака. Такие биографические книги вызывали повышенный интерес и пользовались повышенным спросом массового читателя. Вполне поэтому естественно, что и рецензии на такие биографические книги печатались не только в научных исторических журналах, но также в общественно-политических и литературно-художественных журналах и газетах.

Важно отметить, что среди множества опубликованных рецензий выделяются такие, которые имеют не обычный научный характер, а научно-публицистический, фактически являются публицистической критической статьей на тему истории Белого движения. Таким образом, они являются составной частью российской исторической публицистики.

Научная рецензия на монографию, сборник статей, сборник документов, номер журнала и т. д. включает в себя три основных элемента: точное библиографическое описание рецензируемого издания, краткое изложение содержания по главам, разделам, рубрикам и т. д., краткий критический разбор и общая оценка издания, его места в историографии.

Научно-публицистическая рецензия (критическая статья), помимо этого, содержит основные элементы, характерные для текстов, написанных в публицистическом стиле: передача читателю общественно значимой информации, активное воздействие на читателя, внушение читателю определенных идей и взглядов, побуждение читателя к определенным действиям, научное рассуждение, подробный критический анализ рецензируемого произведения, а также взглядов и исследовательских методов его автора, использование эмоционально-оценочной лексики (особенно в случае резкой критики) и даже художественной выразительности, использование фразеологизмов.

Для иллюстрации этой разницы приведем в качестве примера две журнальные рецензии одного автора – историка С.В. Карпенко.

Первая рецензия – это отзыв на номера альманаха «Белая гвардия», который издавался как специальные выпуски журнала «Посев». Эта рецензия была опубликована в одном из ведущих и самых авторитетных исторических журналов СССР и России – «Вопросы истории». Она отличается строгой научностью по структуре и стилистике: в ней, прежде всего, дается точное библиографическое описание рецензируемого издания, далее кратко излагается состав и содержание трех первых номеров альманаха, выпущенных в 1997, 1998 и 1999 гг., и, наконец, дается высокая оценка научному уровню материалов альманаха, а также положительная оценка труду историков, подготовивших эти номера (прежде всего – В.Ж. Цветкова)¹.

Вторая рецензия была написана на опубликованную в 2009 г. в серии «Жизнь замечательных людей» книгу известного историка Б.В. Соколова «Врангель»². Наряду с традиционными научными чертами эта рецензия имеет ярко выраженный публицистический характер. Во-первых, резко критикуя новую биографическую кни-

гу о генерале П.Н. Врангеле, автор рецензии широко использует не только научную лексику, но и эмоционально-оценочные слова и выражения, которыми характеризуется стиль текста книги и подход Б.В. Соколова к описанию жизни генерала П.Н. Врангеля. Во-вторых, помимо краткого критического отзыва рецензия содержит авторские рассуждения относительно использованных Б.В. Соколовым источников и относительно биографии и личности генерала П.Н. Врангеля, то есть рецензент выходит за рамки обычной критической оценки книги. В-третьих, рецензент прямо обращается к читателю, старается активно воздействовать на читателя, убеждая его в ошибочности взглядов Б.В. Соколова на личность генерала П.Н. Врангеля, убеждая его в важности объективного изучения Белого движения и деятельности его вождей (в данном случае – генерала П.Н. Врангеля). При этом рецензент настойчиво рекомендует как читателям, так и будущим исследователям ознакомиться с теми или иными исследованиями и источниками, которые, по его мнению, дадут более точное и полное представление о судьбе и личности генерала П.Н. Врангеля. Наконец, рецензент активно популяризирует свои собственные оценки личности генерала П.Н. Врангеля.

Из обнаруженных нами научно-публицистических рецензий на издания по истории Белого движения и биографии руководителей Белого движения одной из первых (возможно, самой первой) стала рецензия историка А.Б. Езеева на первые четыре книги мемуарной серии «Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах», опубликованная в литературно-художественном журнале «Москва» в 1994 г.³

Автор рецензии, отмечая, что «белогвардейскими мемуарами сегодня мало кого удивишь», пишет о том, что переиздают их издатели самых разных политических убеждений и с самыми разными общественно-политическими намерениями: найти истоки кризисного положения вещей в России, провести параллели современного состояния страны с прежними Смутными временами, использовать скандальные темы для «всевозможных спекуляций». Оусуждая такой ярко выраженный публицистический подход к переизданию воспоминаний участников Белого движения, А.Б. Езеев выше всех подобных переизданий ставит мемуарную серию «Белое дело», которая, по его оценке, «заметно выделяется солидностью, основательностью и научно-историческим подходом».

Стремясь убедить читателей отдать предпочтение именно этой серии, вызвать к ней интерес у тех, кто увлекся историей Белого движения, А.Б. Езеев приводит два аргумента. Первый состоит в

том, что в книгах серии ее составитель и научный редактор историк С.В. Карпенко каждую книгу составил так, что происходит противопоставление различных позиций и взглядов авторов воспоминаний и дневников, среди которых представлены как руководители Белого движения, так и рядовые офицеры белых армий. Тем самым читателю предоставляется возможность самому разобраться в происходивших событиях, составить собственное мнение о роли руководителей Белого движения в событиях Гражданской войны, самому оценить их замыслы, решения и действия. Второй заключается в том, что в обширных комментариях к каждой книге приводятся беспристрастные, строго научные биографические справки об авторах воспоминаний и упоминаемых ими лицах, участников Белого движения, что стало важным шагом в биографическом изучении Белого движения⁴.

Важно отметить то обстоятельство, что А.Б. Езеев подкрепляет свои рассуждения о важности восстановления исторической правды о Белом движении ссылкой на предисловие составителя серии С.В. Карпенко, помещенное в первой книге, названной «Генерал Корнилов». В этом предисловии С.В. Карпенко в публицистической манере сформулировал замысел и задачи всей мемуарной серии. Одна из них заключалась в том, чтобы дать современному читателю возможность самому разобраться в деятельности руководителей Белого движения, самому оценить их личностные качества, их достижения в становлении Белого движения и их военные и политические ошибки, которые привели к гибели Белого движения, а также причины, по которым эти ошибки были совершены⁵.

В 2002 г. вышло первое издание книги С.В. Карпенко «Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.)»⁶, на которую написал рецензию историк Г.З. Иоффе, известный советский и российский специалист по истории Белого движения. Эта рецензия была опубликована в ведущем литературно-художественном и публицистическом журнале русской эмиграции – «Новом журнале», издающемся в Нью-Йорке⁷.

Для рецензии Г.З. Иоффе, который известен также как автор художественных воспоминаний⁸, характерен присущий ему выразительный публицистический стиль. Критическую оценку книги С.В. Карпенко он предварил рассуждениями о том, что в 1990-е г., когда началось активное изучение Белого движения, ранее замалчивавшегося, произошло не восстановление историографического «баланса», а новое его нарушение, но с обратным знаком: прежде всего в «массовой», популярной исторической литературе красные либо вообще стали исчезать из поля «исторического зрения», либо

превращались в «маловыразительный фон, на котором героизировалось» Белое движение. Г.З. Иоффе назвал это «болезнью роста, болезнью перемен». Как одно из достоинств рецензируемой книги он отметил стремление автора показать социально-экономическую обстановку и идейно-нравственную атмосферу Гражданской войны через восприятие вождей белых армий – генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, – поскольку это помогает понять причины поражения Белого движения⁹.

Спустя три года, в 2006 г., известный историк и литератор С.Н. Семанов, долгие годы проработавший главным редактором знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», написал критическую заметку о третьем, исправленном и дополненном, издании той же книги С.В. Карпенко¹⁰. Написанная в кратком газетном формате, но в яркой публицистической манере, эта заметка-рецензия была опубликована в газете «Литературная Россия»¹¹.

В отличие от Г.З. Иоффе, который одним из главных достоинств книги считал введение в научный оборот новых архивных документов, С.Н. Семанов прежде всего хвалебно отозвался о «корпусе мемуарной литературы», которые позволили автору «легко прочертить» биографии белых генералов, руководителей Белого движения, в период Гражданской войны. В этой связи автор заметки познакомил читателей газеты со своим взглядом на то, кому после Гражданской войны досталась военная слава и известность:

Муза Клио, покровительница истории, дама чрезвычайно капризная, свои пристрастия она дарит сугубо произвольно и непредсказуемо. Так и в нашем случае. Да, красные победили белых, полностью разгромили их, оставшихся навсегда изгнали с родной земли. Казалось бы, им и должна была достаться вся слава. Но нет, именно побежденные запечатлели на исторических скрижалях свою быль неизмеримо полнее и ярче, чем их победители¹².

Тем самым С.Н. Семанов, по сути, призвал читателей ознакомиться не только с книгой С.В. Карпенко, но и с воспоминаниями как руководителей Белого движения, так и рядовых его участников.

Практически одновременно с заметкой С.Н. Семанова, в июле 2006 г., известный литературовед и исторический романист О.Н. Михайлов опубликовал в «Литературной газете»¹³ критическую статью о романе-хронике С.В. Карпенко «Последний главком», опубликованном в популярной серии «Белое движение» и описывающем участие генерала П.Н. Врангеля в событиях Гражданской войны на Северном Кавказе в 1918–1919 гг.¹⁴

Выход в свет этого романа-хроники дал О.Н. Михайлову повод с резкой критичностью высказаться о большом числе, по его выражению, «псевдоисторических» и «историко-фантастических» произведений, которые выпускали различные издательства. Посчитав на их фоне роман-хронику С.В. Карпенко «незаурядным» и «удачным», он отметил его главное достоинство – глубокое раскрытие жизни и борьбы П.Н. Врангеля на обильном фактическом материале, «ярко и выразительно нарисованный» образ генерала. Кратко обобщая авторское раскрытие образа главного героя романа-хроники, О.Н. Михайлов предлагает читателям свое понимание судьбы генерала П.Н. Врангеля:

В 1918–1919 годах Врангелю не единожды удалось вырваться из лап смерти. Судьба словно хранила его для защиты Крыма – единственного клочка Русской земли, оставшегося от огромного пространства деникинского юга к весне 1920-го, – и для спасения жизней полутора сотен тысяч людей, не примирившихся с большевизмом¹⁵.

Публикацию нескольких рецензий в различных журналах вызвало издание в серии «Жизнь замечательных людей» биографии генерала Л.Г. Корнилова, написанной известными историками А.И. Ушаковым и В.П. Федюком¹⁶. Две из них одновременно вышли в журнале «Новый исторический вестник», известном тем, что в нем печатаются не только научные статьи, но также научно-популярные очерки и историко-публицистические работы. Одна из них, написанная В.Г. Чичерюкиным-Мейнгардтом, является вполне традиционной научной рецензией¹⁷. Другая, написанная И.А. Белоконом, содержит в себе элементы исторической публицистики¹⁸, что характерно и для некоторых других рецензий этого историка¹⁹.

И.А. Белоконов к числу «несомненных достоинств» книги относит «непринужденность повествовательной манеры авторов», но в то же время отмечает:

Тем досаднее было заметить, что авторы не сумели полностью избавиться от некоторых особенностей «ученого» стиля, совершенно, на наш взгляд, неуместного в книге серии ЖЗЛ. То и дело мелькают «в нашем распоряжении», «нетрудно заметить», «следует обратить внимание», «как мы уже писали», «мы уже не раз упоминали», «отметим», «напомним», «нам кажется», «мы не знаем», «предоставим слово», «еще раз повторим» и прочее подобное. Ощущение складывается такое, что авторам очень хотелось обозначить собственное присутствие рядом со своим героем.

Главным же недостатком книги он считает то, что «цельный законченный образ Корнилова у авторов так и не сложился. Может, потому, что слишком рано генерала похитила смерть и он не успел подобно своим преемникам собственноручно создать ни подробного жизнеописания, ни обширного архива... Но вряд ли это оправдывает то обстоятельство, что на всем протяжении книги мы привыкаем к ненавязчивому присутствию главного героя, лишённого авторами способности увидеть события собственными глазами». По мнению И.А. Белокопя, авторы биографического произведения о генерале Л.Г. Корнилове не смогли проникнуть в психологическую мотивацию поступков своего героя: «...Что же было исключительно корниловским в мучительной борьбе героя с собою и обстоятельствами, авторы раскрыть не сумели». В этой связи рецензент рекомендует читателям другую книгу – «Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.» С.В. Карпенко, – в которой, по его мнению, последние месяцы жизни Л.Г. Корнилова на Дону и Кубани, его отношения с ближайшим окружением «описаны психологически глубже, с яркими, красноречивыми деталями, с подлинным, а не книжным, трагизмом»²⁰.

Таким образом, авторы научно-публицистических рецензий на биографические произведения прежде всего обращают внимание на склонность и способность биографов из числа историков раскрывать психологический портрет конкретного руководителя Белого движения, вскрывать психологические мотивы его решений и поступков. Показательна в этом плане рецензия (точнее, критическая статья) известного журналиста, политического публициста и историка Я.В. Шимова, написанная сразу на две книги – П.Н. Зырянова «Адмирал Колчак, верховный правитель России»²¹ и С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута»²². Эта сравнительно большая, с пространными рассуждениями, статья была опубликована в 2012 г. в журнале «Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре»²³.

Следует прежде всего обратить внимание на то, как сам Я.В. Шимов обосновал отбор именно этих двух книг для критического анализа. По его мнению, память о Гражданских войнах «очень живуча – даже тогда (вернее, особенно тогда), когда по политическим мотивам этой памятью пытаются манипулировать, загоняя все “неудобное” вглубь, в подсознание общества. Возможно, это происходит потому, что во время гражданских войн известное правило “горе побежденным” воплощается в жизнь с особой беспощадностью. Психологическая травма, которой является любая война, в этом случае оказывается особенно глубокой. <...> Именно поэтому исследования гражданских войн, если они не отягощены

идеологией и не слишком подвержены политической конъюнктуре, можно отнести к области не только исторической, но и в какой-то мере психотерапевтической литературы. Две книги, о которых пойдет речь, относятся к этому разряду: работа Сергея Карпенко – в большей степени, Павла Зырянова – в меньшей»²⁴.

Далее автор рецензии переходит к рассуждениям о специфичности жанра исторической биографии:

...Историческая биография – весьма специфический жанр. В нем, с одной стороны, перед автором стоит сложнейшая задача реконструкции личности с учетом исторического контекста (даже изобилие источников в этом случае помогает не всегда). С другой же, – возникающее ощущение понимания и «вживания» в личность героя может сделать автора пленником того, чью жизнь он пытается воссоздать. Особенно когда речь идет о человеке, чье имя по политическим причинам долгое время находилось под запретом или упоминалось исключительно в негативном контексте. Слишком велик соблазн превратить биографию в агиографию, чтобы смыть с несправедливо оклеветанной исторической фигуры все былые «наветы». Применительно к адмиралу Колчаку избежать подобной ловушки непросто...²⁵

Автор рецензии в целом соглашается с П.Н. Зыряновым, что адмирал А.В. Колчак, «несмотря на присущую ему эмоциональность и порывистость, был человеком порядка, системы, иерархии, рациональным... <...> Позитивистскому взгляду на вещи способствовала и научная деятельность в годы полярных экспедиций, в которых будущий адмирал участвовал в молодости. Это сослужило ему добрую службу, пока продолжалась его флотская карьера, но подвело в годы революции и смуты, когда иррациональное начало в поведении людей часто брало верх, и адмирал, человек воли и дисциплины, но не митинговой харизмы, порой не знал, как справиться с ситуацией»²⁶.

Отмечая, что биограф А.В. Колчака «воздерживается от каких-либо выводов» по поводу политических взглядов адмирала, сам Я.В. Шимов уверенно утверждает, что А.В. Колчак, как и «большинство военных руководителей Белого движения», был человеком «изначально аполитичным». И в этом рецензент видит «трагедию белых», убеждая читателей в своей правоте:

...Антибольшевистское движение, у истоков которого стояла часть высших офицеров распавшейся императорской армии, неизбежно стало движением политическим, однако отказывалось от формулировки сколь-нибудь ясной политической программы, прежде всего по аграр-

ному вопросу. Выдвижение доктрины «непредрешения», которая перекладывала решение всех важнейших вопросов обустройства России на Учредительное собрание, чей созыв предполагался после победы над большевиками, сыграло с белыми злую шутку. Ведь противная сторона своих намерений особо не скрывала...²⁷

И далее рецензент формулирует свою оценку деятельности руководителей Белого движения:

Впрочем, трудно винить в этом Колчака, равно как и других военных, попеременно стоявших во главе Белого движения, – генералов Алексеева, Корнилова, Деникина и Врангеля. В 1917–1920 годах речь шла по сути дела о колоссальном крахе гражданской, политической и экономической элиты бывшей Российской империи²⁸.

Кратко обобщая основной материал книги С.В. Карпенко о социально-экономических и политических факторах, определивших ход событий на юге России и приведших белых к поражению, Я.В. Шимов убеждает читателя в правильности своего вывода о том, что «антибольшевистские силы сгубили три перманентных кризиса, с которыми они столкнулись на протяжении гражданской войны: материально-финансовый, государственно-политический и кадровый»²⁹.

Автор рецензии разбирает в основных моментах и высоко оценивает проведенный С.В. Карпенко детальный анализ хода и механизмов этих кризисов и порожденных ими социальных, политических, военных и личностных конфликтов, причем с постоянным раскрытием их «психологической стороны, губительной для Белого дела». И далее, опять возвращаясь к характеристике руководителей Белого движения, он формулирует для читателя свою собственную мысль, которую, вероятно, считает главной:

Оба автора не обходят стороной и проблему политического лидерства, сыгравшую немалую роль в судьбе Белого движения. Его вожди были честными, небесталанными и патриотичными людьми, но среди них не нашлось ни одного, обладавшего политическими талантами, «русского Франко», способного преодолеть раскол в собственном лагере³⁰.

Это главное утверждение Я.В. Шимова обращено к читателям рецензии и, вероятно, призвано сформировать у них убежденность в том, что слабость руководителей Белого движения именно как

политических лидеров стала одной из главных причин поражения Белого движения.

Таким образом, научно-публицистические рецензии, авторы которых, часто являясь не только историками, но и литераторами, в той или иной мере характеризуют руководителей Белого движения, отличаются несколькими особенностями. Во-первых, рецензенты активно рекомендуют читателям ознакомиться с конкретными исследованиями и мемуарными произведениями, убеждая читателей в том, что именно в них наиболее полно и точно раскрывается судьба и деятельность того или иного руководителя Белого движения. Во-вторых, рецензенты обращаются к будущим исследователям-биографам с призывом искать новые источники (документы и воспоминания) и глубоко анализировать их наряду с уже известными источниками о жизни руководителей Белого движения. В-третьих, рецензенты, особенно из числа журналистов и литераторов, придают исключительно важное значение психологическому портрету героя биографического произведения, высоко оценивая те издания, где автору удалось проникнуть в психологию конкретного руководителя Белого движения, вскрыть психологические мотивы его решений и поступков. В-четвертых, оценивая авторское раскрытие образа главного героя биографического произведения, рецензенты активно предлагают читателям свое видение, собственное понимание судьбы этого конкретного руководителя Белого движения, свои взгляды на его заслуги, приведшие к победам, и на его ошибки, приведшие к поражениям. В-пятых, они стремятся публиковать свои рецензии в многотиражных и популярных газетах и журналах, материалы которых вдобавок представлены в электронном виде в Интернете, чтобы максимально расширить свою читательскую аудиторию.

Примечания

- ¹ Карпенко С.В. [Рец.] Белая гвардия. Альманах. Специальные выпуски журнала «Посев» // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 161–162.
- ² Карпенко С.В. Очередной пересказ «Записок» Врангеля, дополненный, но не исправленный // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 146–153.
- ³ Езеев А.Б. Белое дело // Москва. 1994. № 6. С. 152–153.
- ⁴ Там же. С. 153.
- ⁵ Карпенко С.В. «История подведет итоги нашим деяниям» // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 1. Генерал Корнилов. М., 1993. С. 5–8.
- ⁶ Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2002.

- ⁷ *Иоффе Г.З.* [Рец.] Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.) // Новый Журнал. 2003. № 233. С. 291–294.
- ⁸ *Иоффе Г.З.* Как я был «безродным космополитом» // Новый исторический вестник. 2010. № 3 (25). С. 95–108.
- ⁹ *Иоффе Г.З.* [Рец.] Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения... С. 293–294.
- ¹⁰ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006.
- ¹¹ *Семанов С.Н.* Белое дело: Новейшее истолкование // Литературная Россия. 2006. 7 июля. № 27. С. 5.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Михайлов О.Н.* Рыцарь белой идеи // Литературная газета. 2006. 5–11 июля. № 27. С. 15.
- ¹⁴ *Карпенко С.В.* Последний главком: Роман-хроника. М., 2006.
- ¹⁵ *Михайлов О.Н.* Указ. соч. С. 15.
- ¹⁶ *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2006.
- ¹⁷ *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* [Рец.] Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов. М., 2006 // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 291–292.
- ¹⁸ *Белоконь И.А.* [Рец.] Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов. М., 2006 // Там же. С. 293–295.
- ¹⁹ *Белоконь И.А.* Упущенный шанс Широкограда, или Белое дело и его разоблачение // Там же. 2009. № 3 (21). С. 126–133.
- ²⁰ *Белоконь И.А.* [Рец.] Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов. М., 2006 // Там же. 2007. № 2 (16). С. 294.
- ²¹ *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2012.
- ²² *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009.
- ²³ *Шимов Я.* В борьбе за безнадежное дело: анатомия Гражданской войны // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 309–317.
- ²⁴ Там же. С. 310.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 311.
- ²⁷ Там же. С. 312.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 316.

Abstracts

M. Andreev

The Security Council of the Russian Federation and its Secretary Alexander Lebed. June – October 1996

The article discusses changes in the personnel and competence of the Security Council of the Russian Federation in the period of June – October 1996. The article also presents changes in competences of a secretary of the Security Council of the Russian Federation after A.I. Lebed's coming to this post, as well as reasons for his resignation.

Key words: Security Council of the Russian Federation, Defense Council of the Russian Federation, Administration of the President, Secretary of the Security Council, A.I. Lebed.

I. Anfertiev

Joseph Stalin's Ascent to Power and the Strategic Agenda of the Ruling Party RCP(b) in the Sphere of Social Transformations

The article analyzes the specificities in activities of the ruling grouping among members in Politburo of the Central Committee of the RCP(b) for the first half of the 1920s, and the growth of its role in the system of state management. The article also analyzes the creation of tools that seemed for the party leadership to be effective in achieving the social sphere objectives. Finally, the article assesses an impact of change of the party leader on these processes.

Key words: Russian Communist party (Bolsheviks) Politburo of the Central Committee of the RCP(b), party leader, party infighting, social policy.

T. Arkhipova

Modern Russian Statehood and the Prospects for its Modernization

The article describes the components of Russian statehood at the turn of 20th – 21st centuries, the main issues of their development and directions of their modernization. Special attention is paid to the state apparatus and state service.

Key words: statehood, state structure, state apparatus, bureaucracy, state ideology, national idea.

A. Bakhturina

Discussions on National and Local Laws in Relation to the Grand Duchy of Finland (1908–1910)

The article considers an issue of distinction the imperial legislation from domestic one in Russian Empire in 1908–1910. It deals in details with a discussion between political and public figures in Grand Duchy of Finland and Russian Empire on the internal legislation of Finland of that period. It is noted that the parties could not reach an agreement, because they were not ready for a constructive dialogue. They only sought to expand their sphere of influence.

Key words: Grand Duchy of Finland, Russian Empire, local laws, P.A. Stolypin.

K. Eryomina

The Wane of General-Governorship Institution in Novorossia in the second half of 19th century

This article analyzes place and role of the general-governorship institution after the Crimean War in the Russian Empire as a whole and in Novorossia in particular. It considers the activities of last governor-generals of this region: A.G. Stroganov and P.Ye. Kotsebu. The author also characterizes reasons and circumstances why the Novorossia and Bessarabia general-governorship was abolished in 1874.

Key words: Novorossia, Novorossia and Bessarabia general-governorship, general-governorship institution, governor-general, A.G. Stroganov, K.Ye. Kotsebu.

D. Galieva

Russia's Natural Monopolies under Conditions of Reforming at the turn of 20th –21st centuries (by the Example of Railway Transport)

By reference to documents of the Ministry of Railways of the Russian Federation the article analyzes the process of reforming the management of a natural monopoly – railway transport of the Russian Federation. The main attention is paid to the phased analysis of effected transformations and the role of the Ministry of Railways in their implementation. The author concludes that in the current economic environment in which the reform took place the chosen evolutionary path of reforming has fully justified itself. Nevertheless, the question of demonopolization of railway transport is still an open one.

Key words: Post-Soviet Russia, Russian Federation, natural monopoly, railway transport, Ministry of Railways, “Russian Railways” JSC, structural reform.

A. Lukshin

Characteristics of White Movement Leaders in the Scientific and Journalistic Reviews of Russian Historians and Writers (1990s–2016)

The article discusses the scientific and journalistic reviews, which contain critical analysis of publications on the history of the White movement in Russia in 1918–1920 and biographies of the White movement leaders. These reviews were written by contemporary Russian historians and writers, and were published in newspapers and magazines. The article focuses on the characteristics of the White movement leaders, contained in these reviews.

Key words: Russian Civil War, White Movement, M.V. Alekseev, L.G. Kornilov, A.I. Denikin, A.V. Kolchak, P.N. Wrangel, biography, review, criticism, historical journalism.

A. Senin

Transport of the Ukrainian SSR during the Period of the New Economic Policy

The article analyzes the state of transport by the end of the Civil War, transport management reform during transition to the New Economic Policy, the state of transport infrastructure in the recovery period and first years of the country modernization. The article also presents features of the transport system development on the territory of the Ukrainian SSR.

Key words: New Economic Policy, transport system, railways, water transport, civil aviation, road and cartage, road construction, transportation engineering.

L. Shapovalova

About Professor Tatyana Korzhikhina's Scientific Work

The article considers the stages of T.P. Korzhikhina's (professor of the Russian State University for the Humanities) professional biography and analyzes her major scientific works concerning the history of Russian statehood and public organizations in the 20th century. It also assesses Korzhikhina's contribution to the study of Russian political history of the 20th century.

Key words: Russian statehood, state apparatus, state institutions, public organizations, administrative-command system of management, Soviet nomenklatura.

E. Skripko

Organization of Nature Protection in Soviet Russia (1919–1924)

The article represents the period of establishment of nature reserves in the RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic) and the role of government agencies in its formation. Particular attention is paid to the formation of the Department of Nature Protection of the RSFSR People's Commissariat of Education and its advisory bodies. The article also discusses a conflict between the People's Commissariat

of Education and the People's Commissariat of Agriculture for supremacy over the reserves, that ended up in victory for the People's Commissariat of Education.

Key words: nature protection, nature reserve, RSFSR People's Commissariat of Education, Department of Nature Protection, RSFSR People's Commissariat of Agriculture.

S. Voytikov

Contemporary Historiography of Joseph Stalin's Activities during the Russian Civil War

The article examines the current historiography of Joseph Stalin's activities during the Civil war. In the post-Soviet time two trends in an assessment of a role of the future host of the Bolshevik party-state mechanism were revealed. The first one, critical, is associated with a comprehensive reassessment of domestic historiographical dogmas. The second one is the traditional continuing Soviet historical canons. Removing a "taboo" from a study of the contribution by Leon Trotsky in the Soviet military build-up caused a surge of interest in the relationship of these two leaders of the Bolshevik party.

Key words: Joseph Stalin, Leon Trotsky, Soviet power, Civil War, Russian Communist party (Bolsheviks), struggle for power, historiography.

Сведения об авторах

Андреев Михаил Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, mixandreev@yandex.ru

Анфертьев Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени, докторант, Российский государственный гуманитарный университет, vestarchive@gmail.com

Архипова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, archipova-iai@yandex.ru

Бахтурина Александра Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, a-yu-b@yandex.ru

Войтиков Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, докторант, Российский государственный гуманитарный университет, svoyt@mail.ru

Галиева Диана Сагидовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, dsgalieva@gmail.com

Ерёмина Ксения Вячеславовна – аспирант кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, ekv0212@gmail.com

Лушкин Алексей Федорович – аспирант кафедры истории России новейшего времени, факультет архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, blb1@mail.ru

Сенин Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, as_senin@mail.ru

Скрипко Елена Александровна – старший преподаватель, кафедра документоведения, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, skripko_ea@mail.ru

Шаповалова Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, факультет документоведения и технотронных архивов, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, shlarisa2009@yandex.ru

General data about the authors

Andreev Mikhail A. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of History of State Institutions and Public Organizations, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, mixandreev@yandex.ru

Anfertiev Ivan A. – Ph.D. in History, doctoral candidate, associate professor, professor of the Department of Russia Contemporary History, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, vestarchive@gmail.com

Arkhipova Tatyana G. – Dr. in History, professor, head, Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, archipova-iai@yandex.ru

Bakhturina Alexandra Yu. – Dr. in History, professor of the Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, a-yu-b@yandex.ru

Eryomina Kseniya V. – postgraduate student of the Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, ekv0212@gmail.com

Galieva Diana S. – Ph.D. in History, senior lecturer, Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, dsgalieva@gmail.com

Lukshin Alexey F. – postgraduate student of the Department of Russia Contemporary History, Faculty of Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, blb1@mail.ru

Senin Alexander S. – Dr. in History, professor, Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, as_senin@mail.ru

Shapovalova Larisa D. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, shlarisa2009@yandex.ru

Skripko Elena A. – senior lecturer, Department of Records Management, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, skripko_ea@mail.ru

Voytikov Sergey S. – Ph.D. in History, doctoral candidate, Russian State University for the Humanities, svoyt@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректоры *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 24.08.2017.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,4. Уч.-изд. л. 9,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 117

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
